

АНТИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ЮВЕНАЛ

САТИРЫ

Серия

АНТИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ЮВЕНАЛ

САТИРЫ

СПб
1994

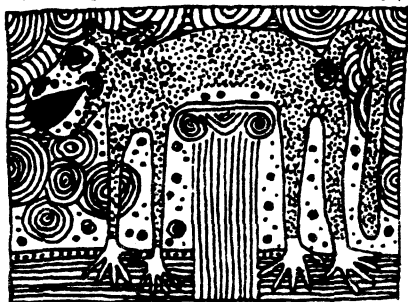
АНТИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

АНТИЧНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ЮВЕНАЛ

• S A T U R A E •

САТИРЫ

СПб
Издательство
«Алетейя»
1994

**ОСНОВАТЕЛЬ СЕРИИ
О. Л. АБЫШКО**

**РУКОВОДИТЕЛЬ СЕРИИ
С. Н. ТРОХАЧЕВ**

**Книга издана
при участии
ЧАИ «Олимп»**

**Издательство «Алетейя»
сердечно благодарит
Анну Александровну Петровскую,
наследницу переводчика Ф. А. Петровского
за помощь, оказанную при подготовке
данного издания**

ISBN 5-85233-003-5

© ТОО "МАГИК-ПРЕСС", 1994

© «Алетейя», 1994

© В. С. Дуров, вступительная статья и комментарии, 1994

© Ф. В. Емельянов, серийное оформление, 1994

© П. П. Лосев, иллюстрации, 1994

© «Античная библиотека», название серии

САТИРЫ ЮВЕНАЛА

Ювенал — последний классик римской сатиры. Вряд ли слова «сатира» и «сатирический» имели бы то значение, которое мы в них вкладываем, если бы не было Ювенала. В европейскую культуру, в историю литературы Ювенал вошел как обобщенный образ поэта-обличителя политического деспотизма и нравственного разложения своего времени.

О жизни Ювенала почти ничего не известно, хотя мы располагаем целой дюжиной его жизнеописаний. Самое древнее из них создано, вероятно, к концу IV века, то есть более чем через 250 лет после смерти поэта. Как правило, ни одно из этих жизнеописаний не заслуживает полного доверия.

На основании косвенных свидетельств можно заключить, что сатирик родился между 50 и 60 гг. н. э. Место его рождения — Аквин, небольшой город близ Рима.

О происхождении Ювенала в лучшем из дошедших до нас жизнеописаний говорится весьма неопределенно: он был сыном или воспитанником состоятельного вольноотпущенника, получившим тщательное грамматическое и риторическое образование. Среди его учителей, возможно, был крупный ритор того времени Марк Фабий Квинтилиан, автор 12 книг «Образования оратора». Известно, что Ювенал почти до середины своей жизни занимался сочинением декламаций, речей на вымышленные темы, причем скорее для собственного удовольствия, нежели для того, чтобы подготовиться к профессиональной деятельности. Впрочем, некоторое время он все же вел адвокатские дела, но, по всей видимости, не был удачлив на этом поприще, которое не принесло ему значительных доходов.

Свою деятельность поэта-сатирика Ювенал начал только после смерти императора Домициана (96 г. н. э.), когда в Риме установилась относительная свобода слова. Насколько можно судить, Ювенал выступал с публичным чтением своих сатир и имел успех, чем, кажется, навлек на себя неприятности: уже в античности была распространена версия, что, несмотря на восьмидесятилетний возраст, он был сослан, под предлогом военного командования, не то в Египет, не то в Британию, где и умер. Однако история с изгнанием поэта производит впечатление легенды. Дата смерти его неизвестна. Несомненно одно: он умер после 127 года.

Сатиры Ювенала сообщают в высшей степени скудные данные об их авторе. В отличие от своих предшественников, сатириков Луцилия и Горация, Ювенал тщательно избегает говорить о себе, и хотя его сатиры дают довольно ясное представление о личности поэта, о его мыслях и устремлениях, они почти не информируют нас о внешних обстоятельствах его жизни. Наоборот, Ювенал старается, насколько это возможно, задвинуть в тень свою фигуру, как будто боится своим присутствием ослабить впечатление своих разоблачительных инвектив. Тем не менее, по некоторым намекам в самих сатирах можно, например, заключить, что Ювенал не был богат. В одной из эпиграмм Марциала (12, 9), он изображен беспокойно снующим по улицам Рима, чтобы засвидетельствовать свое почтение богачам. На то, что Ювенал во время своего пребывания в Риме вел жизнь клиента, указывают его сатиры, в которых поэт с пониманием, сочувствием и горечью говорит о положении римских клиентов. От Ювенала дошло 16 гекзаметрических сатир в 5-ти книгах: они были опубликованы последовательно, в порядке их нумерации, приблизительно между 100 и 127 годами.

Сатиры Ювенала дошли до нас в многочисленных списках. В настоящее время известно около 300 рукописей его сатир; несколько манускриптов хранятся в библиотеках России. Все они, как правило, позднего происхождения, прошли через много рук разных переписчиков и подверглись многим искажениям. Установление

редакции текстов сопряжено с немалыми трудностями, так как целый ряд стихов вызывает у издателей сомнения в их подлинности. Хронологические указания в самих сатирах минимальны, однако ясно, что поэтической зрелости Ювенал достиг при императоре Траяне (годы правления 98–117) и продолжал писать сатиры во время правления Адриана (годы правления 117–138). Оба императора почти полностью отвечали представлению сенатской аристократии об идеальном правителе. Ненавидящий тиранию императорского режима, историк Тацит восторженно приветствует принципат Траяна как «зарю счастливого века», как «годы редкого счастья, когда каждый может думать, что хочет, и говорить, что думает» («История», 1, 1).

Антисенатские репрессии, ставшие обычным явлением в последние годы правления Домициана, прекратились. В Рим из ссылки возвращаются изгнанные философы. Проводятся мероприятия против доносчиков, число которых возросло при Домициане. Стираются различия между римлянами и провинциалами; последним открывается широкий доступ к государственной карьере. Между императором и сенатом устанавливается согласие. Особым покровительством императора пользуется та часть интеллигенции, которая была тесно связана с господствующим классом. Адриан лично проявляет заботу о науках и искусствах, интересуется культурной жизнью Афин, поощряет философов, поэтов и ученых. Все недовольные деспотическим правлением Домициана теперь получили возможность открыто излить свое негодование, уверенные, что их сочинения встретят благосклонный прием. На литературной арене появляются писатели, которые при Домициане предпочитали молчать. В Риме заявляет о себе целая плеяда писателей: Тацит, Плиний, Светоний, Ювенал, сменившие ушедших из жизни Стация, Валерия Флакка, Силия Италика, Квинтилиана, уехавшего в Испанию Марциала.

Хотя в период правления Траяна и Адриана многие противоречия, обострившиеся при Домициане, сглаживаются, тем не менее далеко не все социальные конфликты устраняются. Императоры все меньше руковод-

ствуют законами и все больше опираются на военную силу. Политическая активность идет на убыль. Увеличивается пропасть между богатством и бедностью неимущих слоев. В империи получают распространение восточные культы и христианство.

Видимо, Ювенал был захвачен общим энтузиазмом, вызванным смертью Домициана и приходом к власти Траяна. Одушевленный ненавистью к свергнутому тирану, он создает ряд сатир в резкой, инвективной форме, принесших ему в веках славу беспощадного бичующего разоблачителя. Это сатиры его первых трех книг, которые заметно отличаются от последующих, созданных стареющим поэтом в правление Адриана и обычно называемых поздними. В сатирах двух последних книг нет прежней остроты критики и той силы негодования, которая была характерна особенно для первых девяти сатир, наиболее живых по интонации и богатых темами и сатирическими образами. В поздних произведениях Ювенал более склонен поднимать проблемы общего характера, которые касаются не столько людей определенной эпохи, сколько человеческой природы вообще. В поздних сатирах сильнее чувствуется влияние риторики. По остроумному замечанию современного исследователя, в ранних и поздних сатирах Ювенал предстает перед нами как двуликий Янус, с одним лицом, обращенным на полную жизни современную ему действительность, и с другим — обращенным на умершее прошлое.

Что касается содержания его сатир, то оно, по существу, весьма ограничено. Поэт повторяет на разные лады одни и те же нападки на современные ему нравы, правда, оживляя их примерами из жизни, истории и мифологии. Хотя он и утверждает, что вся человеческая жизнь, все, что только делают люди, послужило «начинкой» его книги, за пределами его поэзии остаются многие темы, которые были характерны для его предшественников. Это было сознательное ограничение, позволившее ему сосредоточиться исключительно на разоблачении пороков. Нет в его сатирах и того многообразия форм, которое было присуще произведениям этого жанра у Луцилия и Горация. На окружающую его действи-

тельность Ювенал взирает с глубочайшим пессимизмом. Он видит одно лишь зло (по крайней мере, в своих ранних произведениях) и убежден, что оно коренится в самой природе человека. Ювенал не верит в возможность оздоровления общества. Искусный живописатель нравов, он изображает мир таким, каким он его видит, — развращенным и развращающим, доходя в своем горьком озлоблении до крайнего фанатизма. Долгу, чести, порядочности предпочитают здесь одни лишь деньги, неважно, каким путем приобретенные. Ноты личной разочарованности и озлобления придают его нападкам жестокий и беспощадный характер. Бескомпромиссная сатира Ювенала не знает ни насмешливой улыбки, ни добродушной шутки, ни психологического проникновения и понимания сути явлений, как в сатирах Горация. Для Ювенала настоящее не содержит ничего хорошего, а будущее не сулит никакой надежды. Остается лишь сожалеть о прошлом, о былом образе жизни и древних установлениях, от которых теперь не осталось и следа. Тоскуя о безвозвратно прошедших временах, поэт не видит выхода из сложившегося положения.

Позиция Ювенала-сатирика — это позиция яростного обличителя. Его нападки на разбогатевших выскочек и защита угнетенных рабов не исходят из убежденности в необходимости социального переустройства. Возмущение Ювенала вызывается противоречием между тем, что, по его мнению, должно быть, и реальным положением дел. Похоже, что из двух основных видов сатиры: одного — оптимистического и радостного (его развивает Гораций), другого — пессимистического и мрачного, Ювенал выбирает этот последний. Если у Горация сатира лечит и убеждает, то у Ювенала она ранит, карает и уничтожает.

Мрачный пессимизм Ювенала все же несколько смягчается в поздних сатирах, в которых, наряду с пороком и злом, он готов видеть и более светлые стороны жизни. Там Ювенал часто возвращается мыслями к прошлому римского народа и идеализирует патриархальную старину. Но глубоко прочувствованного восхищения древней простотой, конечно, недостаточно, чтобы ре-

шить общественные проблемы, затронутые поэтом. Оно скорее выполняет роль фона, предназначенного еще резче оттенить убожество современной жизни.

Острые своей сатиры — возможно, из художественных соображений — Ювенал обычно обращает не против настоящего, а против недавнего прошлого, против времени правления Домициана или даже Нерона, оправдывая это доводами осторожности. Конечно, это не давало ему твердой гарантии, что он избежит вражды и мести: слишком близкими являются те времена, которые он задевает. Такого рода камуфляж — скорее риторическая уловка, к которой прибегает сатирик, чтобы еще более усилить чувство отвращения, вызываемого картинами изображаемого им порока. Хотя люди, которых он называет, давно уже умерли и принадлежат прошлому, утверждает он, пороки, которые он бичует, являются пороками всех времен.

Если предшественники Ювенала нередко объясняли свое обращение к сатире внутренней склонностью к этому жанру, который они предпочитали другим, то Ювенал заявляет, что писать сатиры его вынуждает всеобщее разложение нравов. Его решение взяться за сатиру как бы навязано ему извне. «Трудно сатир не писать», — заявляет поэт. Если же недостает таланта, стихи порождает само негодование, которое неизбежно возникает при виде пороков, заполонивших Рим.

Весьма показательно, что приблизительно в то же время, когда Ювенал начинает писать сатиры, к созданию исторических сочинений приступает Тацит, для произведений которого характерен тот же пессимизм, что и для сатир Ювенала. Историк так же не скрывает своей горечи при виде повсеместного разложения нравов, однако он старается, по его собственному утверждению, писать «без гнева и пристрастия». В стихах же Ювенала больше чувства, чем рассудочности. Он не только не пытается сдержать свой гнев, а, наоборот, считает, что негодование — это именно та эмоция, которой поэт-сатирик должен руководствоваться в первую очередь. Риторическое образование Ювенала, его опыт декламатора и вкусы его эпохи, несомненно, оказали на

его сатиры самое существенное влияние. Они же определили и некоторые его слабости. Как истому декламатору, Ювеналу порой недостает уравнищенности и отстраненности. Поэт целиком погружается в свой материал и захвачен им настолько, что ему можно вменить в вину чрезмерную субъективность и излишнюю страстность. Ювенал хочет произвести впечатление человека, целиком захваченного моральными проблемами. Действительно, многие исследователи видят в нем серьезного этического проповедника. Репутация поэта-моралиста пришла к Ювеналу во времена поздней античности и в средние века и прочно держалась вплоть до XIX века, когда многие ученые объявили поэзию Ювенала неискренней на том основании, что его наставления не являются результатом разработанной системы этического учения, что он лишь повторяет избитые моралистические истины, пользуясь при этом, причем весьма неумеренно, приемами декламаторской техники. В самом деле, отношение Ювенала к человеческим недостаткам далеко отстоит от объективности, необходимой, чтобы оценивать и различать их по степени их значительности и серьезности, как это должно быть свойственно настоящему моралисту. Ювенал ставит на одну доску простые слабости и гнусные преступления. Так, в 1-й сатире он уравнивает сводника, который рассчитывает получить наследство от любовника жены, поддельвателя завещаний, отравительницу и человека, обуреваемого страстью к лошадям. Это нарушение соразмерности является одной из причин впечатления монотонности, которое возникает при долгом чтении сатир Ювенала. Хотя поэт стремится к разнообразию в своих произведениях, но тем не менее в значительной степени пропадает под мрачными красками, которые он обильно налагает повсюду. Уравнивание всех моральных проступков происходит у Ювенала потому, что он, рисуя римское общество, несомненно испорченное и погрязшее в пороках, изображает его гораздо худшим, чем оно было в действительности. Поэт-сатирик, к тому же поэт риторической выучки, он заставляет себя, особенно в ранних сатирах, видеть в окружающей его жизни только зло и мерзости. Излагая в 1-й

сатире свою поэтику, Ювенал подчеркивает, что движущей силой его сатир является негодование. Упорядоченный стиль не является главной его заботой, поэт ставит перед собой чрезвычайно трудную задачу — создать у слушателей иллюзию экспромта, иллюзию импульсивной, ничем не сдерживаемой импровизации, внезапно возникшей под влиянием гнева и возмущения. Отсюда эта выставляемая напоказ мнимая небрежность, создающая порой впечатление неестественности. После долгих занятий декламациями Ювенал создает свой особый стиль стихотворной сатиры — обобщенно-безличный, драматически напряженный, величественно-высокопарный и патетический, который является отражением его эпохи с ее резким контрастом реальности и идеала.

Однако не всегда удастся Ювеналу сохранять этот пафос негодования и соответствующий ему тон. Случается, что подлинная, художественно оправданная напряженность заменяется напряженностью искусственной, которая достигается за счет риторических вопросов, восклицаний, чрезмерных преувеличений, усилений и других средств риторики, с помощью которых Ювенал стремится вызвать чувство отвращения и гнева. Сатиры Ювенала демонстрируют его основательное знакомство с римской литературой. Лучше других он знал сочинения поэтов Марциала, Овидия, Вергилия и Горация, стихи которых он иногда пародирует, иногда имитирует, иногда использует для простой реминисценции. Из прозаиков он читал Цицерона, Сенеку, Тацита, возможно Плиния Старшего, неплохо знал сатиры Персия. Однако ему весьма далеко до стилистической изощренности сатир Персия, хотя он также питает явную слабость к вычурным стилистическим средствам, резким контрастам, неологизмам. Похоже, что Ювенал отказался от принципа Горация — от языка, близкого к разговорному. Чаще он использует возможности, предоставленные ему риторикой. При этом он стремится найти самый точный, самый характерный штрих для создания образов, которые у него, как правило, предельно конкретны, реальны, жизненны. В сатирах Ювенала нет обилия прилагательных, как можно было бы ожидать; обычно ему вполне

хватает существительного и глагола, чтобы создать образ, натуралистично описать действие или ситуацию. Блестящий бытописатель, Ювенал — большой мастер в создании реалистических сцен. Он прекрасно владеет языком эпиграмм и техникой сентенции, так что каждый частный случай в его изображении получает характер всеобщего явления. Таков ювеналовский реализм.

Для достижения правдивости используются разнообразные художественные средства: от всех ухищрений риторики до употребления банальной фразеологии и грубой, часто непристойной лексики. Даже если такая внешняя реалистичность не является действительным отражением реальной жизни, сила поэтического дарования Ювенала такова, что создается иллюзия удивительной жизненности, что далеко не часто встречается в произведениях римской литературы. Видимо, секрет заключается не столько в риторической выучке Ювенала, сколько в том, что поэт прошел суровую школу жизни и запечатлел в сатирах свой личный опыт. Чувство негодования суживает, но вместе с тем и заостряет взгляд поэта. Когда Ювенал заявляет, что «начинкой его книжки» являются «желания, страх, гнев, наслаждение, радость, интриги», то уже самым этим перечислением, нагромождением слов, без видимой их логической связи, он стремится передать впечатление беспорядочности и даже хаотичности, царящих в римском обществе. Главная заслуга Ювенала-сатирика, несомненно, заключается в том, что он, придав сатире характер резкой разоблачительности, навсегда закрепил за ней обличительное содержание. Ни один из римских сатириков, даже Гораций, не оказал на сатирическую литературу Европы такого влияния, как Ювенал, имя которого стало нарицательным для обозначения сатирика как такового.

В России первые известия о сатирах Ювенала восходят к эпохе Петра I. Однажды царь увидел сборник сатир римского поэта у одного немца и заинтересовался их содержанием. Ему прочитали отрывок из десятой сатиры со знаменитым афоризмом «в здоровом теле здоровый дух» (*mens sana in corpore sano*). Эти стихи на-

столько понравились Петру, что он выписал себе Ювенала в голландском переводе и заставлял читать себе.

Хорошо знал римского сатирика и подражал ему Антиох Кантемир, который в своих сатирах бичевал современную ему русскую действительность. Обличительные сатиры Кантемира распространялись в России только в списках и были изданы почти два десятилетия после смерти поэта. Многие стихи Кантемира звучат как очень близкий или почти дословный перевод Ювенала.

О Ювенале одобрительно отзывался основоположник русского романтизма В. А. Жуковский, но он видел в нем только поэта-моралиста. Иначе смотрели на Ювенала декабристы, для которых римский сатирик — живой вдохновенный пример политического бунтаря и республиканца. В 1826 году на допросе декабристов, когда у арестованных допытывались, у кого они заимствовали свои революционные взгляды, называлось среди других имя Ювенала. Не случайно, одним из проявлений политического свободомыслия пушкинского Онегина, героя романа в стихах «Евгений Онегин», было то, что он мог «потолковать о Ювенале». Для А. С. Пушкина Ювенал — олицетворение мужественной бичующей сатиры.

Первое упоминание имени Ювенала в стихах А. С. Пушкина относится к 1814 году в стихотворении «К другу стихотворцу», первом печатном стихотворении Пушкина. В стихотворении «Лицинию» (1814 год) есть такие стихи:

О муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный клич!
Не нужно мне гремющей лиры,
Вручи мне Ювеналов бич.

В конце своей жизни Пушкин собрался всерьез заняться Ювеналом, он начал даже переводить его десятую сатиру, так заинтересовавшую в свое время Петра I. Из начатого Пушкиным перевода уцелели стихи 1–4 и 188–195 из десятой сатиры.

Очень высоко оценил творчество Ювенала В. Г. Белинский. «Истинная латинская литература, — писал он, — то есть национальная и самобытная латинская

литература, заключается в Таците и сатириках, из которых главнейший — Ювенал. Эта литература, явившаяся в эпоху крайнего разложения стихий общественной жизни римлян, имеет высокое значение высшего нравственного суда над сгнившим в разврате обществом, что и дает ей по преимуществу всемирно-историческое, а следовательно, и никогда не умирающее значение». К этому времени имя Ювенала становится нарицательным для обозначения образцового сатирика вообще.

В 1856 году Н. Г. Чернышевский в рецензии на русский перевод од Горация писал о необходимости перевода на русский язык сатир Ювенала: «Ювенал, без всякого сомнения, будет у нас чрезвычайно популярен, лишь бы только был хорошо переведен».

В 1859 году профессор Петербургского университета Н. М. Благовещенский прочел впервые в России две публичные лекции о Ювенале. Под влиянием этих лекций поэт Д. Минаев переложил в ямбах первую и третью сатиры Ювенала, один из учеников Благовещенского В. Модестов перевел гекзаметром восьмую сатиру. Сам Благовещенский в 1880-х годах опубликовал в научном журнале прозаический перевод III, VII, VIII и X сатир.

Наиболее полный перевод Ювенала (однако без девятой сатиры) появился только в 1885 году и принадлежал перу известного поэта-сатирика А. А. Фета. В 1888 году скромный учитель одной из московских гимназий А. Адольф издал латинский текст сатир Ювенала с параллельным русским переводом в стихах. Перевод этот снабжен обширным комментарием, но некоторые части отдельных сатир не переведены, а сатира IX совсем выпущена. Полный перевод сатир Ювенала на русский язык сделан Д. С. Недовичем (сатиры I–VIII) и Ф. А. Петровским (сатиры IX–XVI) и вышел в 1937 году; частично перепечатан в 1957 году и переиздан в 1989 году. Предлагаемый нами русский Ювенал является перепечаткой последнего издания.

Сатиры Ювенала насыщены большим количеством имен и названий из греко-римской мифологии и истории, поэтому мы сочли необходимым снабдить русский перевод подробным комментарием, который читатель найдет в конце этой книги.

SATURÆ

КНИГА
ПЕРВАЯ

САТИРА ПЕРВАЯ

Долго мне слушать еще? Неужели же не оплачу я,
Вовсе измученный сам «Тезеидой» охрипшего Корда?
Иль безнаказанно будут читать мне — элегии этот,
Тот же — тогаты? Займет целый день

«Телеф» бесконечный

Или «Орест», что полей не оставил в исписанной книге,
Занял изнанку страниц и все же еще не окончен?
Я ведь совсем у себя, как дома, в Марсовой роще
Или в пещере Вулкана, соседней с утесом Эола.

10

Чем занимаются ветры, какие Эак истязает
Тени, откуда крадут и увозят руно золотое,
Что за огромные ясени мечет Мониx по лапифам, —
Вот о чем вечно кричат платаны Фронтонa, и мрамор,
Шаткий уже, и колонны, все в трещинах от декламаций:
Эти приемы одни — у больших и у малых поэтов.
Ну, так и мы — отнимали же руку от розги, и мы ведь
Сулле давали совет — спать спокойно,

как частные лица;

Школу прошли! Когда столько писак

расплодилось повсюду,

Глупо бумагу щадить, все равно обреченную смерти.
Но почему я избрал состязанье на поприще, где уж

20 Правил конями великий питомец Аврунки — Луцилий,
 Я объясню, коль досуг у вас есть и терпенье к резонам.
 Трудно сатир не писать, когда женится
 евнух раскисший,
 Мевия тускского вепря разит и копьём потрясает,
 Грудь обнажив; когда вызов бросает патрициям тот, кто
 Звонко мне — юноше — брил мою бороду,
 ставшую жесткой:
 Если какой-нибудь нильский прохвост, этот
 раб из Канопы,
 Этот Криспин поправляет плечом свой пурпурный
 тирийский
 Плащ и на потной руке все вращает кольцо золотое,
 Будто не может снести от жары он большую тяжесть
 30 Геммы, — как тут не писать? Кто настолько терпим
 к извращениям
 Рима, настолько стальной, чтоб ему удержаться от гнева,
 Встретив юриста Матона на новой лектике, что тушей
 Всю заполняет своей; позади же — доносчик на друга
 Близкого, быстро хватающий все, что осталось от крахов
 Знатных людей: его Масса боится, его улецают
 Кар и дрожащий Латин, свою подсылая Тимелу.
 Здесь отгеснят тебя те, кто за ночь получает наследство,
 Те, кого к небу несет наилучшим путем современным
 40 Высших успехов — путем услуженья богатой старушке:
 Унцийка у Прокулея, у Гилла одиннадцать унций, —
 Каждому доля своя, соответственно силе мужчины.
 Пусть получает награду за кровь — и бледнеет, как будто
 Голой ногой наступил на змею или будто оратор,
 Что принужден говорить перед жертвенником
 лугудунским.
 Ясно, каким раздраженьем пылает
 иссохшая печень,
 Ежели давят народ провожатых толпой то грабитель
 Мальчика, им развращенного, то
 осужденный бесплодным
 Постановленьем суда: что такое бесчестье —
 при деньгах?
 Изгнанный Марий, богов прогневав,
 уже пьет спозаранку:

- 50 Он веселится — и стоном провинция правит победу.
Это ли мне не считать венецианской лампы достойным?
Этим ли мне не заняться? А что еще более важно?
Путь Диомеда, Геракла, мычанье внутри Лабиринта
Или летящий Дедал и падение в море Икара?
Сводник добро у развратника взял,
коли права наследства
Нет у жены, зато сводник смотреть в потолок научился
И наловчился за чашей храпеть недремлющим носом.
Ведь на когорта надежду питать считает законным
Тот, кто добро промотал на конюшни и вовсе лишился
60 Предков наследия, мчась в колеснице
дорогой Фламинской
Автомедоном младым, ибо вожжи держал самолично
Он, перед легкой девицей, одетой в лацерну, рисуясь.
Разве не хочется груды страниц
на самом перекрестке
Враз исписать, когда видишь, как шестеро носят на шее
Видного всем отовсюду, совсем на открытом сиденье
К ложу склоненного мужа, похожего на Мецената, —
Делателя подписей на подлогах, что влажной печатью
На завещаньях доставил себе и известность и средства.
Там вон матрона, из знатных, готова в каленское
с мягким
70 Вкусом вино подмешать для мужа отраву из жабы;
Лучше Лукусты она своих родственниц неискушенных
Учит под говор толпы хоронить почерневших супругов.
Хочешь ты кем-то прослыть? Так осмелюсь на то,
что достойно
Малых Гиар да тюрьмы: восхваляется честность,
но зябнет;
Лишь преступленьем себе наживают сады и палаты,
Яства, и старый прибор серебра, и кубки с козлами.
Даст ли спокойно уснуть вам скупой снохи совратитель
Или же гнусные жены да в детской одежде развратник?
Коль дарования нет, порождается стих возмущеньем,
80 В меру уменя — будь стих это мой или стих Клувиена.
С самой потопа поры, когда при вздувшемся море
Девкалион на судне всплыл на гору, судьбы пытая,
И понемногу согрелись дыханьем размякшие камни,

И предложила мужам обнаженных девушек Пирра,
Все, что ни делают люди, — желания, страх,

наслажденья,

Радости, гнев и раздор, — все это начинка для книжки.

Разве когда-либо были запасы пороков обильней,

Пазуха жадности шире открыта была и имела

90 Наглость такую игра? Ведь нынче к доске не подходят,

Взяв кошелек, но, сундук на карту поставив, играют.

Что там за битвы увидишь при оруженосце-кассире!

Есть ли безумие хуже, чем бросить

сто тысяч сестерций —

И не давать на одежду рабу, что от холода дрогнет?

Кто за отцов воздвигал столько вилл, кто

в домашнем обеде

Семь перемен поедал? Теперь же на самом пороге

Ставят подачку, — ее расхищает толпа, что одета

В тоги. Однако сперва вам в лицо поглядят, опасаясь,

Не подставной ли пришел

и не ложным ли именем просишь;

Признан, — получишь и ты. Чрез глашатая

100 кличет хозяин

Даже потомков троян: и они обивают пороги

Так же, как мы. — «Вот претору дай, а потом и трибуну».

Вольноотпущенник — первый из нас:

«Я раньше, мол, прибыл.

Что мне бояться и смело свое не отстаивать место:

Пусть я рожден у Евфрата, в ушах моих

женские дырки, —

Сам я не спорю; но пять моих лавок четыреста тысяч

Прибыли мне принесут; что желаннее пурпур широкий

Даст, коль Корвин сторожит наемных овец

в лаврентийском

Поле, а я — побогаче Палланта или Лицина».

110 Стало быть, пусть ожидают трибуны и пусть побеждают

Деньги: не должен же нам уступать в священном почете

Тот, кто недавно был в Рим приведен

с ногой набеленной,

Раз между нами священной всего — величие денег.

Правда, еще роковая Деньга обитает не в храме,

Мы не воздвигли еще алтарей, и монетам не создан

Культ, как Верности, Миру, как Доблести, или Победе,
Или Согласью, что щелкает нам из гнезда на приветы.
Если ж почтенный патрон сосчитает в годичном итоге,
Сколько подачек сберег и много ль доходу прибавил, —
120 Что он клиентам дает, у которых и тога отсюда,
Обувь, и хлеб, и домашний огонь? За сотней квадрантов
Так и теснятся носилки: и жены идут за мужьями —
Хворая эта, беременна та — всюду тянутся жены.
Муж, наторевший в привычном искусстве,

для той, кого нету,
Просит, а вместо жены — пустое закрытое кресло.
«Галла моя, — говорит. — Поскорей отпусти;

что ты медлишь?
Галла, лицо покажи! Не тревожьте ее, — отдыхает».

Распределяется день примерно в таком вот порядке:
Утром подачка, там форум, потом

Аполлон-юрисконсульт,
130 Статуи знавших триумф, и меж ними нахальная надпись
То из Египта неведомых лиц, то арабского князя,
Перед которым не грех помочиться, а может, и больше.
Вот уж из сеней уходят, устав, пожилые клиенты:
Как ни живуча у них надежда — авось пообедать,
Но расстанутся с мечтой, покупают дрова и капусту;
Их же патрон будет жрать между тем

все, что лучшего шлет нам
Лес или море, и сам возлежать на просторных подушках:
Ибо со скольких прекрасных столов,

и широких и древних,
Так вот в единый присест проедают сразу наследства!
Если ж не будет совсем паразитов, то кто перенес бы
140 Роскоши скупость такую? И что это будет за глотка
Целых глотать кабанов — животных,

рожденных для пиршеств?
Впрочем возмездье придет, когда ты снимаешь одежду,
Пузо набив, или в баню идешь, объевшись павлином:
Без завещания старость отсюда, внезапные смерти,
И — для любого обеда совсем не печальная повесть —
Тело несут среди мрачных друзей и на радость народу.

Нечего будет прибавить потомству к таким нравам
Нашим: такие дела и желанья у внуков пребудут.

Всякий порок стоит на стремнине: используй же парус,
150 Все полотно распускай! Но здесь ты,
может быть, скажешь:
«Где же талант, равносильный предмету?»

Откуда у древних

Эта письма прямога обо всем, что придет сгоряча им В голову?» — Я не осмелюсь назвать какое-то имя? Что мне за дело, простит или нет мои Муций намеки. — «Выставь-ка нам Тигеллина — и ты

— «Выставь-ка нам Тигеллина — и ты
засветишься, как факел,

Стоя, ты будешь пылать и с пронзенною грудью
дымиться,

Борозду вширь проводя по самой середине арены». — Значит, кто дал аконит трем дядьям, тот может

Нас презирать, поглядев с высоты

— «Если ты встретишься с ним, —

запечатай уста себе пальцем:

Будет доносчиком тот, кто слово вымолвит: «Вот он!»
 Сталкивать можно спокойно Энея с свирепым Рутулом,
 Не огорчится никто несчастною долей Ахилла
 Или пропавшего Гиля, ушедшего под воду с урной;
 Только взмахнет как мечом обнаженным

— Сразу краснеет пред ним охладевший пылкий Луцилий,

Сердцем, и пот прошибет виновника тайных деяний: от преступленья

Слезы отсюда и гнев. Поэтому раньше обдумай
 Это в душе своей, после ж труби; а в шлеме уж поздно
 Схватки бежать». — Попробую, что позволительно

Тех, кого пепел зарыт на Фламинской или Латинской. против

САТИРА ВТОРАЯ

Лучше отсюда бежать — к ледяному хотя б океану,
За савроматов, лишь только дерзнут заикнуться о нравах
Те, что себя выдают за Куриев, сами ж — вакханты:
Вовсе невежды они, хотя и найдешь ты повсюду
Гипсы с Хрисиппом у них; совершеннее всех у них

тот, кто

Купит портрет Аристотеля или Питтака, а также
Бюстам Клеанфа прикажет стеречь свои книжные полки.
Лицам доверия нет, — ведь наши полны переулки
Хмурых распутников; ты обличаешь позорное дело,
Сам же похабнее всех безобразников школы Сократа.
Правда, щетина твоя на руках и косматые члены
Дух непреклонный сулят, однако же с гладкого зада
Врач у тебя отрезает, смеясь, бородавки большие.

Редко они говорят, велика у них похоть к молчанью;
Волосы бреют короче бровей. Архигалл Перибомий
Более их и правдив и честен: лицом и походкой
Он обличает порочность свою, — судьба в том повинна;
Этих жалка простота, им в безумстве самом —

извиненье.

Хуже их те, что порочность громят словесами Геракла,

20 О добродетели речи ведут — и задницей крутят.
«Ты, вливающий Секст, — тебя ли я буду стыдиться?
Чем же я хуже тебя? — бесчестный Варилл его спросит.
— Над кривоногим смеется прямой,
и над неграми — белый;
Разве терпимо, когда мятежом возмущаются Гракхи?
Кто не смешал бы небо с землей и моря с небесами,
Если Вересу не нравится вор, а Милону — убийца,
Если развратников Клодий винит, Катилина — Цетега,
А триумвиры не терпят проскрипций учителя Суллы?»
Был соблазнитель такой, недавно

30 Жуткою; восстанавливал он законы суровые; страшны
Были не только что людям они, но Венере и Марсу —
При бесконечных абортах из плотного Юлии чрева,
Что извергало мясные комочки, схожие с дядей.
Значит, вполне по заслугам порочные все презируют
Деланных Скавров и, если задеть их, кусаются тоже.
Раз одного из таких не стерпела Ларония —
мрачных,
Вечно взывающих: «Где ты, закон о развратниках?
Дремлешь?»

Молвит с усмешкой ему: «Счастливое время, когда ты
Нравы блюдешь, — вся столица теперь
40 Третий свалился Катон с небеси. Только
стыдливость познает:
где покупаешь

Этот бальзам ты, которым несет от твоей волосатой
Шеи? Не постыдись — укажи мне хозяина лавки.
Но уж когда ворошить и законы и правила, — прежде
Всех надо вызывать закон Скантиниев; раньше взгляни ты
Да испытай-ка мужчин: проступки их хуже, чем наши;
Их защищает количество их и сомкнутый строй их —
Кроет разврат круговая порука. Среди нашего пола
Ни одного не найдешь безобразного столь же примера:
Мевия — Клувию, Флора — Катуллу вовсе не лижут.
А вот Гиспон отдается юнцам, от двояких излишеств
Чахнет. Мы тяжб не ведем, не знаем гражданского права.
Ваши суды не волнуем каким бы то ни было шумом.
Женщины редки борцы и рубцами питаются редко;

Вы же прядете шерсть, наполняя мотками корзины;
Крутите лучше самой Пенелопы, ловчее Арахны
Веретено, на котором намотана тонкая нитка,
Как у любовницы грязной, сидящей на жалком чурбане.
Вот почему в завещанье вошел

лишь отпущенник Гистра,

60 Много при жизни жене молодой отдававшего денег:
Будет богата она — сам-третьей на широкой постели.
Замуж выходишь, — молчи:

драгоценности будут за тайну

Так почему только нам приговор выносят суровый?

К воронам милостив суд, но он угнетает голубок».

Тут от Ларонии слов, очевидно правдивых, бежали
В трепете Стои сыны; нагала она разве? Другие
Все станут делать, раз ты надеваешь прозрачные ткани,
Кретик, и в этой одежде громишь, к удивленью народа,
Разных Прокул да Поллит. Фабулла —

распутница, правда:

70 Хочешь — осудят ее, и Карфинию также; однако
И подсудимая тоги такой не наденет. — «Мне жарко:
Зноен июль!» — Выступай нагишом:

полоумным не стыдно;

Чем не одежда, в которой тебя — издавай ты законы —

Слушать бы стал победитель народ, заживляющий раны,

И побросавшая плуги толпа отдохнувших горцев.

Не закричишь ли ты сам, увидавши судью в этом платье?

Я сомневаюсь, идут ли свидетелю ткани сквозные.

Не, кротимый и строгий учитель свободы, ты, Кретик,

Виден насквозь! Привила эту язву дурная зараза,

80 Многим привьет и впредь, — точно в поле целое стадо

Падает из-за парши от одной лишь свиньи шелудивой

Или теряет свой цвет виноград от испорченной грозди.

Как-нибудь выкинешь ты еще что-нибудь

хуже одежды:

Сразу никто не бывал негодяем: но мало-помалу

Примут тебя те, кто носят на лбу (даже дома) повязки

Длинные и украшают всю шею себе ожерельем,

Брюхом свиньи молодой и объемистой чашей справляя

Доброй Богини обряд; но они, извращая обычай,

Гонят всех женщин прочь, не давая ступить на пороги:

Только мужчинам доступен алтарь божества.

«Убирайтесь,

90 Непосвященные! — слышен их крик, —
здесь флейтам не место!»

Так же вот, факелы скрыв, справляли оргии бапты;
Чтили они Котито — афинянку, чтили без меры.
Тот, натерев себе брови размоченной сажей, иголкой
Их продолжает кривой и красит ресницы, моргая
Сильно глазами, а тот из приапа стеклянного пьет и
Пряди отросших волос в золоченую сетку вправляет,
В тонкую желтую ткань разодетый

иль в синюю с клеткой.

Как господин, и рабы по-женски клянутся Юноной.
100 Зеркало держит иной, — эту ночь миньона Отона, —
Будто добычу с аврунка Актора: смотрелся в него он
Вооруженный, когда приказал уже двигать знамена.
Дело достойно анналов, достойно истории новой:
Зеркало заняло место в обозе гражданских сражений!
Ясно, лишь высший вождь способен и Гальбу угробить,
И обеспечить за кожей уход, лишь гражданская доблесть
На бебриакских полях и к дворцовой добыче стремится,
И покрывает лицо размазанным мякишем хлеба,
Как не умела ни лучник Ассирии — Семирамида,
Ни Клеопатра, грустя на судне, покинувшем Акций.
110 Нету здесь вовсе стыда за слова, ни почтения к пиру,
Мерзость Кибелы свободно звучит голосами кастратов;
Здесь исступленный старик, убеленный уже сединами,
Таинств блюститель, редчайший пример

достопамятной глотки,

Дорого стоящий людям наставник. Чего же, однако,
Тут ожидают все те, которым пора уже было б —
Как у фригийцев — излишнюю плоть отрезать ножами?
Гракх в приданое дал четыреста тысяч сестерций
За трубачом (если только последний не был горнистом);
Вот договор заключен. «В добрый час!» —

им сказали, и гости
120 Сели за стол пировать, молодая — на лоне у мужа...
Вы — благородные, цензор нам нужен

иль, может, гаруспик?

Что ж, содрогнулись бы вы и сочли бы за большее чудо,

Если б теленка жена родила, а ягненка — корова?

Вот в позументах и в платье до пят,

в покрывале огнистом —

Тот, кто носил на священном ремне

всю тяжесть святыни

И под щитами скакал и потел. Откуда же, Ромул,

Рима отец, нечестье такое в пастушеском роде?

Что за крапива, о Марс-Градив, зажгла твоих внуков?

130 Вот за мужчину выходит богатый и знатный мужчина, —

Шлемом ты не трясешь, по земле не ударишь копьем ты,

Даже не скажешь отцу? Так уйди и покинь этот округ

Марсова поля, раз ты пренебрег им. —

«Мне завтра с восходом

Солнца нужно исполнить дела в долине Квирина».

— «Что ж за причина для дел?» — «Не спрашивай:

замуж выходит

Друг, и не всех приглашал». — Дожить бы нам только:

уж будет,

Будет все это твориться при всех, занесется и в книги;

Женам-невестам меж тем угрожает ужасная пытка —

Больше не смогут рожать и, рожая, удерживать мужа.

К счастью, природа душе не дает еще права над телом:

140 Эти «супруги» детей не оставят, и им не поможет

Толстая бабка-лидийка с ее пузырьками и мазью

Или удар по рукам от проворно бегущих луперков.

Гаже, чем это, — трезубец одетого в тунику Гракха:

Он — гладиатор — пустился бежать посредине арены.

Он — родовитее Капитолинов, знатнее Марцеллов,

Выше потомков и Павла и Катула, Фабиев старше,

Зрителей всех на почетных местах у самой арены,

Вплоть до того, кто устраивал сам эти игры для Гракха.

Что преисподняя есть, существуют какие-то маны,

150 Шест Харона и черные жабы в пучине стигийской,

Возит единственный челн столько тысяч людей

через реку, —

В это поверят лишь дети, еще не платившие в банях.

Ты же серьезно представь, что чувствует

Курий покойный,

Два Сципиона, что чуют Фабриций и маны Камилла,

Фабии с их легионом кремерским и павшие в Каннах

Юноши, души погибших в боях, —

всякий раз, что отсюда

К ним прибывает такая вот тень? — Очищения жаждут,
Если бы с факелом серы им дали и влажного лавра.

160

Жалкими входим туда мы! Простерли оружие, правда,
Мы за Юверны берега, за Оркады, что взяты недавно,
И за британцев — в страну,

где совсем мимолетные ночи.

Те, кого мы победили, не делают вовсе того, что
Ныне творит народ-победитель в столице; однако
Ходит молва, что один армянин Залак — развращенней
Всех вместе взятых эфебов: живет, мол,

с влюбленным трибуном.

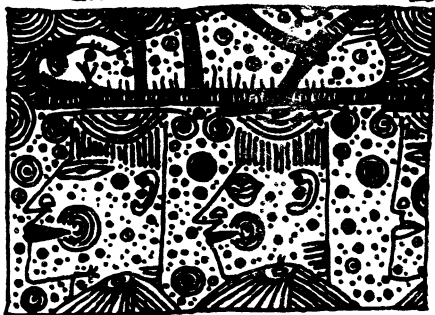
Только взгляни, что делают связи:

заложником прибыл —

Здесь человеком стал; удалось бы остаться подольше
В городе мальчику, — а уж ему покровитель найдется;
Скинут штаны, побросают кинжалы, уздечки и плети:

170

Так в Артаксату несут молодежи столичные нравы.

САТИРА ТРЕТЬЯ

Правда, я огорчен отъездом старинного друга,
 Но одобряю решение его — поселиться в пустынных
 Кумах, еще одного гражданина даруя Сивилле.
 Кумы — преддверие Бай, побережье достойное сладкой
 Уединенности: я предпочту хоть Прохиту — Субуре.
 Как бы ни были жалки места и заброшены видом, —
 Хуже мне кажется страх перед пожарами, перед развалом
 Частым домов, пред другими несчастьями жуткого Рима,
 Вплоть до пиит, что читают стихи

даже в августе знойном.

10

Друг мой, пока его скарб размещался
 в единой повозке,
 Остановился у старых ворот отсыревшей Капены.
 Здесь, где Нума бывал по ночам в общенье с подругой,
 Ныне и роща святого ключа сдана иудеям,
 И алтари: вся утварь у них — корзина да сено.
 (Каждое дерево здесь уплачивать подать народу
 Должно и после Камен дает пристанище нищим.)
 Вот мы сошли в Эгерии дол и спустились к пещерам
 Ложным: насколько в водах божество

предстало бы ближе,
 Если б простая трава окаймляла зеленью воды,

- 20 Если б насильственный мрамор не портил
природного туфа.
Здесь Умбриций сказал: «Уж раз
не находится места
В Риме для честных ремесел и труд не приносит дохода,
Если имущество нынче не то, что вчера, а назавтра
Меньше станет еще, то лучше будет уйти нам
В Кумы, где сам Дедал сложил утомленные крылья.
Родину брошу, пока седины еще внове и старость
Стана не гнет, пока у Лакесы пряжа не вышла,
Сам на ногах я хожу и на посох не опираюсь.
Пусть остаются себе здесь жить Арторий и Катул,
30 Пусть остаются все те, кто черное делает белым,
Те, что на откуп берут и храмы, и реки, и гавань,
Чистят клоаки, тела мертвецов на костер выставляют
Или продажных рабов ведут под копые господина.
Это-то вот трубачи, завсегдатаи бывшие разных
Мелких арен, в городах известные всем как горланы, —
Зрелища сами дают и по знаку условному черни,
Ей угождая, любого убьют, а с игр возвратившись,
Уличный нужник на откуп берут; скупили бы все уж!
40 Именно этих людей Судьба ради шутики выводит
С самых низов к делам большим и даже почетным.
Что мне тут делать еще? Я лгать не могу, не умею
Книгу хвалить и просить, когда эта книга плохая;
С ходом я звезд не знаком, не желаю
предсказывать сыну
Смерти отца, никогда не смотрел в утробу лягушки;
Несть подарки жене от любовника, несть порученья —
Могут другие, а я никогда не пособничал вору.
Вот почему я Рим покидаю, не бывши клиентом,
Точно калека какой сухорукий, к труду не способный.
Кто в наши дни здесь любим? Лишь сообщник
с корыстной душою,
50 Алчной до тайн, о которых нельзя нарушить молчанье.
Тот, кто сделал тебя участником тайны почтенной,
Вовсе как будто не должен тебе и делиться не будет;
Верресу дорог лишь тот, кем может немедленно Веррес
Быть уличен. Не цени же пески затененного Тага,
Злато катящего в море, настолько, чтобы лишиться

Сна из-за них и, положенный дар принимая печально,
Вечно в страхе держать хотя бы и сильного друга.

Высказать я поспешу, — и стыд

мне не будет помехой, —

Что за народ стал приятнее всем богачам

нашим римским:

60 Я ж от него и бегу. Перенести не могу я, квиристы,
Греческий Рим! Пусть слой невелик осевших ахейцев,
Но ведь давно уж Оронт сирийский стал

Тибра притоком,

Внес свой обычай, язык, самбуку с косыми струнами,
Флейтщиц своих, тимпаны туземные, разных девчонок:
Велено им возле цирка стоять. — Идите, кто любит
Этих развратных баб в их пестрых варварских лентах!
Твой селянин, Квирин, оделся теперь паразитом,
Знаком побед цирковых отличил умащенную шею!

70 Греки же все, — кто с высот Сикиона, а кто амидонец,
Этот с Андроса, а тот с Самоса, из Тралл, Алабанды, —
Все стремятся к холму Эсквилинскому иль Виминалу,
В недра знатных домов, где будут они господами.
Ум их проворен, отчаянна дерзость, а быстрая речь их
Как у Исея течет. Скажи, за кого ты считаешь
Этого мужа, что носит в себе кого только хочешь:
Ритор, грамматик, авгур, геометр, художник, цирюльник,
Канатоходец, и врач, и маг, — все с голоду знает
Этот маленький грек; велишь — залезет на небо;
Тот, кто на крыльях летал, —

не мавр, не сармат, не фракиец,

80 Нет, это был человек, родившийся в самых Афинах.
Как не бежать мне от их багряниц? Свою руку приложит
Раньше меня и почетней, чем я, возляжет на ложе
Тот, кто в Рим завезен со сливами вместе и смоквой?
Что-нибудь значит, что мы авентинский воздух впивали
В детстве, когда мы еще сабинской оливкой питались?
Тот же народ, умеющий льстить, наверно, похвалит
Неуча речь, кривое лицо покровителя-друга
Или сравнит инвалида длинную шею с затылком
Хоть Геркулеса, что держит Антея далеко от почвы.
90 Иль восхвалит голосок, которому не уступает
Крик петуха, когда он, по обычаю, курицу топчет.

Все это можно и нам похвалить, но им только вера.
Кто лучше грека в комедии роль сыграет Фаиды,
Или же честной жены, иль Дориды совсем неприкрытой,
Хоть бы рубашкой? Поверить легко, что

не маска актера —

Женщина там говорит: настолько пусто и гладко
Под животом у нее, где тонкая щелка двоится.
Греков нельзя удивить ни Стратоклом, ни Антиохом,
Ни обаятельным Гемом с Деметрием: комедианты —
100 Весь их народ. Где смех у тебя — у них сотрясенье
Громкого хохота, плач — при виде слезы у другого,
Вовсе без скорби. Когда ты зимой попросишь жаровню,
Грек оденется в шерсть; скажешь «жарко» —

он уж потеет.

С ними никак не сравнимся мы: лучший здесь тот,
кто умеет

Денно и ночью носить на себе чужую личину,
Руки свои воздевать, хвалить покровителя-друга,
Как он ловко рыгнул, как здорово он помочился,
Как он, выпятив зад, затрещал с золоченого судна.
Похоти их нет преграды, для них ничего нет святого:
110 Будь то семейства мать, будь дочь-девица, будь даже
Сам безбородый жених или сын, дотоле стыдливый;
Если нет никого, грек валит и бабушку друга
Все-то бояться его: он знает домашние тайны.
Раз уж о греках зашла наша речь,

прогуляйся в гимнасий, —

Слышишь, что говорят о проступках высшего рода:
Стойком слывший старик, уроженец того побережья,
Где опустилось перо крылатой клячи Горгоны,
Друг и учитель Барей, Барею угробил доносом. —
120 Римлянам места нет, где уже воцарился какой-то
Иль Протоген, иль Дифил, иль Гермарх,

что по скверной привычке

Другом владеет один, никогда и ни с кем не деляся;
Стоит лишь греку вложить в легковерное ухо патрона
Малую долю отрав, естественных этой породе, —
Гонят с порога меня, и забыты бывшие услуги:
Ценится меньше всего такая утрата клиента.

Чтоб и себе не польстить, —

какая в общем заслуга,

Если бедняк еще ночью бежит, хоть сам он и в тоге,
 К дому патрона: ведь так же и претор торопит и гонит
 130 Ликтора, чтобы поспеть приветствовать раньше коллеги
 Модию или Альбину, когда уж проснулись старухи.
 Здесь богача из рабов провожает сын благородных —
 Тоже клиент, ибо тот Кальвине иль Катиене
 Столько заплатит за каждый раз, что он ей обладает,
 Сколько имеет трибун за службу свою в легионе;
 Если ж тебе приглянется лицо разодетой блудницы,
 Ты поколеблешься взять Хиону с высокого кресла.
 Пусть твой свидетель настолько же свят,
 как идейской богини
 Гостеприимец, пускай выступает Нума Помпилий
 140 Или же тот, кто спас из пламени храма Минерву, —
 Спросят сперва про ценз (про нравы —
 после всего лишь):
 Сколько имеет рабов да сколько земельных угодий,
 Сколько съедает он блюд за столом и какого размера?
 Рим доверяет тому, кто хранит в ларце своем деньги:
 Больше монет — больше веры; клянись алтарем
 сколько хочешь,
 Самофракийским иль нашим, — бедняк, говорят,
 презирает
 Божьи перуны, его не карают за это и боги.
 Что ж, когда этот бедняк действительно
 служит предлогом
 К шуткам для всех? Накидка его и худа и дырява,
 Тога уже не чиста, башмак запросил уже каши,
 150 Много заплат на заштопанной рвани
 открыто для взоров,
 С нитками новыми здесь, а там уж покрытыми салом...
 Хуже всего эта бедность несчастная тем, что смешными
 Делает бедных людей, «Уходи, — говорят, —
 коли стыд есть,
 Кресла очисти для всадников, раз у тебя не хватает
 Ценза». Пускай уж в театре сидят хоть сводников дети.
 Что рождены где-нибудь в непотребном доме;
 пускай там
 Хлопает модного сын глашатая вместе с юнцами,

Коих учил борец или вождь гладиаторской школы.
Так нас Росций Отон разместил с его глупым законом.

160

Разве здесь нравится зять, если он
победнее невесты,
С меньшим приданым? Бедняк разве здесь
бывает наследник?
Разве его на свет приглашают эдилы? Когда-то
Бедным квиритам пришлось выселяться целой толпою.
Тот, кому доблесть мрачат дела стесненные, трудно
Снова всплывает наверх; особенно трудны попытки
В Риме: ведь здесь дорога и квартира, хотя бы дрянная,
И пропитанье рабов, и самая скромная пища;
С глиняной плошки здесь стыдно и есть,
хоть стыда не увидит

170

Тот, кто к марсам попал или сел за стол у сабеллов,
Там, где довольны простой, из грубой ткани накидкой.
Правду сказать, в большинстве областей италийских
не носит
Тоги, как в Риме, никто; лишь покойника кутают в тогу.
Празднеств великих дни, — что в театре дерновом
справляют,

180

И на подмостках опять играют эксодий известный,
Зевом бледных личин пугая сельских мальчишек,
К матери севших уже на колени, — тебе не покажут
Разных нарядов: и там, на орхестре, и здесь, у народа,
Все одинаки одежды; подходят лишь высшим эдилам
Белые туники — знак их достоинства и благородства.
Здесь же нарядов блеск превосходит силы, здесь тратят
Больше чем нужно, притом иногда —
из чужого кармана;
Это здесь общий порок: у всех нас кичливая бедность.
Много тут что говорить? На все-то в Риме цена есть:
Сколько заплатишь, чтоб Косса приветствовать
как-нибудь лично,
Чтоб на тебя Вейентон взглянул, и рта не раскрывши!
Бреется тот, а этот стрижет волоса у любимца;
Праздничный полон лепешками дом; бери,
но — за плату:

Мы ведь, клиенты, должны платить своего рода подать
Даже нарядным рабам, умножая их сбереженья.

Тот, кто в Пренесте холодной живет, в лежащих
среди горных

Лесом покрытых кряжей Вольсиниях, в Габиях сельских,
Там, где высокого Тибура склон, — никогда не боится,
Как бы не рухнул дом; а мы населяем столицу

Всю среди тонких подпор, которыми держит обвалы
Домоправитель: прикрыв зияние трещин давнишних,
Нам предлагают спокойно спать в нависших руинах.
Жить-то надо бы там, где нет ни пожаров, ни страхов.

Укалегон уже просит воды и выносит пожитки,
Уж задымился и третий этаж, — а ты и не знаешь:

200 Если с самых низов поднялась тревога у лестниц,
После всех погорит живучий под самую крышей,
Где черепицы одни, где мирно несутся голубки
Ложе у Кодра одно (для Прокулы — коротковато),
Шесть горшков на столе да внизу еще маленький кубок,
Там же под мрамор доски завалилась фигурка Хирона,
Старый ларь бережет сочинения греков на свитках
(Мыши-невежды грызут эти дивные стихотворенья).
Кодр ничего не имел, — не правда ли? Но от пожара
Вовсе попал в нищету, бедняга. Последняя степень
210 Горя скрывается в том, что нагому, просящему корки,
Уж не поможет никто — ни пищей,

ни дружеским кровом.

Рухни огромный дом хоть Астурика —

и без прически

Матери, в трауре — знать, и претор тяжбы отложит.
Все мы вздыхаем о римской беде, проклиная пожары;

Дом полыхает еще, а уж други бегут и в подарок
Мраморы тащат с собой; обнаженные статуи блещут;
Этот творенья несет Евфранора иль Поликлета;

Эта — старинный убор божеств азиатского храма;
Тот — и книги, и полки под них, и фигуру Минервы;

220 Тот — четверик серебра. Так и Персик,

бобыль богатейший,

Глядь, поправляет дела и лучше и шире, чем были, —
И подозренье растет, не сам ли поджег он хоромы.

Если от игр цирковых оторваться ты в силах,

то можешь

В Соре купить целый дом, в Фабратерии, во Фрузиноне;

- Цену отдашь, сколько стоит на год городская каморка.
 Садик там есть, неглубокий колодец (не нужно веревки),
 С легким духом польешь ты водой простые растенья;
 Сельского друг жития, хозяйничай на огороде,
 Где можешь пир задавать хоть для сотни пифагорейцев.
 230 Что-нибудь значит — владеть самому хоть кусочком
 землицы. —
 Где? — Да не все ли равно, хотя бы в любом захолустье.
 Большая часть больных умирает здесь
 от бессонниц;
 Полный упадок сил производит негодная пища,
 Давит желудочный жар. А в каких столичных квартирах
 Можно заснуть? Ведь спится у нас
 лишь за крупные деньги.
 Вот потому и болезнь: телеги едут по узким
 Улиц извивам, и брань слышна у стоящих обозов, —
 Сон улетит, если спишь ты как Друз, как морская корова.
 Если богач спешит по делам, —
 над толпы головами,
 240 Всех раздвинув, его понесут на просторной либурне;
 Там ему можно читать, писать или спать по дороге, —
 Ежели окна закрыть, то лектика и дрему наводит;
 Все же поспеет он в срок; а нам, спешащим, мешает
 Люд впереди, и мнет нам бока огромной толпою
 Сзади идущий народ: этот локтем толкнет, а тот палкой
 Крепкой, иной по башке тебе даст бревном иль
 бочонком;
 Ноги у нас все в грязи, наступают большие подошвы
 С разных сторон, и вонзается в пальцы военная шпора.
 ; Видишь дым коромыслом? — Справляют
 в складчину ужин:
 250 Сотня гостей, и каждый из них с своей собственной
 кухней;
 Сам Корбулон не снесет так много огромных сосудов,
 Столько вещей, как тот маленький раб, прямой весь,
 бедняга,
 Тащит, взяв на макушку, огонь на ходу раздувая.
 Туники рвутся, едва зачиненные; елку шатает
 С ходом телеги, сосну привезла другая повозка;
 Длинных деревьев шатанье с высот угрожает народу.

Если сломается ось, что везет лигурийские камни,
И над толпой разгрузит эту гору, ее опрокинув, —
Что остается от тел? кто члены и кости отыщет?
260 Труп простолюдина стерт и исчезнет бесследно,
как воздух.

Челядь уже между тем беззаботная моет посуду,
Щеки надув, раздувает огонь в жаровне, скребочком
Сальным звенит, собирает белье, наполняет флаконы:
В спешке различной рабов справляются эти работы.
Тот же, погибший, у Стикса сидит и боится Харона:
Бедному нет надежды на челн среди грязной пучины,
Нет монетки во рту, оплатить перевоз ему нечем.

Много других по ночам опасностей разнообразных:
270 Как далеко до вершины крыш, — а с них черепица
Бьет тебя по голове! Как часто из окон открытых
Вазы осколки летят и, всей тяжестью
брякнувшись оземь,
Всю мостовую сорят. Всегда оставляй завещаенье,
Идя на пир, коль ты не ленив

и случайность предвидишь:
Ночью столько смертей грозит прохожему, сколько
Есть на твоём пути отворенных окон неспящих;
Ты пожелай и мольбу принеси униженную, дабы
Был чрез окно ты облит из горшка ночного большого.
Пьяный иной нахал, никого не избивший случайно,
Ночью казнится — не спит, как Пелид,
скорбящий о друге;

280 То прикорнет он ничком, то на спину он извернется...
Как по-иному он мог бы заснуть? Бывают задиры,
Что лишь поссорившись спят;

но хоть он по годам и строптивый,
И подогрет вином, — опасается алой накидки,
Свиты богатых людей всегда сторонится невольно,
Встретив факелов строй да бронзовую канделябру.
Мне же обычно луна освещает мой путь иль мерцанье
Жалкой светильни, которой фитиль я верчу, оправляю.
Я для буяна — ничто. Ты знаешь преддверие ссоры
290 («Ссора», когда тебя бьют, а ты принимаешь удары!):
Он остановится, скажет «стой!» — и слушаться надо;
Что тебе делать, раз в бешенстве он и гораздо сильнее?

«Ты откуда, — кричит, — на каких бобах ты раздулся?
Уксус где пил, среди чьих сапогов нажрался ты луку
Вместе с вареной бараньей губой? Чего же молчишь ты?
Ну, говори! А не то как пну тебя: все мне расскажешь!
Где ты торчишь? В какой мне искать тебя синагоге?»
Пробуешь ты отвечать или молча в сторонуку

отлынешь, —

300 Так или этак, тебя прибьют, а после со злости
Тяжбу затеют еще. Такова бедняков уж свобода:
Битый, он просит сам, в синяках весь, он умоляет,
Зубы хоть целы пока, отпустить его восвояси.

Впрочем, опасно не это одно: встречаются люди,
Грабить готовые в час, когда заперты двери и тихо
В лавках, закрытых на цепь и замкнутых

крепким засовом.

Вдруг иной раз бандит поножовщину в Риме устроит —
Беглый с Понтинских болот, из сосновых лесов

галлинарских,

310 Где, безопасность блюда, охрану военную ставят;
Вот и бегут они в Рим, как будто бы на живодерню,
Где тот горн, наковальня та где, что цепей не готовят?
Столько железа идет для оков, что, боишься, не хватит
Плуги простые ковать, железные бороны, грабли.
Счастливы были, скажу, далекие пращуры наши
В те времена, когда Рим, под властью царей,

при трибунах

Только одну лишь темницу имел и не требовал больше.

Много причин и других я бы мог привести

для отъезда,

320 Но уже ехать пора: повозка ждет, вечереет;
Знаки своим бичом давно подает мне возница...
Помни о нас, прощай! Всякий раз, как будешь из Рима
Ты поспешать в родной свой Аквин, где ждет тебя отдых,
Ты и меня прихвати из Кум к Гельвинской Церере,
К вашей Диане. Приду я, помочь готовый сатире,
Коль не гнушаешься мной, на прохладные нивы Аквина».

САТИРА ЧЕТВЕРТАЯ

Снова Криспин, — и его нередко еще призову я
 Роль исполнять: чудовище он, ни одна добродетель
 Не искупает пороков его и больного распутства:
 Только в разврате он храбр, незамужних лишь
 он презирает.

Ну, так не важно, на длинном ли поле гоняет коней он,
 Или раскидисты тени тех рощ, куда его носят,
 Сколько домов он купил и соседних с базаром участков:
 Счастлив не будет злодей, а несчастнее всех нечестивец
 И совратитель, с которым недавно лежала весталка,
 Должная заживо быть погребенной за девства потерю.
 Скажем сперва о пустычных делах И однако, другой кто
 Так поступи, как Криспин, — его нравов

судом осудили б;
 То, что позорно для честных, — для Тития, Сея, —
 Криспину

Было как будто к лицу: отвратительней
 всех преступлений
 Гнусная личность его... Он купил за шесть тысяч
 барвену:

Как говорят о той рыбе любители преувеличить,
Весила столько она, сколько стоила тысяч сестерций.
Замысел ловкий хвалю, если он подношением барвены
20 Первое место схватил в завещанье бездетного старца;
Тоньше расчет, если он отослал ее важной подруге —
Той, что в закрытых носилках с широкими окнами носят.
Нет, ничуть не бывало: он рыбу купил для себя лишь!
Видим дела, коих жалкий и честный Апиций не делал.
Так чешую эту ценишь, Криспин, что был подпоясан
Нильским родным тростником, — неужели?

Пожалуй, дешевле
Стоит рыбак, чем рыба твоя. В провинции столько
Стоят поля; апулийцы дешевле еще продают их.
Что же тогда за блюда проглатывал сам император,
Можно представить себе, когда столько сестерций —
30 частицу
Малую, взятую с края стола за скромным обедом, —
Слепал рыгающий шут средь вельможей
Великой Палаты!

Нынче он первый из всадников, раньше же он
громогласно
Вел мелочную торговлю родимой сомовиной нильской.
О Каллиопа, начни!.. Но лучше — сиди: тут не надо
Петь, — говорится о правде. Пиэрии девы, гласите!
Пусть мне послужит на пользу, что девами вас называю.
Наполовину задушенный мир терзался последним
Флавием. Рим пресмыкался пред
лысоголовым Нероном...

40 Камбала как-то попалась морская громадных размеров,
Около храма Венеры, что выше дорийской Анконы;
Рыба заполнила сеть — и запуталась в ней наподобье
Льдом меотийским покрытых тунцов
(пока лед не растает),
После ж несомых на устья бурливого Черного моря,
Вялых от спячки и жирными ставших от долгих морозов.
Диво такое хозяин челна и сетей обрекает
Домициану: ведь кто бы посмел продавать это чудо
Или купить, когда берег — и тот был донощиков полон!
Сыщики, скрытые в травах прибрежных, затеяли б дело

С тем рыбаком беззащитным; не совестно было б

сказать им,

50 Что, дескать, беглая рыба была и долго кормилась
В цезаревых садках, удалось ускользнуть ей оттуда, —
Значит, к хозяину прежнему ей надлежит и вернуться.
Если мы в чем-либо верим Палфурию иль Армиллату, —
Все, что найдется в морях красивого, видного, — это
Фиска предмет, где ни плавал бы он.

Чем камбалу бросить —

Лучше ее подарить. Ведь уже уступала морозам
Вредная осень, стихала больных лихорадка, и всюду
Была уродка зима, сохраняя свежей добычу.
Впрочем, рыбак спешит, будто Австр его подгоняет:
60 Вот и озера внизу, где — хотя и разрушена — Альба
Пламя из Трои хранит и Весту Меньшую; на время
Путь загорожен при входе ему удивленным народом;
Вот расступилась толпа, открываются двери на легких
Петлях; сенаторы ждут и смотрят, как рыбу проносят —
Прямо к Атриду. «Прими подношение, —

молвит пиценец. —

Слишком она велика для других очагов. Именинник
Будь же сегодня; скорей облегчи свой желудок от пищи,
Камбалу кушай, — она для тебя сохранилась такая,
70 Даже поймалась сама». Открытая лесть! И однако,
Царь приосанился: есть ли такое, чему не поверит
Власть богоравных людей, если их осыпают хвалами?
Блюда вот нету для рыбы такой; тогда созывают
На совещанье вельмож, ненавидимых Домицианом,
Лица которых бледнели от этой великой, но жалкой
Дружбы царя. По крику Либурна: «Бегите, воссел уж!»
— Первым спешит, захвативши накидку, Пегас,

что недавно

По назначению старостой стал изумленного Рима.
(Чем же другим тогда был префект?) Из них наилучший,
80 Верный толковник законов, он думал, что даже и в злое
Время во всем надлежит поступать

справедливо и мирно.

Прибыл и Крисп — приятный старик, которого нрав был
Кроткой природы, подобно тому, как его красноречье.
Кажется, где бы уж лучше советник владыке народов

Моря и суши, когда бы под гнетом чумы той на троне
Было возможно жестокость судить, подавая советы
Честно; но уши тирана неистовы: друг приближенный
Речь заведет о дожде, о жаре, о весеннем тумане, —
Глядь, уж повисла судьба говорящего на волосочке.
Так что Крисп никогда и не правил против теченья:
90 Был он совсем не из тех, кто бы мог
в откровенной беседе
Высказать душу, готовый за правду
пожертвовать жизнью,
Много уж видел он зим в свои восемь почти что
десятков, —
Даже при этом дворе его возраст был безопасен.
Следом за ним поспешал такой же старый Ацилий
С юношей сыном, напрасно настигнутым
смертью жестокой
От поспешивших мечей властелина. Но стала давно уж
Чуду подобной старость людей благородного званья
(Я б предпочел быть маленьким братом
гиганта без предков!):
100 Сыну Ацилия не помогло, что он на арене
Альбы охотником голым колол нумидийских медведиц.
Кто же теперь не поймет всех хитростей патрицианских?
Кто остроумию старому, Брут, твоему удивится?
Труд невелик — обмануть бородатого Домициана.
Шел на совет с недовольным лицом, хоть он
не из знатных,
Рубрий, виновный когда-то в проступке,
покрытом молчаньем,
Более подлый, чем некий похабник, писавший сатиры.
Вот появился и толстый Монтан с его
медленным брюхом;
Вот и Криспин, с утра источающий запах бальзама,
Будто воняет от двух мертвецов; и Помпей, кровожадней
110 Даже Криспина, умевший душить лишь шепотом легким;
И приберегший в добычу для коршунов Дакии тело
Фуск, разбиравший сраженья, сидя в своей
мраморной вилле;
И Вейентон осторожный, и рядом Катулл смертоносный,
Страстью пылавший к девице, которой
совсем не видал он,

Злое чудовище, даже в наш век выдающийся изверг,
Льстивец жестокий, слепец, —

ему бы к лицу, как бродяге,

С поводырем у телег арицийских просить подаенье
Да посылать благодарность вослед уезжавшей повозке.
120 Камбале он удивился всех больше и высказал много,
Весь обернувшись налево (а рыба лежала направо):
Так-то уж он прославлял и Килика бои, и удары,
Пегму, и мальчиков, что подлетают под занавес цирка.
Не уступал Вейентон: пораженный жалом Беллоны,
Так говорил изувер, прорицая: «Ты в этом имеешь
Знаменье дивное славного, царь, и большого триумфа.
Ты полонишь другого царя: с колесницы британской,
Верно, слетит Арвираг. Чужеземная рыба эта;
Видишь шипы у нее на спине?» — Фабрицию только
130 Недоставало бы возраст привести да отечество рыбы.
«Что же, как думаешь ты? Разрезать ее? Было бы, право,
Это позором, — Монтан говорит. —

Пусть глубокое блюдо

Сделают, чтобы вместить в его стенки такую громаду;
Нужен для блюда второй Прометей, великий искусник.
Глину скорей доставайте и круг гончарный; отныне
Цезаря сопровождать гончаром бы нужно придворным». —
Мужа достойный совет был принят: по опыту знал он
Роскошь былую двора, ночные попойки Нерона,
Новый подъем аппетита, как дух от фалерна захватит.
Этак поест, как Монтан, в мое время

никто не сумел бы:

140 Он, лишь едва укусив, узнавал об отечестве устриц, —
Будь у Цирцейского мыса их род, у утесов Лукрина,
Или же вынуты были они из глубин рутупийских;
Только взглянув на морского ежа, называл его берег.

Встали: распущен совет; вельможам

приказано выйти.

Вождь их великий созвал в альбанский дворец

изумленных,

Всех их заставил спешить, как будто бы он собирался
Что-то о хаттах сказать, говорить о диких сикамбрах,
Точно бы с самых далеких концов земли прилетело

На быстролетном пере письмо о какой-то тревоге.

Если б на мелочи эти потратил он все свое время

Крайних свирепств, когда он безнаказанно отнял у Рима

Славных людей, знаменитых,

без всяких возмездий за это!

Сгинул он после того, как его забоялась меньшая

Братия: так он погиб, увлажненный Ламиев кровью.

САТИРА ПЯТАЯ

Если не стыдно тебе и упорствуешь ты, полагая,
 Будто бы высшее благо — кормиться чужими кусками,
 Если ты можешь терпеть, что не снес бы Сармент
 и презренный
 Габба среди унижительных яств у Августа в доме, —
 Я не поверю тебе, хоть бы клялся ты мне под присягой.
 Знаю, желудок покладистей всех; однако представь, что
 Нету того, что достаточно было б для брюха пустого, —
 Разве нет места на пристани, разве мостов нет повсюду
 Или рогожи клочка? Разве стоит обед униженья
 10 Столького, разве так голод свиреп? Ты на улице можешь
 Более честно дрожать, жуя корку собачьего хлеба.
 Помни всегда: раз тебя пригласили обедать к патрону,
 Стало быть, ты получаешь расчет за былые услуги;
 Пища есть плод этой дружбы, ее засчитает «владыка»,
 Как бы редка ни была, — засчитает. Ему захотелось
 Месяца так через два позабытого видеть клиента,
 Чтобы подушка на третьем сиденье пустой не лежала.
 Он говорит: «Пообедаем вместе!» Вот верх вожделений!
 20 Больше чего ж? Ради этого Требий прервет сновиденье,
 Бросит ремни башмаков, беспокоясь,
 что толпы клиентов

Всех-то патронов уже обегут с пожеланьем здоровья
В час, когда звезды еще не потухли, когда описует
Круг свой холодный повозка медлительного Волопаса.
Ну, а каков же обед! Такого вина не стерпела б
Для промывания шерсть. Пировать будешь ты

с корибантом.

Брань — для вступленья, а там, опьянясь,
ты запустишь и кубком,

30 Раны свои отирая салфеткою, красной от крови,
Как загорится вокруг сагунтинской бутылки сражение
Между когортой отпущенников и отрядом клиентов.
«Сам» попивает вино времен консулов долгобородых,
Гроздь сберегая, которую жали в союзные войны,
Но не подумает чашу послать больному желудком
Другу; на завтра он выпьет кой-что

из альбанской, сетинской

Горной лозы, чье имя и родина старостью стерты
С глины старинных сосудов вина, совсем закопченных.
Вина такие Тразея пивал и Гельвидий, с венками
На головах, в дни рождения Брутов и Кассиев.
Держит Только Виррон свою крупную чашу —

слезу Гелиады,

40 Много бериллов на ней; но золота не доверяют
Вам, а уж если дадут, так тут же приставлен и сторож —
Камни считать да смотреть за ногтями хищных клиентов.
Уж извини: у него знаменитая чистая яшма,
Ибо Виррон переносит на кубки камни из перстней, —
Камни, какими всегда украшал свои ножны снаружи
Юный Эней, предпочтенный Дидоной сопернику Ярбе.
Ты ж осушать будешь кубок сапожника из Беневента:
О четырех этот кубок ногам и уж треснувший вовсе,
С полуразбитым стеклом, что нуждается

в серной замазке.

Если хозяйский живот воспален от вина

50 и от пищи, —
Нужен отвар холодней, чем иней на родине гетов,
Только что я пожалел, что вино подают вам другое:
Вы ведь и воду-то пьете не ту! Тебе кубок подносит
Гетул-бегун, иль худая рука черномазого мавра,
Или такой, с кем бы ты не хотел повстречаться

среди ночи,

Мимо гробниц проходя по холмистой Латинской дороге;
Перед «самим» — всей Азии цвет, что куплен дороже,
Нежели стоил весь ценз боевого Тулла иль Анка,
Или, короче сказать, всех римских царей состоянье.

60

После всего посмотри на гетульского ты Ганимеда,
Если захочется пить: этот мальчик, что куплен за столько
Тысяч, — вино наливать беднякам не умеет, но облик,
Возраст — задуматься стоит. Неужто к тебе подойдет он?
Явится разве на зов твой слуга с кипятком и холодной?
Брезгует он, конечно, служить престарелым клиентам;
Что-то ты требуешь лежа, а он-то стоит пред тобою.
В каждом богатом дому таких гордых рабов

сколько хочешь.

Вот еще раб — с какой воркотней протянул к тебе руку
С хлебом, едва преломленным: как камни куски,
на них плесень,

70

Только работа зубам, откусить же его невозможно.
Но для хозяина хлеб припасен белоснежный и мягкий,
Тонкой пшеничной муки. Не забудь сдержать свою руку,
Пусть сохранится почтение к корзине! А если нахален
Будешь, — заставят обратно тебя положить этот хлебец:
«Дерзок ты, гость, не угодно ль тебе

из обычных корзинок

Хлеб выбирать да запомнить, какого он цвета
бывает». —

«Вот значит, ради чего постоянно, жену покидая,
Через холмы я бежал к эсквилинским

высотам прохладным,

В пору весны, когда небо свирепейшим градом трещало
И с плаща моего дождевые потоки стекали!»

80

Глянь, какой длинный лангуст растянулся на блюде
всей грудью!

Это несут «самому». Какой спаржей он всюду обложен!
Хвост-то каков у него! Презирает он всех приглашенных
При появлении своем на руках долговязого служки.
Ставят тебе — похоронный обед: на крошечном блюде
Маленький рак, а приправа к нему — яйца половинка.
«Сам»-то рыбу польет венафранским маслом, тебе же,
Жалкому, что подадут? Лишь бледный стебель капустный

С вонью лампадной: для вас, мол, годится и масло, какое
К Риму везет остроносый челнок камышовый

миципсов,

90 Из-за которого здесь не моются с Боккаром в бане:
Тот, кто потрется им, тот и укуса змеи не боится.

Лишь для хозяина будет барвена

из вод корсиканских

Или от тавроменийской скалы: при жадности глоток

Все уж опустошено, истощилось соседнее море,

Рынок обшарил ближайшие воды густыми сетями

До глубины, и расти не даем мы рыбе тирренской.

В кухню припасы идут из провинции: там добывают

То, что закупит Лена-ловец, а Аврелия сбудет.

100 Так и Виррону мурену везут преогромную прямо

Из сицилийских пучин: коли Австр не дает себе воли,

Временно сидя в пещере, и сушит замокшие крылья,

Смелые сети судов не боятся пролива Харибды.

Вам подадут лишь угря (это родственник змеям

ползучим)

Или же рыбу из Тибра, всю в пятнах от холода, местных

Жительницу берегов, что жирела в пучине клоаки

И под Субурой самой проникала в подземные стоки.

Я бы сказал кое-что «самому», если ухо подставит:

«Знаешь, не просит никто, что давал

своим скромным клиентам

110 Сенека, чем одарял их добрейший Пизон или Котта:

В те времена угощения слава ценилась дороже,

Нежели знатное имя и консула званье. Но только

Требуем мы одного — чтоб обедал ты как подобает.

Будь ты богат для себя, для друзей же,

как водится, беден».

Перед хозяином — печень большого гуся да пулярка

Тоже с гуся, и дымится кабан, что копыя Мелеагра

Стоил бы; там подадут трюфеля, что в весеннюю пору

После грозы вырастают желанной и круг увеличат

Яств за обедом. «Оставь себе хлеб свой, ливиец, —

Алледий

Скажет, — волов распряги; только мне трюфеля

посылай ты!»

120 К вящей досаде теперь созерцай разрезателя мяса,

Как он вприпляску орудует: нож его так и летает,
Все соблюдая приемы его мастерства и традиций;
И, разумеется, здесь очень важно различие жеста
В том, как зайца разрежет и как разобьет он пулярку.

Только осмелюсь хоть раз заикнуться, что ты,

как свободный,

Носишь три имени, — за ноги стащат тебя, будто Кака,
Что Геркулесом сражен и выкинут за дверь. Здоровье
Пьет ли твое Виррон и возьмет ли твой кубок пригубить?
130 Кто же настолько забывчив из вас и так безрассуден,
Чтобы патрону-царю сказать: «Выпей».

Ведь слов таких много,

Что и сказать не посмеет бедняк в потертой одежде.
Если какой-нибудь бог, человек ли богоподобный,
Тот, что щедрее Судьбы, подарил бы четыреста тысяч, —
Стал бы каким из ничтожества ты, каким другом

Виррону!

«Требию дай!.. Поставь перед Требием!..

Скушай же, братец,

Стегнышко!» Деньги! пред вами кадит он,

вы ему — братья.

Если, однако же, стать ты хочешь царем и владыкой,
Пусть на дворе у тебя не играет малютка Энейчик
Или же дочка, нежнее еще и милее сыночка.

140 Только с бездетной женой будет дорог друг и приятен.
Правда, Микала твоя пусть рождает и сыплет на лоно
Мужнее тройню зараз: будешь тешиться «сам»

говорливым

Гнездышком этим, велит принести себе

панцирь зеленый

Или орешков помельче, обещанный асс подарит он,
Как лишь к столу подойдет попрошайка —

ребенок Микалы.

Низким друзьям подаются грибы сомнительных качеств,
Лучший же гриб — «самому», из тех, какие ел Клавдий,
Вплоть до гриба от жены, ибо после уже не обедал.

150 После Виррон для себя и для прочих Вирронов прикажет
Дать такие плоды, что и запахом ты насладишься:
Вечная осень феаков такие плоды приносила;
Можно подумать, что выкрали их у сестер африканских.

Ты ж насладишься корявым яблоком наших предместий,
Где их грызут обезьяны верхом на козлах бородатых,
В шлемах, с щитами, учась под ударом бича

метать копья.

Может быть, думаешь ты, что Виррона

пугают расходы?

Нет, он нарочно изводит тебя; интересней комедий,
Мимов занятнее — глотка, что плачет по лакомству.

Знай же:

160 Вся та затея к тому, чтобы желчь ты выпил слезами,
Чтобы принудить тебя скрежетать зубами подольше.
Ты хоть свободный и — думаешь сам —

собутыльник патрону,

Все ж он считает, что ты привлечен ароматами кухни;
Не ошибается он: в самом деле, кто так беззащитен,
Чтобы два раза его выносить, если кто носил в детстве
Знак из этрусского золота или хоть кожаный шарик?
Вас обманула надежда на вкусный обед. — «Вот уж он
Даст нам объедки от зайца, кой-что от кабаньего зада,
Вот уж мелкая птица дойдет до нас». Так, приготовив
Хлеб и сминая его, остаетесь в безмолвии все вы.

170 Этак с тобой обращаться умно.

Выносить можешь все ты —

И выноси! Под щелчки ты подставишь и голову с бритой
Маковкой, не побоишься принять и удары жестокой
Плети; достоин вполне ты и пира, и друга такого.

SATURÆ

КНИГА
ВТОРАЯ

САТИРА ШЕСТАЯ

Верю, что в царстве Сатурна Стыдливость с людьми
пребывала:

Видели долго ее на земле, когда скромным жилищем
Грот прохладный служил, которого тень заключала
Вместе весь дом — и огонь, и ларов, и скот,

и владельца;

В те времена, что супруга в горах устилала лесное
Ложь соломой, листвою и шкурами дикого зверя.

Эта жена не такая была, как ты, Цинтия, или

Та, чьи блестящие взоры смутил воробей бездыханный:

Эта несла свою грудь для питания рослых младенцев,

10

Вся взлохмачена больше, чем муж, желудями рыгавший,

Да, по-другому тогда в молодом этом мире, под новым

Небом жил человек; рожденный из трещины дуба

Или из глины комка, не имел он родителей вовсе,

Может быть, сколько-нибудь следов

Стыдливости древней

Были заметны еще при Юпитере, но лишь пока он

Не отрастил бороды, когда греки еще не решались

Клясться чужой головой, никто не боялся покражи

Зелени или плодов, и сады оставались открыты.

Вскоре затем к высоким богам удалилась Астрей

- 20 Вместе с Стыдливостью: обе сестры убежали совместно.
 С самых старинных времен ведется, мой Постум,
 Портить чужую постель, издеваться над святостью ложа.
 Скоро железный век все другие принес преступленья, —
 Первых развратников знали уже и в серебряном веке.
 Все же готовишься ты к договорным условиям брака.
 Ищешь помолвки — в наши-то дни! — и прическу
 В лучшей цирюльне; пожалуй, уже обручен ты
 Был ты в здравом уме — и вдруг ты женишься, Постум?
 Гонит тебя Тизифона, ужален ты змеями, что ли?
- 30 Хочешь терпеть над собой госпожу?
 Ведь есть же веревки
 Крепкие, окна открытые есть на жутких высотах;
 Вон и Эмилиев мост поджидает тебя по соседству.
 Если из многих смертей ни одна тебе не по вкусу,
 Разве не лучше тебе ночевать хотя бы с мальчишкой?
 Ночью не ссорится он, от тебя не потребует, лежа,
 Разных подарочков там и тебя упрекать он не станет,
 Что бережешь ты себя и ему не во всем потекаешь.
 «Принял Урсидий закон о женитьбе,
 что Юлием издан:
 40 Хочет наследника милого дать, — забывает он горлиц,
 Спинки барвен забывает и все поглощающий рынок».
 Если кто-то и впрямь за Урсидия замуж выходит, —
 Может случиться все. Давно всем известный развратник
 Глупый свой рот протянул к недоуздку, — и это
 Столько уж раз в ларе ожидавшего смерти Латина!
 Что ж, и ему захотелось жены старомодного нрава?
 Вену открой ему, врач: надулась она чрезмерно.
 Что за нелепый чудак! Если ты повстречаешь
 С чистой, стыдливой главой, — припади
 к Тарпейскому храму
 50 Ниц и телку Юноне зарежь с позолоченным рогом:
 Так мало женщин, достойных коснуться повязок Цереры,
 Чьи поцелуи не страшны отцу их. — Вот и сплетайте

Для косяков их венки, для порогов густые гирлянды.
Вот, Гиберине единственный муж достаточен? Легче
Было б ее убедить — с единственным глазом остаться.
Правда, хвалят одну, что живет в отцовской усадьбе
Пусть-ка она поживет, как жила в деревне, —

в Фиденых,

В Габиях, скажем, — и я уступлю отцовский участок.
Даже и тут — кто заверит, что с ней ничего

не случилось

В гротах, в горах? Разве Марс и Юпитер

вконец одряхтели?

60

Где бы тебе показать под портиком

женщин, достойных

Жертвы твоей? Разве можешь найти ты в театре такую,
Чтобы ты выбрал ее и мог полюбить безмятежно?

Видя Бафилла, как он изнеженно Леду танцует,
Тукция вовсе собой не владеет, а Апула с визгом.

Будто в объятиях, вдруг издает протяжные стоны,
Млеет Тимела (она, деревенщина, учится только);

Прочие всякий раз, когда занавес убран, пустынно
В долго закрытом театре и только на улицах шумно

(После Плебейских игр — перерыв

до игр Мегалезских), —

70

Грустно мечтают о маске, о тирсе, переднике Акка.

Урбик в эксодии всех насмешит, сыграв Автоною,
Как в ателланах; напрасно ты, Элия, Урбика любишь,
Бледная: ведь дорога застежка у комедианта!

Есть и такие, что петь не дают Хрисогону; Гиспулла
Трагика любит. — Не жди, чтоб влюбились

в Квинтилиана.

Женишься ты, а жене настоящим окажется мужем
Иль Эхион-кифаред, иль Глафир, или флейта-Амброзий.
Ставьте подмостки в длину всех улиц узких, богато

Лавром украсьте все косяки и дверные пороги:

80

Лентула знатный сынок в своей черепаховой люльке
Весь в Эвриала пошел иль в другого еще мирмиллона!
Бросивши мужа, жена сенатора Эппия с цирком
В Фарос бежала, на Нил и к славному городу Лага;
Сам Каноп осудил развращенные нравы столицы:
Эта блудница, забыв о супруге, о доме, о сестрах,

Родиной пренебрегла, позабыла и детские слезы,
После же — странно совсем — и Париса забросила
с цирком.

С детства росла средь великих богатств у отца
и привыкла

90 Спать на пуху в своей золоченой, резной колыбели,
Но одолела моря, как раньше честь одолела
(Дешево стоило честь потерять на мягких сиденьях).
Смело и стойко она и терренские вынесла волны,
И далеко раздающийся шум Ионийского моря;
Много морей ей пришлось переплыть.

Но когда предстоит им
Выдержать праведный искус и честный,
то женщины трясют:

Их леденеют сердца и от страха их ноги не держат.
Храбрости хватит у них на постыдное только дерзанье.
Если прикажет супруг на корабль взойти, — тяжело ей:
100 Трюм противен, вонюч, в глазах все ужасно кружится.
Если с развратником едет, она здорова желудком,
Эту при муже рвет, а та, с моряками поевши,
Бродит себе по корме и охотно хватает канаты.
Впрочем, что за краса зажгла, что за юность

пленила Эппию?

Что увидав, «гладиаторши» прозвище терпит?
Сергиол, милый ее, уж давно себе бороду бреет,
Скоро уйдет на покой, потому что изранены руки,
А на лице у него уж немало следов безобразных:
Шлемом натертый желвак огромный по самому носу,
110 Вечно слезятся глаза, причиняя острые боли.
Все ж гладиатор он был и, стало быть, схож с Гиацинтом.
Стал для нее он дороже, чем родина, дети и сестры,
Лучше, чем муж: ведь с оружием он! Получи этот Сергей
Меч деревянный — и будет он ей вторым Вейентоном.
Эппией ты изумлен? преступлением частного дома?
Ну, так взгляни же на равных богам, послушай, что было
С Клавдием: как он заснет, жена его, предпочитая
Ложу в дворце Палатина простую подстилку, хватала
Пару ночных с капюшоном плащей,

и с одной лишь служанкой

Блудная эта Августа бежала от спящего мужа;

- 120 Черные волосы скрыв под парик белокурый, стремилась
В теплый она лупанар, увешанный ветхим лохмотьем,
Лезла в каморку пустую свою — и, голая, с грудью
В золоте, всем отдавалась под именем ложным Лициски;
Лоно твое, благородный Британник, она открывала,
Ласки дарила входящим и плату за это просила;
Навзничь лежащую, часто ее колотили мужчины;
Лишь когда сводник девчонок своих отпускал, уходила
Грустно она после всех, запирая пустую каморку:
130 Все еще зуд в ней пылал и упорное бешенство матки;
Так, утомленная лаской мужчин, уходила несытой,
Гнусная, с темным лицом, закопченная дымом
светильни,
Вонь лупанара неся на подушки царского ложа.
Стоит ли мне говорить о зельях, заклятьях и ядах,
Пасынкам в вареве данных? В припадке страсти и хуже
Делают женщины: похоти грех — у них наименьший.
«Но почему не нахвалится муж на Цензеннию?» —
Взял он
Целый мильон сестерций за ней и за это стыдливой
Назвал ее; от колчана Венеры он худ, от светильни
Жарок ее? Нет, в приданом — огонь,
от него идут стрелы.
140 Можно свободу купить, — и жена подмигнет и ответит
На объяснение: вроде вдовы — богачиха за скрягой.
К Бибуле что же горит таким вождельеньем
Серторий?
Любит, по правде сказать, не жену он,
а только наружность.
Стоит морщинкам пойти и коже сухой позавянуть,
Стать темнее зубам, а глазам уменьшиться в размере,
Скажет ей вольный: «Бери-ка пожитки да вон убирайся!
Нам надоело с тобой: сморкаешься часто; скорее,
Живо уйди! Вон с носом сухим приходит другая».
Жены, пока в цвету, как царицы, требуют с мужа
150 Стад канузийских овец, фалернских лоз, —
да чего там? —
Требуют всех рабов молодых, все их мастерские;
Дома не хватит чего, но есть у соседа, — пусть купит.
В зимний же месяц, когда купец Язон загорожен

И моряков снаряженных палатки белые держат, —
Им доставляется крупный хрусталь, сосуды из мурры
Больше еще да алмаз драгоценный, тем знаменитый,
Что красовался на пальце самой Береники: когда-то
Дал его варвар блуднице, — сестре он подарен

Агриппой

160 Там, где цари обнажением ног соблюдают субботу
И по старинке еще доживают до старости свиньи.
Ты из такой-то толпы ни одной не находишь достойной?
Пусть и красива она, и стройна, плодovitа, богата,
С ликами древних предков по портикам, и целомудра
Больше сабинки, что бой прекращает,

власы распустивши,

Словом, редчайшая птица земли, как черная лебедь, —
Вынесешь разве жену, у которой все совершенства?
— Пусть венузинку, но лучше ее, чем Корнелию,

Гракхов

170 Мать, если только она с добродетелью подлинной вносит
Высокомерную гордость, в приданом числит триумфы.
Нет, убери своего Ганнибала, Сифакса и лагерь,
Где он разбит; убирайся, прошу, ты со всем Карфагеном!
«О, пощади, умоляю, Пеан, и ты, о богиня,
Стрелы сложи; неповинны сыны! Только мать

поражайте».

180 Так кричит Амфион. Аполлон же лук напрягает:
Кучу детей уж хоронит Ниоба и вместе супруга
Только за то, что считала свой род знатнее Латоны,
А плодovitость свою — как у белой свиньи супоросой.
Где добродетель и где красота, чтобы стоило вечно
Ими тебя попрекать? Удовольствия нет никакого
В этом высоком и редком добре, что испорчено духом
Гордым: там горечи больше, чем меда.

Кто предан супруге

Вплоть до того, чтобы часто не злиться,

чтоб целыми днями

Не ненавидеть жену, которую так превозносит?

Правда, иная мала, но для мужа она нестерпима.
Хуже всего, что супруга себя не признает красивой,
Если не сможет себя из этруски сделать гречанкой,
Из сульмонянки — афинянкой чистой: все, как у греков.

Хоть и позорнее нашим не знать родимой латыни,
Греческой речью боязнь выражается, гнев и забота,
190 Радость и все их душевные тайны. Чего еще больше?
Любят, и то — как гречанки!

Простительно девушкам это;
Ну, а вот ты — девяносто тебе уже скоро ведь — тоже
Хочешь по-гречески? Нет, для старух эта речь

непристойна,
Сколько уж раз говоришь ты по-гречески так похотливо:
«Жизнь ты моя и душа»; при всех произносишь,
что было

Только что под одеялом! Бесстыдно-разнеженный голос
Похоть разбудит у всех, захватит, как пальцами; пусть же
Перья спадут, и лицо твои годы выдаст, хотя бы
200 Ты говорила нежнее, чем Гем, нежней Карпофора.

Ежели ты не намерен любить законной супруги,
Значит, нет и причин, чтоб тебе на ком-то жениться,
Трат не надо на пир, не нужно и винных лепешек,
Тех, что дают в конце церемонии сытому гостю,
Ни подношений за первую ночь, когда на роскошном
Блюде блестят золотые монеты — Траян и Германик.

Если в супружестве ты простоват
и к одной лишь привязан
Сердцем, — склонись головой и подставь под ярмо
свою шею:

Ты не найдешь ни одной, что бы любящего пощадила;
Если сама влюблена, все же рада и мучить и грабить.
210 Стало быть, меньше всего полезна жена для того, кто
Сам обещается быть желанным и добрым супругом:
Ты никогда ничего не даришь, коль жена не захочет,
Ты ничего не продашь без нее, против воли не купишь;
Склонность твою предпишет она и откажет от дома
Старому другу, который бывал здесь еще безбородым.
Сводники или ланисты вольны составлять завещанья,
Право такое ж дано гладиаторам — слугам арены, —
Ты же добро завещай соперникам разным в наследство.
«Крестную казнь рабу!» — «Разве он заслужил

наказанье?
220 В чем преступленье? Свидетели кто? Кто доносит?
Послушай:

Если на смерть посылать человека, —

нельзя торопиться». —

«Что ты, глупец? Разве раб человек? Пусть он

не преступник, —

Так я хочу, так велю, вместо довода будь моя воля!»

Так она мужу велит; но скоро она покидает

Царство жены и меняет семью, затоптав покрывало,

Вновь исчезает — и снова приходит к постылому ложу;

Входа недавний убор, занавески она покидает,

В доме висящие там, и у двери зеленые ветви.

230 Так возрастает число, и в пять лишь осенних сезонов

Восемь будет мужей — достойный надгробия подвиг!

Теща покуда жива, не надейся в семье на согласие:

Теща научит ценить разорение полное мужа,

Теща научит искусно, хитро отвечать на записки,

Что соблазнитель прислал; она расположит подачкой

Иль проведет сторожей; хоть здорова вполне

ее дочка, —

Теща зовет Архигена, одежды тяжелые снимет;

Скрытый меж тем в потаенных местах, любовник

запрятан;

Он, нетерпения полный, молчит — и готовит оружие.

Ты не дожدهшься, чтоб мать дала дочери

честные нравы —

240

Нравы, каких не имеет сама: ведь гнусной старухе

Полный расчет — воспитать такую же гнусную дочку.

Чуть не во всех судебных делах начинается тяжба

Женщиной: где не ответчик Манилия — глядь, обвиняет.

Сами они сочинят заявление, записку составят,

Цельзу подскажут, с чего начинать и в чем аргументы.

Кто не видал эндромид тирийских,

не знает церомы,

Кто на мишени следов не видал от женских ударов?

Колет ее непрерывно ударами, щит подставляя,

250

Все выполняя приемы борьбы, — и кто же? — матрона!

Ей бы участвовать в играх под трубы

на празднике Флоры;

Вместо того не стремится ль она к настоящей арене?

Разве может быть стыд у этакой женщины в шлеме,

Любящей силу, презревшей свой пол? Однако мужчиной

Стать не хотела б она: ведь у нас наслаждения мало.
Вот тебе будет почет, как затеет жена распродажу:
Перевязь там, султан, наручник, полупоножи
С левой ноги; что за счастье, когда молодая супруга
Свой наколенник продаст, затевая другие сраженья!
Этим же женщинам жарко бывает и в тонкой накидке,
Нежность их жжет и тонкий платок из шелковой ткани.
Видишь, с каким она треском наносит мишени удары,
Шлем тяжелый какой ее гнет, как тверды колени,
Видишь, плотность коры у нее на коленных повязках.
Смейся тому, как оружие сложив, она кубок хватает.
Лепида внучки, Метелла слепого иль Фабия Гурга!
Разве какая жена гладиатора так наряжалась?
Разве Азила жена надрывалась вот так у мишени?

Спальня замужней жены всегда-то

полна перебранок,

Ссор: на постели ее заснуть хорошо не удастся.

В тягость бывает жена, тяжелее бездетной тигрицы,
В час, когда стонет притворно,

задумавши тайный поступок,

Или ругает рабов, или плачется, видя наложниц
Там, где их нет; ведь слезы всегда в изобилие готовы,
Ждут на своем посту, ожидая ее приказанья
Течь, как захочется ей; а ты-то, балда, принимаешь
Слезы ее за любовь, упоен, поцелуями сушишь!
Сколько бы ты прочитал записок любовных и писем,
Если б тебе шкатулку открыть ревнивицы грязной!
Вот она спит с рабом, вот всадник ее обнимает

«Квинтилиан, оправдай, прикрась что-нибудь!» —

«Затрудняюсь.

Ты уж ответь сама». И она говорит: «Решено ведь, —
Ты поступаешь как хочешь, и я уступаю желаньям
Так же, как ты. Негодай, баламуть хоть море, хоть небо:
Я — человек!» — Наглее не сыщешь, когда их накроют:
Дерзость и гнев почерпают они в самом преступленье.

Спросишь: откуда же гнусность такая и в чем

ее корни?

Некогда скромный удел охранял непорочность латинок,
И небольшие дома не давали внедряться порокам
Там, где был труд, где недолог был сон, и грубые рук

290 Были от пряжи этрусской жестки, а к самому Риму
 Шел Ганнибал, и мужа охраняли Коллинскую башню.
 Ныне же терпим мы зло от долгого мира: свирепей
 Войн налегла на нас роскошь и мстит
 за всех побежденных.
 Римская бедность прошла, с этих пор у нас —
 все преступленья
 И всевозможный разврат; на наши холмы просочился
 Яд Сибариса, Родоса, Милета, отрава Тарента,
 Где и венки и разгул и где господствует пьянство.
 Деньги презренные сразу внесли иностранные нравы;
 Нежит богатство, — оно развратило роскошью гнусной
 300 Все поколение: нету забот у прелестницы пьяной;
 Разницы меж головой и ногами своими не видит
 Та, что огромные устрицы ест в полуночное время,
 В час, когда чистый фалерн дает благовониям пену,
 Пьют из раковин все, когда потолок закружится,
 Лампы двоятся в глазах, а стол вырастает все больше.
 Вот и любуйся теперь,
 как с презрительной фыркнет ужимкой
 Туллия, Мавры известной сестра молочная, тоже
 Мавра, коль древний алтарь Стыдливости
 встретят дорогой.
 310 Ночью носилки здесь остановят они — помочиться,
 Изображенье богини полить струей подлиннее,
 Ерзают в свете луны, верхом друг на друга садятся,
 После уходят домой; а ты, проходя на рассвете
 К важным друзьям на поклон, на урину жены
 наступаешь.
 Знаешь таинства Доброй Богини, когда возбуждают
 Флейты их пол, и рог, и вино, и менады Приапа
 Все в исступление вопят и, косу разметавши, несутся:
 Мысль их горит желаньем объятий, кричат от кипящей
 Страсти, и целый поток из вин, и крепких и старых,
 320 Льется по их телам, увлажняя колени безумиц.
 Здесь об заклад венка Савфея бьется с девчонкой
 Сводника — и побеждает на конкурсе ляжек отвислых,
 Но и сама поклоняется зыби бедра Медуллины:
 Пальма победы равна у двоих —
 прирожденная доблесть!

То не притворства игра, тут все происходит взаправду,
Так что готов вспылать с годами давно охладевший
Лаомедонтов сын, и Нестор — забыть свою грыжу:
Тут похотливость не ждет, тут женщина — чистая самка.
Вот по вертепу всему повторяется крик ее дружный:
«Можно, пускайте мужчин!» — Когда засыпает

любовник,

330 Женщина гонит его, укрытого в плащ с головою.
Если же юноши нет, бегут за рабами; надежды
Нет на рабов — наймут водоноса: и он пригодится.
Если потребность есть, но нет человека, — немедля
Самка подставит себя и отдастся ослу молодому.

О, если б древний обряд, всенародное

богослуженье

Пакостью не осквернялось! Но нет: и мавры и инды
Знают, как Клодий, одетый арфисткой, пришел

с своим членом

Толстым, как свиток двойной, вдвое больше

«Антикатона»,

340 В Цезарев дом на женский обряд, когда убегают
Даже и мыши-самцы, где картину велят занавесить,
Если увидят на ней фигуры не женского пола.
Кто же тогда из людей к божеству относился

с презреньем,

Кто бы смеяться посмел над жертвенной чашей,

над черным

Нумы сосудом, над блюдом убогим с холма Ватикана?

Ну, а теперь у каких алтарей не находится Клодий?

Слышу и знаю, друзья, давнишние ваши советы:

«Надо жену стеречь, запирать на замок». Сторожей-то
Как устеречь? Ведь она осмотрительно с них начинает.

350 Ведь одинакова похоть у высших, как и у низших:
Та, что ходит пешком по улицам грязным, не лучше,
Нежели та, что лежит на плечах у рослых сирийцев.

Чтобы на игры смотреть, Огульния платье достанет,
И провожатых взаимы, и носилки с подушкой, и няньку;
Будут подруги по найму и девочка для поручений.
Кроме того, она все серебро, от отца что осталось,
Вплоть до последней посуды, дарит

гладкокожим атлетам.

Дома пускай нищета, — ни одна от нее не скромнее
И не считается с теми границами, что наложила
Бедность, данная ей. Однако мужа временами
360 То, что полезно, предвидят; иные берут руководством
Жизнь муравья, опасаясь познать и холод и голод.
Ибо мотовка жена не чует имущества гибель:
Будто в пустом ларце возрождаются новые деньги,
Будто берутся из груды, всегда остающейся полной, —
Не размышляет она, сколько стоят ее развлеченья.

Женщин иных прельщают бессильные евнухи

с вечно

Пресными их поцелуями, кожей навек безбородой:
С ними не нужен аборт: наслаждение с ними, однако,
370 Полное, так как они отдают врачам свои члены
С черным уж мохом, когда обрастила их пылкая юность;
Эти шулята, когда-то лишь видные, в росте свободном
После того как достигнут двух фунтов, у них отрезает
Гелиодор, принося лишь ущерб одному брадобрею.

Тот, кто своей госпожой кастратом сделан, вступает
В баню заметный для всех, на себя обращая вниманье,
Смело взывая к хранителю лоз. Пускай с госпожой он
Спит себе; только ты, Постум, смотри

не доверься кастрату

Вакха, что вырос с тобой и уже приготовился к стрижке.

Если жена увлекается пеньем, — никто не спасется
380 Из продающих свой голос претору: их инструменты
Вечно у ней в руках, сардониксы сверкают на лире
Сплошь, и дрожащий плектр постоянно порхает

по струнам, —

Нежного плектр Гедимела, пред ней

исполнявшего песни:

Держиг его, утешается им и целует желанный,
Женка из Ламиев рода, фамилии Аппиев, молит,
Януса с Вестой мукой осыпая, вином орошая, —
Дать Поллиону дубовый венок, чтобы струны украсить
На состязаниях capitoлийских. Не сделала б больше,
390 Муж захворай у нее, беспокойся врачи о сынишке.
Пред алтарем предстоя, она не считает зазорным
Ради кифары закрыть себе голову, как подобает
Произнести мольбу, побледнеть при вскрытии агнца.

Ты, из богов древнейший, скажи, прошу тебя, Янус
Отче, скажи, отвечаешь ты ей? Верно, на небе скучно;
Делать там нечего вам, небожителям, как посмотрю я:
Эта о комиках просит тебя, а та предлагает
Трагика взять; между тем у гаруспика ноги опухнут.

Пусть она лучше поет, чем по городу

шляется всюду,

400 Наглая, в кучки мужчин вмешаться готовая смело,
Или в присутствии мужа ведет разговоры с вождями
(Прямо с похода), глядя им в лицо

и совсем не вспотевши.

Этакой все, что на свете случилось, бывает известно:
Знает она, что у серов, а что у фракийцев, секреты
Мачехи, пасынка, кто там влюблен, кто

не в меру развратен.

Скажет она, кто вдову забрюхатил и сколько ей сроку,
Как отдается иная жена и с какими словами;
Раньше других она видит комету, опасную царству
Парфян, армян; подберет у ворот все слухи и сплетни
410 Или сама сочинит, например, наводнение Нифата,
Хлынувшего на людей и ужасно залившего пашни,
Будто дрожат города, оседает земля, — и болтает
Эта сорока со встречным любим на любом перекрестке.

Впрочем, жена и с пороком таким

не столь нестерпима,

Как приобвыкшая драться с соседями, бить их ремнями,
Бедных, вопящих; когда ее сон прерывается лаем, —
«Палок скорее несите сюда!» — кричит она, в палки
Раньше потребует взять хозяина, после — собаку.
Встретиться с ней тяжело; она отвратительна с виду.

Моется в бане она по ночам: вдруг прикажет

тревогу

420 Бить, свои шайки нести — и парится с шумом великим;
Руки когда упадут у нее, утомленные гирей,
Ловко ее щекотать массажист начинает проворный,
Хлопая громко рукой по ляжкам довольной хозяйки;
Голодны гости меж тем, несчастные, хочется спать им;
Вся раскрасневшись приходит она наконец и готова
Выпить корзину вина вместимостью в целую урну;
В ноги поставив ее, она тянет второй уж секстарий

Перед едой, аппетит возбуждая поистине волчий.
 После того как на землю сблюет, промывая желудок,
 430 Мрамор потоки зальют, золотая лоханка фалерном
 Пахнет; подобная длинной змее, свалившейся в бочку,
 Женщина пьет и блюет. Тошнит, понятно, и мужа:
 Он закрывает глаза, едва свою желчь подавляет,
 Впрочем, несноснее та, что, едва за столом
 поместившись,
 Хвалит Вергилия, смерти Дидоны дает оправданье,
 Сопоставляет поэтов друг с другом: Марона на эту
 Чашку кладет, а сюда на весы полагает Гомера.
 Риторы ей сражены, грамматики не возражают,
 440 Все вокруг нее молчат, ни юрист, ни глашатай не пикнут,
 Женщины даже молчат, — такая тут сыплется куча
 Слов, будто куча тазов столкнулась с колокольцами;
 Тут уж не станет никто насиловать медные трубы,
 Так как она и одна поможет Луне при затменье.
 Мудрый положен предел увлечениям самым почтенным;
 Та, что стремится прослыть ученой,
 речистой не в меру, —
 Выше колена должна подпоясывать тунику, в жертву
 Резать Сильвану свинью и платить по квадранту за баню,
 Пусть же матрона, что рядом с тобой возлежит,
 не владеет
 450 Стилем речей, энтимемы кудрявые не запускает
 Средь закругленных словес и не все из истории знает,
 Пусть не поймет и из книг кой-чего;
 мне прямо противна
 Та, что твердит и еще раз жует Палемона «Искусство»,
 Вечно законы блюдя и приемы правильной речи,
 Та, что, древность любя, неизвестный нам стих
 вспоминает
 Или напрасно слова поправляет простушки подруги;
 Нет, уж позвольте мужьям допускать обороты любые.
 Женщина все позволяет себе, ничего не считает
 Стыдным, лишь стоит на шею надеть изумрудные бусы
 Или же ухо себе оттянуть жемчужной сережкой.
 460 Что может быть несноснее, чем... богатая баба:
 Видом противно лицо, смехотворно, от множества теста
 Вспухшее все, издающее запах Поппеиной мази, —

Губы марают себе несчастный муж в поцелуе.
С вымытой шеей она к блуднику лишь пойдет:

разве дома

Хочет казаться красивой она? Блудникам — благовонья!

Им покупается все, что пришлют нам инды худые.

Вот показала лицо и снимает свою подмалевку, —

Можно узнать ее; вот умывается в ванне молочной,

Ради которой она погнала бы ослиное стадо

470 Даже в изгнание вплоть до полярных Гипербореев.

Это лицо, что намазано все, где меняется столько

Снадобий разных, с припарками из подогретого теста

Или просто с мукой, — не лицом назовешь ты, а язвой.

Стоит труда изучить хорошенько, что делают жены,

Чем они заняты целые дни. Если ночью ей спину

Муж повернет, — беда экономке, снимай гардеробщик

Тунику, поздно пришел носильщик будто бы, значит,

Должен страдать за чужую вину — за сонливого мужа:

Розги ломают на том, этот до крови исполосован

480 Плетью, кнутом (у иных палачи нанимаются на год).

Лупят раба, а она себе мажет лицо да подругу

Слушает или глядит на расшитое золотом платье;

Порют — читает она на счетах поперечные строчки;

Порют, пока изнемогшим секущим хозяйка не крикнет

Грозное «вон!», увидав, что закончена эта расправа.

Домоправленье жены — не мягче двора Фалариса.

Раз уж свиданье назначено ей, должно нарядиться

Лучше обычных дней — и спешит к ожидающим в парке

Или, быть может, скорей, у святилища сводни — Исиды.

490 Волосы ей прибирает несчастная Псека, — сама-то

Вся растрепалась от таски, и плечи и груди открыты.

«Локон зачем этот выше?» — И тут же ремень наказует

Эту вину волоска в преступно неверной завивке.

Псеки в чем недосмотр? Виновата ли девушка, если

Нос твой тебе надоел? — Другая налево гребенкой

Волосы тянет и чешет и кольцами их завивает.

Целый совет: здесь старуха рабыня, что ведает пряжей,

Больше за выслугой лет не держащая шпилек

хозяйки, —

Первое мнение будет ее, а потом уже скажут

500 Те, что моложе годами и опытом, будто вопрос тут —

Доброе имя и жизнь: такова наряжаться забота.
Ярусов сколько, надстроек возводится зданьем высоким
На голове; поглядишь — Андромаха с лица, да и только!
Сзади поменьше она, как будто другая. А ну как
Ростом не вышла она в Андромаху и, став без котурнов,
Будет не выше, чем дева пигмейской породы: тогда ведь
Для поцелуев-то ей подниматься на цыпочки нужно.

Нет у такой жены ни заботы о муже, ни мысли
О разоренье: живет она просто, как мужа соседка,
510 Ближе к нему только тем, что друзей и рабов его хает,
Тяжко ложась на приход и расход.

Иступленной Беллоны
Хор приглашает она иль Кибелы, — приходит огромный
Полумужик, что в почете у меньшей братьи бесстыдной,
С давних времен оскопивший себя

черепком заостренным;

Хриплая свита дает ему путь, отступают тимпаны.
Толстые щеки его — под завязкой фригийской тиары;
Важно кричит он, велит сентября опасаться и Австра,
Если она не пожертвует сотню яиц в очищенье.
520 И самому не отдаст багряниц поношенных, дабы
Все, что внезапной и тяжелой опасностью ей угрожает,
В эти одежды ушло, принося искупление за год.
Ради того и зимой через лед нырнет она в реку,
Трижды поутру в Тибр окунется, на самых стремнинах
Голову вымоет в страхе — и голая, с дрожью в коленях,
В кровь исцарапанных, переползет все Марсово поле
(Гордого поле царя); прикажет ей белая Ио —
Вплоть до Египта пойдет и воду от знойной Мерои,
Взяв, принесет, чтобы ей окропить богини Исиды
Храм, — возвышается он по соседству

с древней овчарней:
530 Верит она, что богиня сама насылает внушенья;
Будто с ее-то душой и умом не беседуют боги!

Вот почему наивысший почет особливо имеет
Тот, кто в плешивой толпе, разодетый

в льняные одежды,

Ходит Анубисом-псом, глумясь над поникшим народом;
Молится он о жене, что нередко была невоздержна
В совокупленье на праздничный день или на день

запретный:

Тяжкая кара грозит за поправление брачного ложа, —
Кажется, точно серебряный змей шевельнул головою
Слезы жреца и заученный шепот приводят к тому, что
Женщины грех отпустить согласится Осирис, —
Жирным гусем соблазненный и тонкого вкуса

конечно,
пирожным.

Этот уйти не успел, как еврейка-старуха, оставив Сено свое и корзину, нашепчет ей на ухо тайны, Клянча подачку, — толмач иерусалимских законов, Жрица великая древа и верная вестница неба; Будет подачка и ей, но поменьше: торгуют евреи Бреднями всякого рода за самую низкую плату.

Вот из Армении иль Коммагены гадатель посмотрит
В легкие теплой голубки — и милого друга сулит ей,
Смерть богача холостого и крупные деньги в наследство;
Перекопает он груди у кур и нутро собачонки,
Даже иной раз младенца, — и сам же
доносит на жертвы.

Большая вера халдеям:

Жены поверят, что это вещает источник Аммона,
Раз уж Дельфийский оракул умолк; а роду людскому
Лестно в грядущую тьму заглянуть, насколько возможно.
Выше всех ценится тот, кого несколько раз выслали,
Чье дружелюбие и чей гороскоп погубили недавно
Славную жизнь гражданина, внушившего ужас Отону,
Верят искусству его, хотя б кандалами гремел он
Справа и слева, хотя б сидел он в остроге военном.
Неосужденный астролог совсем не имеет успеха:
Гений лишь тот, кто едва не погиб, попав на Циклады
В ссылку, кто, наконец, избегнул теснины Серифа.
Спросит его и о медленной смерти желтушной мамы,
И о тебе Танаквила твоя, да скоро ли сестры,
Дяди помрут, да любовник ее —

проживет ли он дольше,
Чем Танаквила сама; чего еще боги даруют?

Впрочем, иные не знают, чем мрачный Сатурн угрожает Или в каком сочетании звезд благосклонна Венера,

Месяц к убытку какой, какое к прибыли время.

Не забывай избегать даже встречи

с женщиной, если

Виден в руках у нее календарь, что лоснится, как будто
Жирный янтарь: уж она у других не попросит совета, —
Спросят ее самое; она не пойдет с своим мужем
В лагерь, домой: не пускают ее вычисленья Трасилла.
Если захочется ей хоть до первого камня доехать, —
Время берется по книге, а если зачешется веко,
Мази попросит она, посоветовавшись с гороскопом.

580

Если больная лежит, то часы для принятия пищи
Выберет только такие, которые дал Петосирис.

Если она небогата, она, пробежавши пространство
Между столбами, отдаст свой жребий, и руку протянет,
И предоставит лицо — прорицателю: любит он чмокать.
Тем, кто богаты, тем авгур фригийский дает разъясненья,
Или индус нанятой, что сведущ и в небе и в звездах,
Или этрусский старик, что молнии в Риме хоронит.
Жребий плеебеек сокрыт на окраинах города, в цирке:

590

Женщины эти, надев золотую цепочку на шею,
Возле столбов цирковых и колонн с дельфином гадают,
Бросить кабатчика ль им да пойти за старьевщика замуж.

Бедные хоть переносят опасности родов и терпят
Тяжкий кормилицы труд, принужденные

долей замужних:

На позолоченном ложе едва ль ты найдешь роженицу:
Слишком лекарства сильны и слишком высоко

искусство

Той, что бесплодые дает и приводит к убийству во чреве
Женщин. Ликуй же, несчастный, любое питье подавая:
Если бы вдруг захотела жена растянуть себе брюхо,
Мучась толчками младенца, то, может быть, ты эфиопа
Станешь отцом, — и чернявый наследник,

600

которого «здравствуй»

Вовсе противно тебе, не замедлит войти в завещанье.

Что говорить о подкидышах?

Вместо веселых обетов

Часто находят у грязных прудов их, —

и вон понтифексы,

Салии будут готовы, и Скавров подделано имя

В теле чужом. Сторожит по ночам, улыбаясь младенцам
Голым, Фортуна коварная, греет их всех, завернувши
В пазуху, вводит потом голышей в родовитые семьи.
Втайне забаву готовя себе, она их лелеет,
Возится с ними, всегда выдвигает их, будто питомцев.

610

Кто принесет заклинанья, а кто фессалийского яду
Женке продаст, чтоб супруга она, совсем одурманив,
Смело пинала ногой. Потому-то и стал ты безумен,
Вот почему и туман в голове, и забыл ты о деле
Сразу. Но это еще переносно, пока не впадешь ты
В бешенство, вроде того опоенного дяди Нерона,
Мужа Цезонии, что налила ему мозг жеребенка
(Всякая женщина то же, что царские жены, содеет).
Все пред Калигулой было в огне, все рушились связи,
Точно Юнона сама поразила безумием мужа.

620

Право же, менее вредным был гриб Агриппины, который
Сердце прижал одному старику лишь и дал опуститься
Дряхлой его голове, покидавшей землю для неба,
Дал опуститься рту со стекавшей длинной слюною.
Зелье такое взывает к огню и железу и мучит,
Зелье терзает сенаторов кровь и всадников жилы:
Вот чего стоит отродье кобылы да женщина-ведьма!

Жены не терпят детей от наложниц:

никто да не спорит,

Не запрещает, — ублюдка (да, да!)

надлежит уничтожить;

630

Вас, малолетки с большим состоянием, предупреждаю:
Жизнь берегите, к блюдам никаким не имейте

доверья, —

В этих бледных лепешках кипят материнские яды.

Пусть-ка откусит сперва кто-нибудь от того,

что предложит

Мачеха; пусть-ка пригубит питье опасливый дядька.

Выдумка это, конечно? Сатира обулась в котурны,
Мы преступили, конечно, границы и правила предков:
Точно в Софокловой маске безумствует стих нарочитый,
Чуждый рутульским горам, незнакомый

латинскому небу...

Пусть бы мы лгали, пусть! Но Понтия вслух заявляет:

«Да, сознаюсь, приготовила я аконит моим детям;

640 Взяли с поличным меня, — преступленье свершила
сама я».

— Злая гадюка, обедом одним умертвила двоих ты,
Сразу двоих? — «Будь семеро их, семерых бы я тоже...»
Лучше поверить всему, что поведал нам трагик о Прокне
И о колхидянке лютой: я их не могу опровергнуть;
В те времена совершали они чудеса злодеяний
Не из-за денег совсем; изумления меньше достоин
Верх злодеяний: ведь женщин всегда к преступленью
приводит

Гнев, и, пылая от бешенства сердцем, они понесутся
Вниз головой, как скала, оторвавшаяся от вершины,
650 Если осядет гора и обрушится скользким уклоном.
Нет, нестерпимы мне те, что расчетливы в их злодеяньях,
В здравом уме их творят. Они смотрят «Алкесту»,
что мужа

Смерть приняла; а вот если бы им предложили замену,
Мужниной смертью они сохранили бы жизнь собачонки.
Ты что ни день Данаид повстречаешь, найдешь Эрифилу,
Каждая улица Рима имеет свою Клитемнестру;
Разница только лишь в том, что та Тиндарида хватала
В обе руки неудобную вовсе, тупую секиру,
Нынче же дело решит незаметное легкое жабы;

660 Ну, а железо — лишь там, где Атрид
осмотрительно принял
Противоядие битого трижды царя Митридата.

SATURÆ

КНИГА
ТРЕТЬЯ

САТИРА СЕДЬМАЯ

Только в Цезаре — смысл и надежда

словесной науки:

Он ведь один почтил печальных Камен в это время, —
 Время ненастья, когда знаменитые наши поэты
 Брали на откуп то в Габиях баню, то в Риме пекарню
 И не считали позором и срамом глашатая дело,
 Время, когда из долин Аганиппы, покинув их, Клио,
 Вовсе голодная, переселилась в приемные залы.
 Если нельзя увидеть и гроша в тени Пиэрии,
 Ты поневоле возьмешь ремесло и кличку Махеры:
 10 Выйдешь толпе продавать на комиссию взятые вещи —
 Мебель, посуду для вин, треноги, комоды, шкатулки,
 Пакка и Фавста стихи — «Алцитою», «Фивы», «Терея».
 Лучше уж так, чем в суде заявлять, что ты очевидец,
 Сам ничего не видав; хоть и так поступают вифинцы,
 Разные всадники там азиатские, каппадокийцы
 Да голопятый народ, что Галлия нам поставляет.

Только лишь с этой поры наукам противной работы
 Взять не захочет никто, вплетающий звучные речи
 В мерно-певучий размер, никто, отведавший лавра.
 20 Помните, юноши: смотрит на вас и вас поощряет

Благоволенье вождя, ожидающее оправдания.

Если же ты, Телесин, еще откуда-то мыслишь
Помощи ждать в делах, заполняя стихами пергамент
Книги шафранной, то лучше потребуй немедленно

дров ты,

Свиток в дар принеси огневому супругу Венеры
Или запри его, брось и отдай на съедение моли;
Ты, создатель высоких стихов в своей маленькой келье
С целью плющ заслужить и тощее изображение,
Жалкий, сломай-ка перо и покинь бессонные битвы:
Больше надежды нам нет, — скупой богачей научился
Авторов только хвалить, поэтам только дивиться,
Как на павлина дивится юнец. А годы уходят —
Возраст, который сносил и море, и шлем, и лопату;
В душу тогда проникает тоска, и красноречивый
Голый старик проклинает себя и свою Терпсихору.

Знай же уловки того, кого чтишь

вместо Муз, Аполлона, —

Как он хитрит для того, чтоб тебе поменьше досталось:
Сам он пишет стихи, одному уступая Гомеру
(Ради тысячи лет), и если ты, сладостью славы

Пылкий, читаешь, — тебе приспособит он

для выступления

Дом заброшенный, что уж давно за железным засовом,
С дверью, подобной воротам, замкнувшимся

перед осадой;

Даст и отпущенников рассадить на последних скамейках,
Громкие даст голоса из среды приближенных, клиентов;
Но ведь никто из царей не оплатит цену сидений,
Цену подмостков, стоящих на брусьях, что в долг

были взяты,

Или оркестры, где кресла стоят — заемные тоже.

Все же мы дело ведем и по тощему пыльному слою
Ташим плуг бороздой на пашне бесплодного поля;
Мы как в петле привычки к тщеславному делу; свободы
Нам не дано, а зараза писать не у всех излечима.
Болью души она держит людей и в них матерее.

Лишь выходящий из ряда поэт, особенной крови,
Что не привык повторять приведенное, что не чеканит
Пошлых стихов одинакой для всех

разменной монетой, —

Этот поэт — я не знаю его, а чувствую только —
 Создан духом превыше забот, без горечи вовсе;
 Он стремится в леса и жадно пьет Аонидин
 Ключ вдохновенья. Не будет певцом пиэрийского грота,
 60 Тирса не сможет держать — бедняк печальный,
 лишенный
 Всех тех средств, что нужны его телу днем или ночью:
 Клич заздравный творя, Гораций, конечно, был сытым!
 Есть ли таланту простор, когда не только стихами
 Сердце полно и стремленьем к владыкам
 Кирры и Нисы, —
 Сердце, которому трудно нести двойную заботу?
 Дело великой души — не забота купить покрывало,
 Но созерцанье коней, колесниц, божественных ликов,
 Той Эринии, кем приведен в смятение Рутул.
 70 Если б Вергилий был без слуги, не имел бы жилища
 Сносного, то из волос Эриний все гидры упали б,
 Мощным звуком труба, онемев, не взыграла бы;
 можно ль
 Требовать с Лаппы Рубрена все качества
 древних трагедий,
 Если «Атрей» пошел под заклад плаща и посуды?
 Сам Нумитор не бедняга ль? Послать ему нечего
 другу,
 Только всего на подарки Квинтилле находятся деньги;
 Есть и на то, чтоб льва приобрести ручного, что мясо
 Жрет помногу: ведь зверь, как известно, стоит дешевле,
 Нежели брюхо поэта, который съест что угодно.
 80 Пусть преславный Лукан возлежит среди мраморов сада:
 Что для Серрана вся слава его, какова ни была бы?
 Что в ней бедняге Салею, хоть это и слава поэта?
 Смотришь, бегут на прочтенье приятной для всех
 «Фиваиды»,
 Только лишь Стаций назначил день и обрадовал город.
 Что за нежностью он охватил плененные души,
 Что за страсть у толпы послушать эту поэму!
 Но хоть скамьи и трещат под народом, —
 а Стацию кушать
 Нечего, коль не продаст он новинку «Агаву» Парису:

Должности тот раздает почетные часто и щедро
 И на полгода кольцом золотым обручает поэтов.
 90 То, чего знатный не дал, даст актер;
 чего ж ты хлопчешь
 У Камеринов, Барей, в просторных приемных вельможи?
 Ведь «Пелопея» префектов дает, «Филомела» —
 трибунов;
 Но не завидуй поэтам, которых лишь сцена питает:
 Где у тебя Меценат, кто будет тебе Прокулеем,
 Фабием кто? Где Котта второй и где новый Лентул?
 В те времена по таланту была и награда; для многих
 Было полезно бледнеть и декабрь без вина оставаться.
 Далее, ваши труды, летописцы,
 намного ль доходней?
 100 Больше и времени нужно на них, и масла для лампы.
 Меру забыв, уже тысячная громоздится страница,
 Всем на беду нарастая огромных папирусов толщей:
 Так изобилие дел и законы науки велели.
 Жатва у вас какова? И дает ли плоды почва?
 Кто же историку даст, сколько тот —
 собирателю справок?
 Вы, мол, ленивый народ, довольный покоем и тенью.
 Ну, а дают что-нибудь для ходатаев наших
 гражданских
 Спутницы их, деловые бумаги в огромных обложках?
 Эти красно говорят, когда их слышать кредиторам, —
 110 Пуще всего, если их за бока возьмет тот, что покруче,
 За должником ненадежным придя
 с объемистым списком:
 Тут они, как из мехов, изрыгают безмерные враки,
 Брызжа на платье слюной; но если ты хочешь проверить
 Цену их жатвы, сюда положи достояние сотни
 Этих юристов, туда — одного лишь Лацерны
 из «красных».
 Вот уж уселись вожди; встает
 побледневшим Аяксом
 Спорной свободы защитник пред ликом
 судьи-свинопаса;
 Грудь надрывай, несчастный, чтоб после,
 когда изнеможешь,

Пальму зеленую дали тебе — украшение лестниц.
 120 Что же в награду за речь? Сухая грудинка да блюдо
 Пеламид, старый чеснок от твоих
 мавританских клиентов,
 Или штук пять бутылей вина, подвезенного Тибром.
 Если четырежды ты выступал, заработал червонец,
 То и с него кое-что отпадет прагматикам в долю.
 Платят Эмилию, сколько должны, хотя бы он хуже
 Нас говорил, потому что в передней его колесница
 С рослой четверкой коней из бронзы и сам он, на дикой
 Воинской лошади сидя, грозитя копьем дальнометным,
 Будто бы бой выбирая своей одноглазой фигурой.
 130 Так-то беднеет Педон, и Матон разоряется, близок
 К краху Тонгилий с его притираниями из носорога,
 С шумной толпой неопрятных клиентов,
 когда через площадь
 Слути мидийские в длинной лектике несут его, с целью
 Вилл закупить, серебра, и рабов, и мурринских сосудов,
 Пурпуром ткани из Тира прельстительно вас убеждая.
 Все то полезно им: удорожает юриста тот пурпур,
 Цену дает фиолетовый плащ; им нужно жить с треском,
 Жить под личиною средств, превышающих их состояние;
 Но расточительный Рим не знает предела издержкам.
 140 Разве мы верим речам? Ведь никто на доверил бы нынче
 Двести монет Цицерону, когда бы
 не перстень блестящий.
 Смотрит сначала истец, десяток вожатых, клиенты
 В тогах иль нет. Недаром в чужом выступал сердолике
 Павел: ведь этим дороже он стоил Басила и Галла.
 Редко речь бывает красна в убогих лохмотьях.
 Разве Басилу дадут показать материнские слезы?
 Кто б красноречие вынес его? Пускай уже лучше
 Галлия примет тебя, чтоб тебе и за речи платили,
 150 Или же Африка — мамка юристов прекрасноречивых.
 Ты декламации учишь? Какая железная глотка,
 Веттий, нужна, чтоб твой класс наконец уничтожил
 тиранов!
 Сидя читается речь, а потом то же самое стоя
 Ритору класс преподносит, и то же стихами поет он:
 Теми же щами совсем убивают наставников бедных.

Что за оттенок да что за причина и корень вопроса,
Далее, где б усмотреть возможные стрелы ответов, —
Всем ведь желательно знать; а платить —

никто не желает.

160 «Платы? Да разве я что изучил?» Иными словами,
Сам виноват ты, учитель, когда у аркадского парня
Сердце еще не взыграло, хотя бы он еженедельно
Бедную голову нам забивал «Ганнибалом» ужасным,
Что бы он ни разбирал: устремиться ли после сраженья
В Каннах на Рим, или после дождей и гроз осторожно
Войско свое отвести, отсыревшее от непогоды.
Хочешь, побьюсь об заклад — и немедля

наличными выдам,

Ежели парня отец столько раз его сможет прослушать.

То же все шесть или больше софистов

кричат в один голос

И, побросавши вояк, занимаются подлинным делом:
170 С них уж довольно отрав да мужей этих неблагодарных
Или котлов, что слепым старикам возвращают здоровье.
Ритор в отставку уйдет, коль поступит

по нашим советам,

Вступит на пестрый жизненный путь,

от школьного мрака

В битву жизни сойдет: у него не погибнут деньжонки,

Раз он достанет себе тессеру на выдачу хлеба.

Это ведь самый высокий доход для ритора. Спросишь,

Учит почем Хрисогон, почем Поллион богатеев,

И от досады порвешь весь учебник речей Феодора.

Тысяч шестьсот стоит баня, да портик —

еще подороже,

180 Где господину понежиться в дождик, не дожидаясь
Ясной погоды, носилки свои не забрызгавши грязью
(Так-то лучше блестят копыта нарядного мула).

Сзади — столовый зал, на больших нумидийских

колоннах,

Высю своей собирает лучи заходящего солнца.

Сколько за дом? И сколько тому, кто умеет расставить

Кушанья, или тому, кто сладкое к пиру готовит?

Перед лицом этих трат полагают, что пары червонцев

Хватит вполне заплатить хотя бы Квинтилиану.

Сын для отца дешевле всего. «Откуда же столько
Квинтилиан имеет лесов?» Не надо примеров
190 Редкой удачи: кому повезет, тот и мудр и прекрасен,
Красноречив; кому повезет — родовит, благороден
И, как сенатор, — обут в сапоги с застежками лункой;
Раз повезло, он великий оратор, искусный стрелок он.
Чудно поет (даже если охрип). Вся разница в том лишь,
Что за светила тебя с материнского лона приемлют,
Слыша твой первый крик рожденного только младенца.
Если захочет Судьба, ты из ритора консулом станешь;
Волею той же Судьбы ты не консул будешь, а ритор.
200 Хоть бы Вентидий — кто? Кто Туллий? Ими звезда лишь
Добрая правит да сила чудесная темного рока:
Рок дает царства рабам, доставляет пленным триумфы.
Впрочем, счастливцев такой реже белой вороны бывает.
Многих сомненье берет в их пустой и бесплодной учебе:
Плохо свой кончили век Лисимах, Секунд Карринатский;
Видели вы бедняком, Афины, даже того, кто
С вас не имел ничего, кроме чаши холодной цикуты.

Пусть же, о боги, теням наших предков

земля будет легкой,

Пусть благовонный шафран и весна

пребывают в их урнах

В честь их желанья, чтоб место отца заступал

лишь наставник.

210 Взрослый уже Ахиллес боялся розги, когда он
Пенью учился в родимых горах: он не стал бы смеяться
Даже теперь над хвостом кентавра, учителя пенья.
Нынче же ученики колотят Руфа и прочих, —
Руфа, которого все Цицероном-аллоброгом звали.

Кто же Келаду отдаст, Палемону ученому столько,
Сколько их труд заслужил грамматика? А ведь из этой
Мелочи (плата у них куда чем у риторов меньше!)
Кой-что откусит на долю свою и дядька безмозглый,
220 И выдающий урежет себе. Палемон, уступи же,
Платы убыток стерпи, подобно тому торгашу, что
Продешевит простыни, одеяла дешевле уступит, —
Лишь бы совсем не пропала работа твоя среди ночи,
Труд спозаранку, когда не проснулись и мастеровые,
Те, что шерсть начинают пряхти кривыми гребнями;

Только бы вонь от стольких лампад, сколько было
мальчишек,

Зря не пропала, когда по ночам казался Гораций
Вовсе бесцветным и копотью весь покрывался Вергилий.

А для получки твоей ведь еще у трибунов дознание

230

Нужно! Вот так и блюда суровой науки обычай,
Ибо учителя долг — языком в совершенстве владея,
Помнить историю всю, а авторов литературных
Знать, как свои пять пальцев, всегда; и ежели спросят
Хоть по дороге в кулальню иль в баню, кто у Анхиза
Мамкой была, как мачеху звать Анхемола, откуда
Родом она, — скажи; да сколько лет было Ацесту,
Сколько мехов сицилийских вин подарил он фригийцам.
Пусть, мол, наставник оформит рукой

еще мягкий характер,

Лепит из воска лицо, как скульптор; пусть своей школе
Будет отцом, чтоб питомцы его не шалили позорно,

240

Не предавались порокам. Легко ль за руками мальчишек
Всех уследить, когда, наблудив, убегают глазами?
Вот, мол, забота тебе. А кончится год, получай-ка,
Сколько за день собирает с толпы победитель из цирка.

САТИРА ВОСЬМАЯ

Что в родословных за толк? Что пользы, Понтик,
 считаться
 Древних кровей, выставлять напоказ
 своих предков портреты —
 Эмилианов род, стоящих на колесницах,
 Куриев с маленькой порчей, Корвина,
 что стер уже плечи,
 Гальбу, совсем без ушей и вовсе лишенного носа?
 Что из того, что в большущей таблице
 хвастливо укажешь
 Ты на Корвина, сплетаясь на древе с иными ветвями,
 Где потемнел уже конный начальник
 с диктатором вместе, —
 Если порочишь ты Лепидов честь? К чему эти лица
 Стольких вояк, если ты пред лицом Сципионов играешь
 В кости всю ночь, засыпаешь же только с восходом
 денницы
 В час, когда эти вожди пробуждали знамена и лагерь?
 Стоит ли, Фабий, — хоть ты Геркулесова рода
 потомок, —
 Радоваться аллоброгам, большим алтарем восхищаться,
 Раз ты и жаден, и пуст, и слаб, как евганский ягненок?

Я же Кекропов внук!» Живи себе и услаждайся,
Раз ты уж так родовит. И однако, в низах у плебеев
Скрыт тот речистый квирит, что умеет

поддерживать тяжбу

50

Знатного неуча; также плебеи, одетые в тоги,
Права узлы расплетут, разрешат загадки закона.
Юноша-воин спешит на Евфрат иль к орлам,

стерегушим

Смятых батавов: силен он оружием; а ты что такое?
Внук Кекропа, ты только подобье обрубленной гермы.
В чем твоя разница с гермой? Да только лишь в том,

что у этой

Мраморная голова, у тебя же фигура живая.

Тевкров потомок, скажи, разве кто

бессловесных животных

Кровными будет считать, если силы нет в них?

Мы хвалим

Борзых коней, на бегу столь легких, что хлопать

устанешь

60

В цирке, охрипшем от криков, когда там ликует Победа.
Тот лишь породист конь (с каких бы ни был он

пастбищ),

Кто впереди всех бежит, кто первый пылит на равнине.

Конь от кровей Корифея иль хоть бы Гирпина —

продажный

Скот, если редко Победа стоит на его колеснице.

Нет ведь у них почитания предков, нет снисхожденья

К теням: прикажут — они по дешевке меняют хозяев;

Шею стерев хомутом, их потомки тянут телегу

Или крутят жернова на мельнице, на ноги слабы.

Чтобы дивиться тебе, — не твоим, — свое покажи нам,

70

То, что можно как надпись врезать, — помимо почета,

Что воздаем мы всегда тому, кому всем ты обязан.

Этого хватит юнцу, который, как слышно, гордится,

Весь до краев переполнен, надут, что родня он Нерону.

Верно, что здравый смысл у Судьбы бывает не часто.

Я не хотел бы, Понтик, чтоб ты ценился за то лишь,

Что было славой предков твоих, без того, чтобы сам ты

Честь заслужил. На славу других опираться позорно,

Чтоб не упасть и не рухнуть, как крышка,

утратив подпору.

Так и лоза, стелясь по земле, тоскует по вязу.
 80 Будь же добрый солдат, опекун, судья беспристрастный;
 Если ж свидетелем будешь в делах неясных и темных,
 То хоть бы сам Фаларис повелел показать тебе ложно
 И, угрожая быком, вынуждал бы тебя к преступленью, —
 Помни, что высший позор — предпочесть
 бесчестие смерти
 И ради жизни сгубить самое основание жизни.
 Смерти достойный — погиб, хоть бы сотню
 устриц лукринских
 Он поедал за обедом и в Космов котел погружался.
 В день, когда ты правителем станешь
 желанных провинций,
 Нрав свой крутой сумей обуздать, умерь раздраженье,
 90 Алчность свою сократи и жалей союзников бедных:
 Нет ведь у них ничего — только кости, даже без мяса.
 Что говорят законы, следи, что тебе поручает
 Курия: сколько наград ожидает правителей добрых!
 Но от сенатских правых громов Капитон и Нумитор
 Пали за свой киликийский грабеж. Да что в этом толку?
 Ты, Херипп, присмотри для своих лохмотьев прекона
 Да помолчи, ибо Панса возьмет то, что Натта оставил:
 Просто безумье — терять даже то, что есть на дорогу.
 Вот в старину процветал покоренный нами
 союзник:
 100 Не было стонов и не было ран понесенной утраты;
 Полной чашей был дом, повсюду лежали большие
 Деньги, из Спарты плащи, пурпурные ткани из Коса,
 И со скульптурой Мирона, с картиной Паррасия жив был
 Фидий в слоновой кости, и много работ Поликлета;
 Редкий стол обходился без Ментора славных изделий.
 Вот откуда тащил Антоний, тащил Долабелла
 Или безбожный Веррес: в глубине корабельного трюма
 Тайно добычу везли побольше военных триумфов.
 Что ж у союзников ныне? Лишь пара волов,
 табунок лишь
 110 Конский, стада вожак, участочек поля, — все взято,
 Вплоть до ларов самих, коль статуя есть повиднее,
 Хоть бы одно божество в кивоте: ибо и это

Ценно теперь и считается главным. Ты по заслугам,
Может быть, сверху глядишь на Коринф умаченный,
на Родос

Столь невоинственный: что тебе сделают

юноши в смолах,

Хоть бы и целый народ, что на ляжках выщипал волос?

Лишь избегай ты суровых испанцев, и области галлов,

Да берегов иллирийских, щади и жнецов, что питают

Рим, пока отдает он досуги театру и цирку.

120 Да и какие награды возьмешь ты за счет преступления,
Раз так недавно Марий раздел догола африканцев?

Прежде всего воздержись обижать союзников бедных,

Но храбрецов; отбери хоть бы золото все, что имеют,

И серебро, однако оставь и щиты и мечи им,

Дротик и шлем, чтоб оружие все ж у ограбленных было.

То, что я высказал здесь, не только мнение, — правда:

Верьте, что я прочитал пророческий свиток Сивиллы.

Если чиста твоих присных толпа и если решений

Не продает твоих долговолос, если нет за супругой

130 Вовсе проступков, и Гарпия эта с когтями кривыми
По городам не гуляет твоим, на сборищах грабя, —

То хоть от Пика свой род исчисляй, и если прельщают

Древних тебя имена, выставляй хоть все войско титанов

Как твоих предков и с ними возьми самого Прометея,

Или же пращура сам выбирай из любой родословной.

Если ж тебя увлекают стремительно гордость и страсти,

Если ломаешь ты прутья в союзников крови, прельщаясь

Тем, что секиры тупятся в руках твоих ликторов, —

значит,

Знатность предков самих восстает на тебя и предносит

140 Яркий светоч твоим постыдным делам и поступкам.
Ясно, чем выше считается тот, кто грешит, тем заметней

Всякий душевный порок, таящий в себе преступление.

Что в тебе, если привык ты подписывать ложные акты

В храмах, что дед воздвиг, пред лицом отцовской

почетной

Статуи, — прелюбодей, ночной гуляка, укрывший

Спрятанное лицо под плащом из шерсти сантонской?

Вот мимо праха отцов и костей их

в лихой колеснице

Все там вольны равно, и кубок общий, особых
 Кресел нет никому, и стол ни к кому не подвинут.
 С этаким вот рабом ты, Понтик, как поступил бы?
 180 Верно, в этрусский острог посадил бы,
 сослал бы к луканам.
 Вы же, потомки троянцев, себе позволяете гадость:
 То, что сапожнику стыдно, достойно Волезов и Брута?
 Что, если сверх приведенных примеров,
 постыдных и гнусных,
 Есть примеры, что нам говорят о худших пороках?
 Вот Дамасипп, добро расточив, свой голос подмосткам
 Отдал, желая играть в «Привиденье» крикливом Катулла:
 Также и Лентул проворный в «Лавреоле»
 выступил ловко,
 Став достойным креста не только на сцене — и в жизни.
 Ты извиняешь народ? Извинения нет меднолобым:
 190 Смотрят сидят, как патриции их скоморохами стали,
 Фабиев смотрят босых, и звук оплеухи Мамеркам
 В них вызывает лишь смех. И зачем продают
 свою гибель
 Эти патриции? Разве Нерон их к тому принуждает?
 Зря продают, для игры перед претором, севшим высоко.
 Даже представь, что здесь — мечи, а там вон —
 подмостки:
 Что предпочесть? Кому смерть страшна настолько,
 что станет
 Мужем ревнивым Тимелы, товарищем глупым Коринфа?
 Впрочем, странного нет в вельможном актере, когда сам
 Цезарь кифару взял. Остались дальше лишь игры, —
 200 Новый для Рима позор. Не в оружие хотя б мирмиллона,
 Не со щитом выступает Гракх, не с клинком изогнутым;
 Он не хочет доспехов таких, отвергает с презреньем,
 Шлемом не скроет лица; зато он машет трезубцем;
 Вот, рукой раскачав, висящую сетку он кинул;
 Если врага не поймал, — он с лицом
 открытым для взоров
 Вдоль по арене бежит, и его не узнать невозможно:
 Туника до подбородка, расшитая золотом, с крупной
 Бляхой наплечной, с которой висит и болтается лента.
 Даже секутор, кому приказано с Гракхом сражаться,

- 210 Худший позор при этом несет, чем рана любая.
 Если б народу был дан свободный выбор,
 то кто же —
 Разве пропащий какой — предпочел бы Нерона Сенеке?
 Чтобы его казнить, не хватит одной обезьяны,
 Мало одной змеи, одного мешка для зашивки.
 Сын Агамемнона то же соделал, но повод другой был:
 Разница в том, что по воле богов за родителя мстил он.
 Был Агамемнон убит среди пира; Орест не запятнан
 Кровью Электры-сестры, ни убийством
 супруги-спартанки,
 Он не подмешивал яд никому из родных или близких.
- 220 Правда, Орест никогда не пел на сцене, «Троады»
 Не сочинял. За какое из дел, совершенных Нероном
 В годы его свирепств, кровавой его тирании,
 Больше должны были мстить Вергиний
 и с Виндексом Гальба?
 Что за деяния, что за художества в цезарском роде:
 Радость позора от скверного пеня
 на чуждых подмостках,
 Данная греками честь — заслужить венок из петрушки!
 Пусть же портреты отцов владеют наградами пенью:
 Длинную сирму Фиеста, костюм Антигоны иль маску
 Для Меланиппы сложи Домиция ты к пьедесталу,
- 230 Ну, а кифару повесь хоть на мрамор родного колосса.
 Кто, Катилина, найдет высокое происхождение,
 Как у тебя, у Цетега? И все же, как варваров дети,
 Точно отродье сенонов, готовите ночью оружие,
 Пламя несете домам, угрожаете храмам пожаром —
 Дерзость, что кару несет зажженных, как факелы, туник!
 Консул, однако, бдит, укрощает ваши знамена:
 Новый, незнатный совсем человек из Арпина, недавно
 Всадником бывший простым, повсюду ставит заставы,
 Трудится по семихолмому Риму
 среди граждан смятенных
- 240 Подвиг такой в стенах столицы принес ему славу
 И титула, поболее тех, что добыл Октавий
 Близ Левкады, в полях Фессалии мечом, обагранным
 Цепью убийств, — и Рим, свободный тогда, Цицерона
 Провозгласил отцом, отцом отечества даже.

В вольских горах другой арпинец, над плугом наемным
Изнемогая, просил за работу обычную плату;
После того по башке получал суковатою палкой,
Если ленилась кирка и медленно шло укрепление.
Он-то и взял на себя опасность великую в деле

250

С кимврами и лишь один защитил весь Рим

трепетавший.

После побоища кимвров, что поле устлали телами, —
Более крупных клевать даже ворону не доводилось, —
Знатный товарищ героя имел лишь вторую награду.
Дециев дух был плебейским, плебейскими были и сами
Их имена, но богам преисподней, земле их отчизны
Было довольно двоих за все легионы и войско
Римских союзников всех и за все поколение латинов.
Деции сами дороже, чем все, что они сохранили.
Самый последний из добрых царей,

заслуживший трабсю,

260

Прутьев пучки, диадему Квирина, был сыном служанки.
Консула же сыновья, которым надо бы сделать
Нечто великое ради свободы, что превзошло бы
Подвиг Коклекса и Муция подвиг или же девы,
Тибр переплывшей, тогда границу всего государства, —
Тайно изъяли засов у ворот для возврата тиранов.
Раб сенату открыл преступление, зревшее втайне:
Плачьте, матроны, об этом рабе! А тех справедливо
Палок карает удар и первая римская плаха.
Лучше отцом тебе был бы Терсит, лишь бы сам

с Ахиллесом

270

Сходен ты был и владел оружием работы Вулкана,
Чем Ахиллес породил бы тебя на Терсита похожим.
Сколь бы далеко ни взял и сколь бы вдаль ни подвинул
Имя свое, — ты ведешь свой род от подлого сброда.
Первый из предков твоих, кто бы ни был он, —
или пастух был,
Или такой, что о нем и вовсе думать не стоит.

САТИРА ДЕВЯТАЯ

— Невол, хотел бы я знать, отчего ты всегда
 такой мрачный,
 С вечно нахмуренным лбом, словно Марсий,
 уже побежденный?
 Ходишь ты с Раволы видом, который недавно
 был пойман,
 Тершись о чресла Родопы своей бородой отсыревшей.
 Так вот дают подзатыльник рабу, что пирожное лижет.
 Тот Креперей Поллион, что, давая тройные проценты,
 Всех обошел, не найдя дураков, не имел такой мины
 Жалостной, как у тебя. И откуда морщины такие
 Сразу пошли? Ты немногим довольствовался, исполняя
 Роли домашних шутов, остроумный всегда собутыльник,
 Шуткой горазд и соленой и едкой, столичного типа
 Нынче же — наоборот: ты лицом стал серьезен,
 сухой твой
 Волос стоит будто лес, и на коже ни чуточки блеска,
 Что придавали повязки бруттийские жгучей смолою,
 А на ногах твоих грязных, запущенных —
 заросли шерсти;
 Худ, точно ты застарелый больной, которого сушит

Четырехдневная, с давней поры угнездясь, лихорадка.
 Скрытые в теле больном душевные муки мы видим,
 Также и радость заметна: лицо принимает и этот
 20 Облик отсюда, и тот. Но мне кажется, что изменил ты
 Планы свои и идешь поперек своей прежней дороги.
 Ты ведь, развратник почище Авфидия, помню, недавно
 Храмы сквернил Ганимеда и Мира, Исиды, Цереры,
 Храм Палатина с его таинственным Матери культом
 (Проституируют женщины всюду,
 где только есть храмы!),
 И втихомолку склонял к своей похоти даже супругов. —
 «Многим полезен такой обиход,
 но мне ни к чему он,
 Проку в нем нет. Ну, засаленный плащ,
 оторочка для тоги —
 30 Жесткие, толстые, грубой окраски и тканые плохо
 Где-то у галльских ткачей на гребнях их, — вот все,
 что получишь
 Ты как клиент, да порой серебра низкопробного малость.
 Рок управляет людьми; есть свой рок
 и у тех наших членов,
 Что прикрывает одежда. Коль звезды тебе не позволяют,
 То даже уд непомерной длины твой ничем не поможет,
 Хоть бы и зрел тебя голым Виррон и текли его слюнки,
 Хоть бы и звали тебя постоянно записочкой сладкой,
 «Ибо миньон сам собой прилипает к деснице мужчины».
 Но ничего нет чудовищней, нежели жадность миньона:
 «Я подарил тебе то, дал это, немало унес ты», —
 40 Все сосчитает, вилая. — «Пусть выложат счета, таблицы
 Пусть принесут нам рабы. Считай: пять тысяч сестерций
 В общем итоге, да сверх того труд мой
 чего-нибудь стоит.
 Разве легко и удобно вгонять в тебя
 член мой изрядный —
 И наткаться в нутре у тебя на остатки обеда?
 Менее жалок тот раб, что копает садовую землю,
 Чем бороздящий господ. Наверно, считал себя нежным
 Мальчиком ты и красавцем, достойным небес и киафа.
 Разве патроны дадут что-нибудь
 своим прихвостням жалким,

Разве они снизойдут к нам, клиентам?

Дадут лишь болезни.

50

Вот подарил бы ты зонтик зеленый, янтарь покрупнее,
Лишь наступает сырая весна иль рождения праздник:
И твой любовник лежит на подушках длинного кресла,
Перебирая подарки секретные к первому марта.

Ну, для кого бережешь ты, голубчик, холмистые земли,
Столько в Апулии вилл и пастбищ, что коршун устанет
Их облетать? Трифолин в преизбытке несет тебе лозы,
Так же как Кумский хребет и склоны пустынного Гавра:
Больше, чем нужно, ты бочек смолишь

с молодым еще суслом.

60

Что тебе стоит клиента усталого бедра утешить

Малым участком земли? Разве лучше детей деревенских
С матерью, с хижинкой вместе, с игривым щенком

предоставить

По завещанию другу-скопцу, что кимвалом бряцает?» —
«Вот негодяй! — говорит он. — Что требуешь ты?»

— Но срок-то:

«Требуй, — кричит, — платежа». Это раб мой взывает,
единый —

Как Полифемово око, что дало удрать Одиссею:

Надо второго купить, одного недостаточно; оба

Кушать хотят. А зимою в морозы что буду я делать?

Что же рабам я скажу в декабре, не одев, не обув их:

«Холод, мол, перетерпите —

дождетесь и летней цикады?»

70

«Ты притворяешься, будто не понял,

услуг ты не помнишь...

Ну, так во сколько же ценишь меня ты?

Усерден и предан

Я как клиент: без меня бы жена твоя девой осталась.

Вспомни, какими путями, как часто просил ты об этом.

Что мне тогда обещал? Сколько раз удержал я в объятьях

Ту, что хотела сбежать? Ведь, бросивши брачную запись,

Новой искала она, и за целую ночь я насилу

Дело уладил (скулил ты за дверью). Свидетель мне —

ложе;

Сам ты подслушивал голос жены да скрипенье кровати.

Много домов, где непрочный союз, развязаться готовый,

80 И расторгаемый брак прочнее скрепляет любовник.
Как отвертишься теперь? Как увяжешь
начала с концами?
Нету моих здесь заслуг, вероломный ты, неблагодарный?
Нету, когда от меня родился твой сыночек иль дочка?
Ты признаешь их, ликуешь, и славит гражданская запись
Силу мужскую твою. Украшай свои двери венками,
Будто отец: я оружие дал тебе толки рассеять;
Право отцовства — твое; как наследник

войдешь в завещанья.

Выморочных наследств чрез меня ты
наследником станешь.

90 Если, число увеличив, дойду я до трех, то немало
К выморочным преимуществ других ты получишь
в придачу».

— Невол, ты прав, возмущаясь. Но что он тебе
возражает? —

«Просто плюет на меня — и другого осла себе ищет...

Я доверяюсь тебе одному: сохрани эту тайну,
Будь молчалив и, смотри ты, жалоб наших не выдай;
Ибо смертельна вражда человека, что пемзой отглажен.
Чуть только тайну доверил он мне —

уж пылает враждою,

100 Как бы не предал я все, что узнал. Он, не думая долго,
Пустит оружие в ход, раскроит мне череп дубиной,
Дом подпалит; и нельзя забывать, и нельзя не считаться
С тем, что при средствах его и яд ведь не так уже дорог...
Значит, секрет береги, как в курии Марса в Афинах».

— О Коридон, Коридон! разве есть
у богатого тайны?

Пусть даже слуги молчат, — говорят его кони, собаки,
Двери и мраморы стен. Хотя бы и окна замкнул ты,
Щели завесой прикрыл, запер входы и свет потушил бы,
Выгнал бы из дому всех, чтоб никто и вблизи
  не ложился, —

не ложился, —

Все-таки то, что к вторым петухам будет делать хозяин,
До наступления дня уж узнает соседний харчевник:
Он будет знать, что решил весовщик,
повара и разрезчик,

110 Сколько они сочинят обвинений на этих хозяев,
Как они им отомстят, поднимая ужасные крики,
И непрерывно по всем перекресткам преследовать будут,
Голосом пьяным тебе терзая несчастные уши.
Ну-ка, поди, попроси у рабов, чтоб они не болтали,
Как ты меня попросил. Разгласить им приятнее тайну,
Чем, своровав, упиваться фалернским вином до отказа,
Как в виде жертвы за римский народ испивала Савфея.
Нужно уметь жить честно и прямо —

по многим причинам,

120 Но особенно затем, чтоб рабов болтовню презирать нам.
Остерегись, чтобы вес не придать

прислужников сплетням,

Ибо язык — это злого раба наихудшее свойство.

Впрочем, не лучше и тот, кто хранить не умеет свободу

Против зависимых душ, что на хлебе его и на деньгах. —

«В этом ты дал мне полезный совет,

но слишком уж общий.

Что ты теперь посоветуешь мне, потерявшему время,

После крушенья надежд? Ведь готова отцвесть

моя юность —

Эта кратчайшая доля пустой, ограниченной жизни.

Нынче мы пьем, мы требуем дев, венков, благовоний,

А между тем, не замечена нами, крадется и старость».

130 — Не беспокойся: пока эти холмы

стоят невредимо,

Будет всегда у тебя и развратный дружок; отовсюду

Станут сюда приезжать на судах и в тележках такие

Гости, что чешут по-бабьи башку. У тебя остается

Больше, чем прежде, надежд: лишь грызи хорошенько

эруку. —

«Эти примеры храни для счастливцев. Мои же

Лахеса

С Клотой довольны, когда я обед заработаю членом.

О наши скромные лары! Как часто я вас почитаю

Ладана скромным дымком, или зернами,

или веночком, —

140 Скоро ли я изловлю что-нибудь, от чего моя старость

Убережется от нужд и побоев? Доходу бы двадцать

Тысяч под верный залог да посуды серебряной гладкой

Столько, чтоб цензор Фабриций запрет наложил бы,
из мезов

Пару здоровых рабов, чтоб носили меня на носилках,
В цирке крикливом всегда доставали спокойное место;
Был бы еще у меня резчик, за работой согбенный,
Также художник, что быстро любые бы делал фигуры.
Этого бедному хватит. Как жалки желания наши,
Да и на них нет надежды: когда умоляю Фортуну,
Уши она затыкает себе Одиссеевым воском,
От сицилийских Сирен уберегшим гребцов оглушенных».

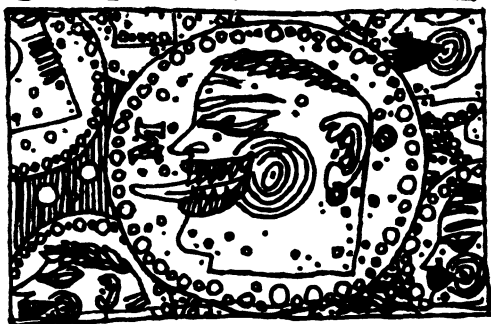
SATURÆ

КНИГА
ЧЕТВЕРТАЯ

САТИРА ДЕСЯТАЯ

Всюду, во всякой стране, начиная от города Гадов
Вплоть до Востока, до Ганга, — немногие только

способны
Верные блага познать, отличив их от ложных и сбросив
Всех заблуждений туман. В самом деле, чего мы боимся
Или разумно хотим? К чему приступать так удачно,
Чтобы потом не пенять, когда совершится желанье?

Боги нередко весь род губили, внимая молениям
Этого рода. Ища гражданской и воинской славы,
Ищем себе мы вреда. Смертоносны для многих

болтливость

10

Иль красноречье. Кротонец Милон, полагаясь на силу
Рук, изумленья достойных, погиб. Еще более часто
Душат богатства людей, когда с чрезмерной заботой
Их накопили, и ценз, что имущество все превосходит,
Как из Британии кит простых превосходит дельфинов.
Так вот в жестокое время Нерона его приказаньем
Целая рота солдат заперла Лонгина, замкнула
Сенеки пышного парк, заняла Латераново зданье
Чудное; ну, а в каморки солдаты обычно не входят.

20

Если ты ночью, отправившись в путь, захватишь немного
Утвари из серебра, ты меча и копыя побоишься

И задрожешь, коли тень тростника при луне
шевелинется.
Идя ж без кладь, поет и разбойников встретивший
путник.

Где есть первее желанье, чем то, что известно
всем храмам,
То есть желанье богатств, — чтобы средства росли,
чтоб полнее
Был бы на рынке сундук. Но яд не подносится в кружке
Глиняной: страшен нам яд, когда чашку с геммами
примешь

Или сетинским вином золотой заискрится кубок.
Значит, похвально и то, что один-то мудрец все смеялся,
30 Как поднимал от порога, вперед вынося, свою ногу,
Ну, а другой был совсем не таков: он больше все плакал,
Но ведь любому легко все хулить со строгой посмешкой;
Даже чудно, как слез доставало глазам Гераклита.
В их городах не водилось претекст, трабей, трибунала,
Ликторских связок, лектик, — и все же,
веселый учитель,

Знай, сотрясал Демокрит свои легкие
смехом привычным.

Что, если б он увидал, как претор торчит в колеснице
Выше толпы или важно стоит среди пыльного цирка
В тунике бога и в тоге расшитой сарранской, широкой
40 Слишком, в огромном венке такого обхвата, что, право,
Этакому венку никакого затылка не хватит!

Держит, потея, его государственный раб и, чтоб консул
Не зазнавался, стоит вместе с ним на одной колеснице;
Птицу орла не забудь на жезле из кости слоновой,
Там — трубачей, а здесь — вереницей идущую свиту
И под уздцы проводящих коней белоснежных квиритов:
Их превратила в друзей подачка пустому карману.
Но и в его времена Демокрит находил для насмешек
Темы, встречая различных людей; говорит его мудрость,
50 Что величайшие люди, пример подающие многим,
Могут в бараньей стране и под небом туманным
рождаться.

Он осмел и заботы у черни, и радости тоже,
А иногда и слезу; сам же он угрожавшей Фортуне

В петлю советовал лезть и рукою показывал кукиш.

Так-то к излишнему все и к гибели даже

стремятся,

Набожно воском колени у статуй богов заклепая.

Власть низвергает иных, возбуждая жестокую зависть

В людях; и почестей список, пространный и славный,

их топят.

Падают статуи вслед за канатом, который их тащит,

Даже колеса с иной колесницы срубают секира,

И неповинным коням нередко ломаются ноги;

Вот затрещали огни, и уже под мехами и горном

Голову плавят любимца народа: Сеян многомогущий

Загрохотал; из лица, что вторым во всем мире считалось,

Делают кружки теперь, и тазы, и кастрюли, и блюда.

Дом свой лавром укрась, побеливши быка покрупнее,

На Капитолий веди как жертву: там тащат Сеяна

Крючьями труп напоказ. Все довольны.

«Вот губы, вот рожа!

Ну и Сеян! Никогда, если сколько-нибудь мне поверишь,

Я не любил его. Но от какого он пал преступления?

Кто же донес? И какие следы? И кто был свидетель?» —

«Вовсе не то: большое письмо пришло из Капреи,

Важное». — «Так, понимаю, все ясно.

Но что же творится

С этой толпой?» — «За счастьем бежит, как всегда,

ненавидя

Падших. И той же толпой, когда бы Судьба улыбнулась

Этому туску, когда б Тиберия легкую старость

Кто придавил, — ею тотчас Сеян был бы

Августом назван.

Этот народ уж давно, с той поры, как свои голоса мы

Не продаем, все заботы забыл, и Рим, что когда-то

Все раздавал: легионы, и власть, и ликторов связи,

Сдержан теперь и о двух лишь вещах

беспокойно мечтает:

Хлеба и зрелищ!» — «Грозит, наверное,

многим уж гибель». —

«Да, без сомненья: ведь печь велика.

Где жертвенник Марса,

Встретился мне мой Бруттидий, совсем побледневший,

бедняга.

Как я боюсь, что Аякс побежденный примерно накажет
Нас за плохую защиту! Бежим поскорее, покуда
Труп на побережье лежит, и недруга Цезаря — пяткой!
Пусть только смотрят рабы, чтобы кто

отказаться не вздумал,

Не потащил, ухватив за шею, к суду господина».
Вот как болтали тогда о Сеяне и тайно шептались.

90

Хочешь ли ты, как Сеян, быть приветствуем,

так же быть в силе,

Этих на кресла сажать курульные ради почета,
Тем войсковую команду давать, императорским зваться
Опекуном, пока сам пребывает на тесной Капрее
С кучкой халдеев? Ты хочешь, конечно, конвоя и копий,
Всадников лучших и войск в столице, —

не правда ли, хочешь?

Хочется власти и тем, кто совсем убивать не хотел бы.

Что ж настолько блестяще и счастливо в жизни,

что мера

Радостных этих вещей равнялась бы мере несчастий?

Что предпочтешь ты — одеться в претексту

хотя бы Сеяна

100

Или начальством в Фиденах и Габиях быть деревенским,
Жалким эдилом служить в захолустье улубрском

и кружки

Неполномерные бить, учиня над ними расправу?

Стало быть, ты признаешь, —

неизвестным осталось Сеяну

То, чего надо желать; добиваясь почета не в меру,

К власти чрезмерной стремясь, готовил себе он ступени

Многие башни высокой, откуда падение глубже

В пропасть бездонную, как от толчка

развалилась постройка.

Что погубило Помпея и Красса и что — триумвира,

Им укрощенных квиритов однажды приведшего к плети?

110

Высшее место, конечно добытое хитрым искусством,

Слишком большие желанья: им вняли коварные боги.

Редко царей без убийства и ран низвергают к Плутону,

Смерть без насилия к нему отправляет

немногих тиранов.

Слава и сильная речь Демосфена иль Цицерона
Станет все больше желанной в течение

целых квинкватрий

Тем, кто лишь ассом одним почитает скромно Минерву,
Тем, кого дядька ведет, их маленькой сумки хранитель.

Но ведь оратора оба погибли виной красноречья:

Предал их смерти талант, изобильным стремившийся

током.

- 120 У Цицерона рука отрезана, он обезглавлен,
Но не купалась в крови ничтожных юристов трибуна.
«О счастливый Рим! Ты творим

моей консульской властью».

Если бы *так* Цицерон говорил, то Антоний не страшен
Был бы ему. И не лучше ль поэмы, достойные смеха,
Нежели слава и блеск вдохновенных речей Демосфена
Против Филиппа, хотя бы второй? Конец был жестоким
И для него, что бурлил как поток, восхищавший Афины
В дни, когда полный театр он держал в узде своей речью.
Он ведь родился под гневом богов

и под роком недобрым.

- 130 Полуослепший отец среди сажи руды раскаленной
К ритору сына учиться послал — от клещей и от угля,
От наковальни дляковки мечей и от копоты черной.

Знаки военных побед — приколоченный к дереву

панцирь

Или нащечник, висящий с разбитого шлема, и с дышла
Сорванное ярмо, и значок побежденной триремы,
А на вершине всей арки — фигура,

сумрачный пленник, —

Сверхчеловеческим счастьем считаются. К этим трофеям
Римский и греческий вождь, вождь варваров —

равно стремятся:

- 140 Это — причина для них подвергаться опасностям, мукам;
Жажда ведь славы у них сильнее, чем военная доблесть.
Кто, в самом деле, стремится лишь к доблести,

если награды

Нет? Ведь отечество все столько раз обрекала на гибель
Слава немногих и страсть похвалы,

чтоб почетная надпись

Врезана в камень была, как хранителя пепла, который

Могут разрушить и корни дрянные смоковницы дикой,
Так как гробницам самим ведь тоже даны свои судьбы.

Взвесь Ганнибала: в вожде величайшем

найдешь ли ты много

Фунтов? И это ли тот, кого Африка еле вмещала,

От берегов океана Маврийского к теплему Нилу

150

Льнущая, к странам слонов, к племенам

эфиопов далеких.

Взята Испания им, хребет Пиренеев им пройден;

Против него выдвигает природа покрытые снегом

Альпы — он скалы дробит и укусом горы взрывает;

Вот уж Италию взял, но все дальше

стремится проникнуть.

«Если, — сказал он, — солдат карфагенский

не сломит ворота,

Не водружу я знамен посредине Субуры, — мне мало».

О, что за образ, достойный картины, когда гетулийский

Слон был оседлан вождем, на один уже глаз

окривевшим!

Ну, а какой же конец? О, слава! его победили.

160

Ясно, в изгнание стремглав он бежит, и там,

как великий,

Всех изумлявший клиент, он сидит

возле царской палатки,

Ждет, пока будет угодно проснуться тирану-вифинцу.

Жизни его, потрясавшей когда-то дела все людские,

Что положило конец? Не мечи, не каменя, не копыя,

Но незаметный отмститель за Канны,

за кровь пролитую —

Перстень. Безумец, ступай, беги чрез суровые Альпы,

Чтобы ребят восхищать и стать декламации темой!

Юноше родом из Пеллы не хватит и круга земного:

Он от несчастья бурлит в этих тесных пределах

вселенной,

170

Будто в гярсских скалах заключен иль на малом Серифе.

Только когда он войдет в кирпичные стены столицы,

Хватит и гроба ему. Насколько ничтожно людское

Тело — одна только смерть доказует. А многие верят,

Будто когда-то Афон перегибали, и верят всем басням

Греции лживой — что был Геллеспонт

весь устлан судами,

Образовавшими мост колесницам. Мы верим, что реки
 Вместе с потоками высохли все: их выпил мидиец
 Враз за едой, как болтает Сострат с крылом отсыревшим.
 Ну, а каким возвращается Ксеркс, Саламин покидая, —
 180 Варвар, во гневе плетьюми бичевавший и Кора и Эвра,
 Даже в Эола тюрьме того никогда не терпевших,
 Он, в кандалы заковавший и бога Энносигея?
 Этого мало: ведь он дошел до того, что решился
 Море клеймить; из богов кто ему послужить захотел бы?
 Но возвращался каким он? Один лишь корабль на
 кровавых
 Волнах тащился едва с своим трюмом,
 тяжелым от трупов.
 Вот наказаний каких столь желанная требует слава!
 «Дай мне побольше пожить, дай мне долгие годы,
 Юпитер!»
 — Этого просит здоровый, и только этого — хворый.
 190 Но непрестанны и тяжки невзгоды при старости долгой.
 Прежде всего безобразно и гадко лицо, не похоже
 Даже само на себя; вместо кожи — какая-то шкура:
 Щеки висят, посмотри, и лицо покрывают морщины
 Те же, какие себе в тенистых долинах Табраки
 Чешет на дряблых щеках престарелая мать-обезьяна.
 Много у юношей есть различий: красивее этот,
 Нежели тот, и иной гораздо сильнее другого.
 Все старики — как один: все тело дрожит, как и голос,
 Лысая вся голова, по-младенчески каплет из носа,
 200 И безоружной десной он, несчастный, жует свою пищу:
 В тягость старик и себе самому, и жене, и потомству,
 Даже и Коссу-ловцу он и то отвращенье внушает.
 Нёбо его притупилось, — не та уже радость от пищи
 Иль от вина; и давно позабыты им женские ласки:
 Если попробовать, член его с грыжей лежит бесполезно,
 И хоть бы целую ночь тормозить его, — так и не
 встанет.
 Есть ли надежда какая ему при болезненных, дряблых
 Чреслах? Конечно, всегда подозрительной
 кажется похоть,
 Что не имеет уж сил, а любви домогается. Дальше

210 Рода другого ущерб посмотри: удовольствия нету
 В пении лучших хотя б музыкантов, хотя бы Селевка,
 Или же тех, что всегда щеголяют плащом золоченым.
 Не безразлично ли, где сидеть на ступенях театра,
 Если не слышит старик ни горнистов,
 ни музыки трубной?
 Чтоб старику услышать что-нибудь, слуге его нужно
 В ухо кричать, кто пришел или сколько часов пополудни.
 Скучная кровь у него разгорается в теле остывшем
 От лихорадки одной, и грозят ему сомкнутым строем
 220 Всякого рода болезни: попробовать их перечислить
 Было б труднее, чем всех,
 кто в любовниках Оппии были,
 Иль Темизона больных, за одну только осень умерших,
 Иль малолетних, что Гирр обобрал, или жертвы Басила,
 Или мужчин, изнуренных за день долговязою Маврой,
 Иль, наконец, совращенных Гамиллом его же питомцев.
 Я бы скорей сосчитал все усадьбы во власти того, кто
 Звонко мне, юноше, брил мою бороду, ставшую жесткой.
 Этот болеет плечом, тот — ляжкой, коленями — этот;
 Тот потерял оба глаза и зависть питает к кривому;
 230 Этого бледные губы из пальцев чужих принимают
 Пищу, и он, раскрывавший свой рот при виде обеда,
 Только зевает, как птенчик касатик,
 к которому с полным
 Ртом подлетает голодная мать. Но хуже ущерба
 В членах любых — слабоумье, когда
 ни имен не припомнишь
 Слуг, не узнаешь ни друга в лицо, с которым вчера лишь
 Вечером ужинал вместе, ни собственных чад и питомцев.
 Став слабоумным, старик в завещанье жестоком лишает
 Всех их наследства; права на имущества передаются
 Только Фиале — награда искусства приученных к ласке
 240 Губ, что года продавались в камерке публичного дома.
 Пусть не потерял смысл, — все равно схоронить
 вам придется
 Ваших детей и увидеть костер для любимой супруги,
 Урны придется увидеть и с братним и
 с сестринным прахом.
 Вот наказание долго живущим: влачить свою старость

При беспрестанных семейных потерях,
  во многих печалях,
Средь постоянного горя и в траурных черных одеждах.
Пилоса царь, если только великому верить Гомеру,
Дал нам, как вещая птица, пример долголетия жизни.
Счастлив, конечно, кто смерть отложил

до других поколений,
Годы считая свои уж на правой руке, не на левой!
Сколько он раз испытывал ежегодно вино молодое!
Но лишь подумай о том, как Нестор на судеб законы
Ропщет, как долгую жизнь он клянет, когда бороду сына,
Яростного Антилоха, он видит горящей, и друга
Каждого просит сказать, почему его тянутся годы,
Что за проступок свершил он, достойный

столь долгого века.
Так же рыдает Пелей, сокрушаясь о смерти Ахилла,
Или же тот, чья судьба была плач об отплывшем с Итаки.

Без разрушения Трои Приам бы к теньям Ассарака
Мог отойти при большом торжестве; его тело бы поднял
Гектор на плечи свои с сыновьями другими при плаче
Жен илионских, тогда начала бы заплачку Кассандра
И Поликсена за ней, раздирая одежды, рыдала,
Если скончался бы он во время другое, как строить
Не принимался еще Парис кораблей дерзновенных.
Что принесла ему долгая жизнь? Довелось ему видеть
Азии гибель, железом и пламенем ниспроверженной.
Дряхлый тиару сложил, за оружие взялся, как воин,
Пал пред Юпитера он алтарем, как бык престарелый,
Что подставляет хозяйским ножам свою жалкую шею,
Тощую, ставши ненужным для неблагодарного плуга.
Всякому смерть суждена, но по смерти Приама супруга
Дико залаяла, точно собака, его переживши.

Перехожу к землякам. Пропускаю владыку я Понта,
Также и Креза, кого справедливое слово Солона
Ясно заставило видеть конец своего долголетия.
Мария возраст чрезмерный явился причиной изгнания,
Цепи, Минтурнских болот, из милости данного хлеба,
Что побежденный ему Карфаген уделял. Совершенней
Не было б дара природы земле и счастливому Риму,
Если бы он испустил свою душу, насыщенный славой.

Пленных толпой окружен, средь пышности

воинской помпы,

Как триумфатор желая сойти с колесницы тевтонской.

Будто предвидя судьбу, лихорадку послала Кампанья

К благу Помпея; сильней оказалась народная воля,

Глас городов, — но Фортуна Помпея, Фортуна столицы

Голову, что берегла, сняла с побежденного. Муки

Лентул такой избежал, Цетега предали казни

Без поруганья, и труп Катилины целым остался.

Видя Венеры алтарь, озабоченно матери молят

290

О красоте своих чад: о сынах они шепчут, о дочках

Громче гласят, доходя до смешного в обетах: «К чему же

Нас упрекать, если рада Латона красивой Диане?»

Ну, а Лукреция ставит запрет на желанье — не хуже,

Чем у нее, наружность иметь; и Виргиния хочет

Взять хоть бы Рутилы горб, поменявшись с ней

красотою.

Сына красивого жалки родители: вечно трепещут,

Зная, как редко живут красота со стыдливостью вместе,

Пусть же семейство ему передаст благолепные нравы

Строгого рода, заветы хранящего древних сабинов;

300

Пусть благосклонной рукой природа дарит его щедро,

Пусть целомудренно лик его рдеет

скромным румянцем, —

Разве что большее дать способна ребенку природа,

Всякого стража сильней и заботливей всякой заботы?

Мужем остаться нельзя: совратитель,

в разврате бесстыжий,

Смеет в соблазны вводить и самих родителей даже;

Тверд их расчет на подарки. Тиран в своем замке

жестоком

Не оскотлял никогда безобразного юноши, даже

Сам император Нерон не крал кривоногого парня,

Или зобатого, или с горбом и с брюхом раздутым.

310

Вот упивайся теперь красотой сыновней, — опасность

Больше еще ожидает его: он станет известным

Прелюбодеем, он будет бояться расправы женатых,

В ревности злых, и судьба его будет несчастнее Марса,

В сети попавшего. Эта расправа иной раз бывает

Боле жестокой, чем то допускают любые законы:

Тот убивает мечом, а этот плетьюми засекает
В кровь: любodeям иным и ерша через зад загоняют.
Эндимион твой, конечно, сначала любовником будет
Мужней жены, а потом, лишь Сервилия даст ему денег,
320 Живо сойдется с такой, кого вовсе не любит, и снимет
Он все уборы ее: разве женщина знает отказы,
Тая от похоти? Будь то Оппия, будь то Катутла, —
Все эти бабы повадки зависят от похоти женской.

«Чистому чем же вредит красота?» —

Ну, а пользу принес ли

Строгий зарок на любовь Ипполиту и Беллерофонту?
Вспыхнула Федра, когда с презрением ей отказали.
И Сфенебея не меньше ее запылала, — и обе
В дикую ярость пришли. Ибо больше всего свирепеет
Женщина, ежели стыд возбудит в ней ненависть. Что же
330 Ты посоветовать мог тому, кого хочет супруга
Цезаря взять в мужа? Он всех лучше, всех он красивей,
Родом патриций, — и вот влечется несчастный на гибель
Ради очей Мессалины: она уж сидит в покрывале,
Будто невеста: в саду у всех на глазах постилают
Ложе тирийским бельем, по обряду в приданое будет
Выдан миллион, и придут и жрец, и свидетели брака...
Думаешь, это секрет и доверено это немногим?
Хочет она по закону венчаться. Ну, что же тут делать?

В повиновенье откажешь — придется погибнуть до ночи;
340 На преступленье пойдешь — ты получишь отсрочку,
покуда

Дело известное всем до ушей не достигнет владыки;
Он о позоре своем домашнем узнает последним.

Ну, а тем временем ты подчиняйся, раз столько стоят
Несколько дней. Что бы ты ни считал

легчайшим и лучшим, —

Нужно подставить под меч свою белую нежную шею.

«Значит, нельзя и желаний иметь?» —

Если хочешь совета,

Лучше самим божествам предоставь на решение выбор,
Что подходяще для нас и полезно для нашего дела;
Ибо взамен удовольствий дадут нам полезное боги.
350 Мы ведь дороже богам, чем сами себе; увлекаясь
Неким порывом души или страстью слепой и могучей,

К браку стремимся, к потомству от жен;
богам же известно,
Что это будут за жены и что это будут за дети.
Если ты просишь чего и святилищам жертвы
приносишь —
Там потроха, колбасу, что из белой свиньи
приготовил, —
Надо молить, чтобы ум был здоровым в теле здоровом.
Бодрого духа проси, что не знает страха пред смертью,
Что почитает за дар природы предел своей жизни,
360 Что в состоянье терпеть затрудненья какие угодно, —
Духа, не склонного к гневу, к различным страстям,
с предпочтеньем
Тяжких работ Геркулеса, жестоких трудов — упоенью
Чувством любви, и едой, и подушками Сардапала.
Я указую, что сам себе можешь ты дать; но, конечно,
Лишь добродетель дает нам дорогу
к спокойствию жизни.
Нету богов у тебя, коль есть разум; мы сами, Фортуна,
Чтим тебя божеством, помещая в обители неба.

САТИРА ОДИННАДЦАТАЯ

Если роскошный у Аттика стол, то слывет он
великим;

Коль у Рутила — дурак. А какой у толпы возбуждает
Хохот бедняга Апиций! За всяким обедом, и в бане,
На перекрестках, в театрах — повсюду молва о Рутиле.
Он ведь, пока, — говорят, — его юные крепкие члены
Могут оружие носить, пока кровь горяча и кипуча,
Без принужденья извне, но, конечно, с согласия трибуна,
Хочет писать договор и предаться тиранству ланисты.
Дальше, не мало таких, кого часто у самого входа
К рынку мясному ждет кредитор, обманутый ими:
В жизни одна у них цель — набивать себе

глотку и брюхо;

Лучше, отменнее всех их ест наиболее жалкий,
Тот, кому пасть суждено, кто, того и гляди, разорится.
Ну, а пока они ищут закусок во всяких стихиях:
Прихотям их никогда не послужат препятствием цены;
Правду сказать, им приятнее то, что стоит дороже.
Вовсе не так уже трудно найти себе средства

к растрате, —

Блюда отдавши в залог иль поломанный бюст
материнский,

Этак монет на четыреста сдобрить

горшок свой обжорный:
20 Этим путем и доходят они до крошки ланисты.
Разница есть среди тех, кто ест одинаково: роскошь
То для Рутила, что даст Вентидию славное имя
И возвеличит его состоянье. Презренья достоин
Тот, кто умеет сказать, насколько возвышенной Атлас
Ливии гор остальных, и при этом все же не видит,
Чем его тощий кошель не похож на сундук, что окован.
Древний завет «Познайте себя» нам дан небесами:
Вот, заруби на носу, сохрани и в уме и на сердце, —
В брак ли вступаешь иль ищешь в сенате священном
местечка;

30 Не добивается жалкий Терсит Ахиллеса доспехов, —
Сам Одиссей из-за них осрамился и стал смехотворным;
Хочешь ли ты защищать сомнительной ясности дело
Или опасное, — сам рассуди и скажи себе, кто ты:
Сильный оратор, иль ты, как Матон да Курций, —
кликуша.

Меру свою надо знать, наблюдательным быть

и в великом
Деле, и в малом, и даже когда покунаешь ты рыбу:
Ежели есть на гольца у тебя, — не тянись за барвенной;
Что за конец тебя ждет, когда истощатся карманы,
А аппетит вырастает, когда и отцовские деньги
40 И состоянье живот поглотил, куда все доходы
Канули, и серебро, и стада, и поля родовые?
Самым последним от этих господ уходит и перстень
Всадника: так Поллион подаяния просит без перстня.
Надо бояться не ранней могилы, не горькой кончины,
Нет: страшнее, чем смерть, для роскоши —
нищая старость.

Путь большей частью таков: заемные деньги истратят
В Риме при займодавцах; затем, когда остается
Самая малость и бедным становится займодавец,
Вместо изгнания в Байи бегут и к устрицам ближе, —
50 Ибо от денежной биржи уйти теперь уже лучше,
Чем перебраться на холм Эсквилина из шумной Субуры.
У покидающих родину только и горя бывает,
Что, к сожалению, в цирк не пойдут в течение года;

Не покраснеют нисколько они, немногие только
Стыд сохранят осмеянья и бегства их из столицы.

Нынче ты, Персик, узнаешь,

действительно ль я исполняю

В жизни, в обычаях, в деле все то,

что считают прекрасным,

Или, как тайный кутила, при всех стручки восхваляю,

60

Повару их заказав, но шепчу на ушко я: «Пирожных!»

Раз уже ты обещался прийти ко мне в гости, я буду

Гостеприимным Эвандром, придешь ли ко мне

Геркулесом

Или Энеем, но так или иначе родственным небу:

К звездам восхищен один был огнем, другой же —

водами.

Блюда у нас каковы, не с рынка мясного, послушай:

Из Тибуртинской страны будет прислан

жирнейший козленок,

Самый то нежный из стада всего,

молоко лишь сосавший,

Он и травы не щипал, не обглаживал веток у ивы

Низкой, и в нем молока еще больше, чем крови.

На смену —

Горная спаржа: ее собрала старостиха от прялки.

70

Крупные, кроме того, еще теплые (в сене лежали)

Яйца получим и кур; затем виноград, сохраненный

С прошлого года таким, как он на лозах наливался;

Сигнии груши, Тарента (сирийские); в тех же корзинах

Яблоки с запахом свежим, нисколько не хуже пиценских.

И для тебя не вредны: после холода стала сухая

Осень, и в них уже нет опасности сока сырого.

Некогда это считалось роскошным обедом у наших

Первых сенаторов: Курий срывал в небольшом огороде

И на очаг небольшой он ставил капусту, что нынче

80

Грязный презрел землекоп в своих тяжелых колодках,

Знающий вкус подчеревка свиного по теплой харчевне.

К праздничным дням сохранять в обычае некогда было

Ножку копченой свиньи, подвешенную на стропилах

Редких, и салом родных угощать с прибавкой парного

Мяса в рождения дни, коль оно оставалось от жертвы.

Раньше, бывало, кой-кто из родни,

уже трижды бывавший

В звании консула, войск начальника и исполнявший
Должность почетную в бытность диктатором,

шел спозаранку

90 К пиру такому с киркой на плече после горной работы.
После ж, когда трепетали пред Фабиями, пред Катонем
Строгим, Фабрицием, Скавром и даже когда напоследок
Цензора нравов суровых боялся его же коллега, —
Право, никто не считал за серьезное дело, заботу —
Мысли о том, какова в Океане плывет черепаха,
Ставшая ярким и славным подножием римскому ложу;
Медное в те времена изголовье скромной кровати
Лишь головою осла в веночке украшено было,
Возле которой, резвясь, играли питомцы деревни.
100 Пища была такова ж, каковы и жилища и утварь;
И неотесанный воин, не знавший еще восхищенья
Перед искусствами греков, когда при дележке добычи
Взятого города в ней находил совершенной работы
Кубки, — ломал их, чтоб бляхами конь у него

красовался,

Шлем же носил вырезные рельефы: волчицу, веленьем
Власти смиренную, двух Квиринов под сенью утеса,
С голой фигурой Марса: копьем и щитом угрожая,
Он нависает, врага поразить и низвергнуть готовый.
Кашу тогда подавали в горшке этрусской работы,
Ну, а что есть серебра, — на одном лишь оружье

блестело.

110 Все было в те времена, о чем позавидовать можно:
Храмов величье тогда заметнее было, и голос
Мог быть услышан в ночи по столице, когда наступали
Галлы на нас с берегов Океана, а боги служили
Сами пророками. Так наставлял нас в древние годы
И неизменно был полон заботы о благе латинском
Древний Юпитер из глины, еще не запятнанный златом.
Делались дома столы из собственных местных деревьев
В те времена, и на то шел старый орешник, который
120 Сломит порывистый Эвр и на землю повалит случайно.
Только теперь богачам удовольствия нет от обеда:
Им ни лань не вкусна, ни камбала; мази и розы
Будто воняют для них, если стол их широкий не держит

Крепко слоновая кость с разинувшим пасть леопардом,
 Сделанным из клыков, что шлют нам ворота Сиены,
 Или же быстрые мавры, иль инды, что мавров смуглее;
 Эти клыки в набатейских лесах оставили звери;
 Слишком они тяжелы для голов. Аппетит возрастает,
 Сила желудка растет, ибо стол на серебряных ножках
 130 Беден для них, как кольцо из железа. А я опасаясь
 Гордых гостей за столом, что сравнить меня могут
 с собою,
 Худость мою презирая: ведь нету ни крошки слоновой
 Кости у нас — ни игральных костей, ни фишек хотя бы;
 Даже ножей черенки — и те не из бивней слоновых.
 Впрочем, от этого нет никогда протухших припасов,
 И неплохие у нас за столом разрезаются куры.
 Правда, не будет таких мастеров разрезанья, которых
 Хуже бы лавка была обученных Трифером ученым,
 Где под его руководством и вымя свиное, и зайца,
 140 И кабана, и козу, и скифских птиц, и фламинго,
 И гетулийскую лань разрезают тупыми ножами,
 Так что по всей по Субуре гремит их обед деревянный.
 Резальщик наш — новичок: не умеет стащить
 ни куска он
 Козочки, ни крыла у фламинго; доселе неловкий,
 Он лишь умеет украсть незаметный вовсе кусочек.
 Кубки без всяких затей, что купили на медные деньги,
 Нам не разряженный раб подает, а тепло лишь одетый.
 Фригия? Ликия? Нет. Не искали его у торговца,
 Денег не стоил больших. Обращайся к нему по-латыни.
 Все в одинакой одежде рабы, коротковолосы, —
 150 Только сегодня они причесались, гостям услужая;
 Тот вон — сурового сын пастуха, а скотника — этот:
 Матери долгое время не видел, он тихо вздыхает,
 В хижину тянет его, он грустит по знакомым козлятам;
 Честный взгляд у раба и открытый характер: такими
 Быть бы не худо и тем, что одеты в огненный пурпур;
 В баню идет этот раб, не осипший и не развращенный
 С малых годов, и еще не щиплет под мышками волос,
 Не прикрывает свой член
 приставленной с мазями банкой.
 Он вина тебе даст, разлитого на склонах гористых

- 160 Местности той, откуда он сам, у подножья которых
В детстве играл он: отчизна одна — у вина и у служки.
Может быть, ждешь ты теперь, что здесь начнут
извиваться
На гадитанский манер в хороводе певучем девчонки,
Под одобренье хлопков приседая трепещущим задом?
Видят замужние жены, лежащие рядом с мужьями,
То, о чем стыдно сказать иному в присутствии женщин:
Для богачей это способ будить их вялую похоть,
Точно крапивой. Но все же для женщин гораздо сильнее
Здесь наслажденье: их пол разжигается больше
мужского
- 170 И, созерцая иль слыша подобное, — мочится сразу.
Эти забавы совсем не годятся для скромного дома.
Пусть себе слушает треск кастаньет со словами, которых
Голая девка не скажет, в вертепе зловонном укрывшись;
Пусть забавляется звуком похабным
и разным искусством
Похоти — тот, кто плюется вином на лаконские плиты
Пола: ведь здесь мы легко извиняем богатство;
лишь бедным
Стыдно и в кости играть, и похабничать стыдно, когда же
Этим займется богач, — прослышет и веселым и ловким.
- 180 Наша пирушка сегодня нам даст другие забавы:
Пенье услышим творца «Илиады» и звучные песни
Первенства пальму делящего с ним родного Марона;
Голос какой эти скажет стихи — не так уже важно.
Нынче же дай себе отдых желанный, оставив заботы,
Все отложивши дела, если можно, на целые сутки.
Мы о процентах ни слова, и пусть не вызовет желчи
Тайна твоя, что жена, выходя на рассвете обычно,
Ночью вернется во влажном белье от любовного пота
(Все в подозрительных складках оно),
со сбитой прической,
- 190 С ярко горящим лицом и с румяными даже ушами.
Ежели что беспокоит тебя, оставь у порога.
Мысли о доме забудь, о рабах, что все тебе портят,
Но особенно забудь о друзьях своих неблагодарных.
Празднество в эти часы в честь Кибелы
пышно справляют,

Зрелища ждут — мановенья платка, и, как на триумфе,
Претор сидит (на коней разорился он); если позволят
Мне говорить в огромной толпе, в толпе чрезмерной,
Я бы сказал, что цирк вместил всю столицу сегодня;
Крик оглушителен: я узнаю о победе «зеленых».
Если бы не было игр, ты увидел бы Рим наш печальным
И потрясенным, как в дни поражения консулов в Каннах.
В цирк пусть идет молодежь: об заклад им прилично
побиться;
Им-то идет — покричать, посидеть с нарядной соседкой,
Наша же старая кожа пусть пьет весеннее солнце,
Тогу откинувши прочь. Теперь тебе можно и в баню
Смело пойти, хоть еще до полудня час остается.
Так ты не мог бы и пять дней подряд провести,
потому что
Образ жизни такой ведь довольно-таки надоедлив:
Нам удовольствие в том, что с нами бывает не часто.

САТИРА ДВЕНАДЦАТАЯ

Право, Корвин, этот день — рождения дня
 мне приятней.
 Праздничный дерн ожидает обещанных богу животных:
 С белым овечку руном приведем мы Юноне-царице,
 Белую также овцу мы дадим горгоносной Минерве;
 Жертва, которую ждет от нас Тарпейский Юпитер,
 Резво трясет своей длинной веревкой, готова бодаться,
 Так как ведь это — игривый теленок,
 созревший для храмов,
 Для алтаря, окропления вином; не сосет уже вымя
 Матери он, он портит дубы вырастающим рогом.
 Если бы в доме моем был достаток, равный влеченью,
 То притащили б вола пожирней пресловутой Гиспуллы,
 Грузно-ленивую тушу, вскормленную не по соседству,
 Но от умбрийских кровей — с изобильных
 пастбищ Клитумна,
 С шеей, достойной удара слуги подюжее: ведь нынче
 К нам возвратился друг, лишь недавно
 страх претерпевший;
 Трепетен он до сих пор, удивляясь, что цел он остался,
 Ибо, помимо морских невзгод, избег он ударов

20 Молнии: тучей сплошной превратилось в густые потемки
Небо, внезапно огонь поразил корабельные реи;
Каждый поверить готов, что в него и ударило пламя,
В ужасе тут же поняв, что опасней кораблекрушение,
Чем загоревшийся парус судна. Происходит все так же
Тяжко, как в случае бурь, о которых писали поэты.
Слушай, какая еще есть опасность, — и ты пожалеешь
Снова его, хотя все остальное — лишь доля того же
Жребия, правда, ужасная, впрочем, известная многим,
Как это нам говорит и множество досок обетных
В храмах, — недаром известно:

Исидой живут живописцы.

30 Участь такая постигла и нашего друга Катулла:
Так как средину судна уже всю заливало волнами,
Коиx удары и тот и другой борта расшатали,
Так что и кормчий седой своим опытом им не принес бы
Пользы, — Катулл, уступая ветрам,

стал выбрасывать вещи

За борт, бобру подражая, который себя превращает
В евнуха, чтоб избежать гибели из-за тестикул:
Так понимает зверек, что струи лишь бобровой

нам надо.

«Все, что мое, — бросай!» — говорил Катулл;

он готов был

40 Выкинуть самое ценное даже — пуф пурные ткани,
Годные стать одеяньем изнеженного Мецената;
Ткани другие — из шерсти, которой окраску природа
Трав благородных дала, помогал золотиться источник,
Чудный таинственной силой своей,

как и воздух бетийский.

Не усомнился Катулл побросать серебро и сосуды —
Дело Парфения рук, целый кубок вместимостью с урну,
Кубок, достойный хоть Фола-кентавра,

хоть Фуска супруги;

За борт пошли и лохани, и множество утвари разной,
Чаши резные, из коиx пивал и Филипп Македонский.
Есть ли на свете другой кто-нибудь,

кто бы нынче решился

Жизнь предпочесть серебру и имуществу —

только спасенье?

50 Не для того, чтобы жить, составляют себе состоянье
Многие, нет, — как слепцы, живут состояния ради.
Большую часть самых нужных вещей побросал он,
и все же
Легче не стало; тогда он доходит, теснимый нуждою,
Вплоть до того, что, схвативши топор,
подрубает и мачту, —
В этом спасенье его: при опасности крайней мы ищем
Средства защиты, корабль облегчая насколько возможно.
Вот и доверь свою жизнь ветрам, полагаясь на мачты
Да на борта: ты от смерти далек на четыре иль на семь
Пальцев, и то лишь тогда, если очень толсты эти доски.
60 Сразу, пловец, запасай вместе с хлебом в плетенке
с пузатой
Флягой — надежный топор: он тебе пригодится
при буре.
После ж того, когда море уляжется, благоприятной
Станет погода, судьба путешественника одолеет
Ветры и волны пучин, и сучат рукодельницы Парки
Лучшую пряжу рукой благосклонной и белую нитку
Тянут тебе, и подул ветерок немногим сильнее
Легкого вздоха — судно понеслось
не бессильным искусством,
Жалкое, вместо одежд лишь в раздерганных ключьях,
с единым
70 Парусом, что на носу. Утихают ветры, и с солнцем
Всходит надежда на жизнь. Уже видно
высокую местность
С острой вершиной, ценимую Юлом дороже Лавина,
Города мачехи: имя свое получило то место
От белоснежной свиньи с удивительным выменем —
радость
Трои сынам, — с тридцатью небывалыми в мире
сосцами.
Входит и он наконец в огражденную мола громадой
Гавань: Тирренский маяк; как плечи округлые, дамбы
В море далеко бегут, оставляя Италию сзади;
Так ли тебя удивит от природы нам данная гавань,
Как этот порт? С разбитой кормой устремляется кормчий
80 Внутрь, в безопасный залив в глубине этой бухты,
доступный

Даже лодчонке из Бай. Матросы с обритой макушкой
Рады там поболтать об опасности и о спасенье.

Ну-ка, идите, рабы, тишину соблюдая, приличье,
Храмы гирляндой увейте, ножи посыпайте мукою,
Сделайте мягкий алтарь украшеньем зеленого дерна.
Сам я за вами иду — совершить по обряду большую
Жертву; вернувшись домой,

где украшены только венками

90 Малые лики богов, что блестят от хрупкого воска,
Милости буду просить у Юпитера нашего, ларам
Я фимиам воскурю, разноцветных рассыплю фиалок.
Все засверкало кругом: простирает длинные ветки
Дверь, и лампы с утра участвуют в праздничных
жертвах.

Брось подозренья, Корвин. У Катулла,

в честь возвращенья

Коего столько воздвиг алтарей я, ведь трое малюток,
Трое наследников. Что ж ожидать, чтобы другу такому,
Вовсе ненужному, кто пожертвовал хоть бы больную,
Полуослепшую куру: затрата была бы чрезмерна;
Ради чужого отца никто не подаст перепелки.
Если почувствует жар Галлита бездетная или
100 Паций-богач, то таблички «за здравье»

весь портик закроют;

Даже иной лицемер готов обещать гекатомбу,
Раз уж не видно слонов и нельзя их купить по соседству:
Этот не водится зверь на латинской земле и под нашим
Небом; его привезли, получив из страны чернокожих,
Он и пасется с тех пор в рутульских лесах, на полянах
Турна-царя, как Цезарев скот; никому он из частных
Лиц никогда не послужит: ведь предки слонов Ганнибалу
Тирскому только служили, да нашим вождям,

да Молоссу;

110 Предки рутульских слонов носили когорты на спинах,
Целую войска часть или башни, идущие в битву.
Значит, не в Новии здесь, не в Пакувии-Гистре помеха,
Что к алтарям не влекут слоновую кость в приношение
Ларам Галлиты как жертву, одну лишь достойную этих
Самых божеств — и ловцов их наследства

достойную также.

Если позволишь заклатъ, так иной обречет тебе в жертву
Самых красивых рабов, самых крупных

и телом дородных,

Либо он даже рабу или служанке наложит повязку
Прямо, как жертве, на лоб, и если есть дома невеста,

120

Там Ифигения, что ль, он отдаст алтарям и невесту,
Хоть бы не верил в подмен ее тайный

трагической ланью.

Я земляка хвалю, предпочту завещанье неверной

Тысяче я кораблей, ибо если болящий избегнет

Смерти, то он уничтожит таблички,

попавшись в ловушку

После заслуги такой изумительной, и, вероятно,

Сразу имущество все получит один лишь Пакувий:

Гордо он будет шагать, победивши соперников. Видишь,

Как исключительна польза — принести Ифигению

в жертву.

Пусть же Пакувий живет хоть Несторов век, я согласен,

Пусть он богат, как Нерон с грабежей, пусть золота —

горы,

130

Но он не мил никому, да и сам никого он не любит.

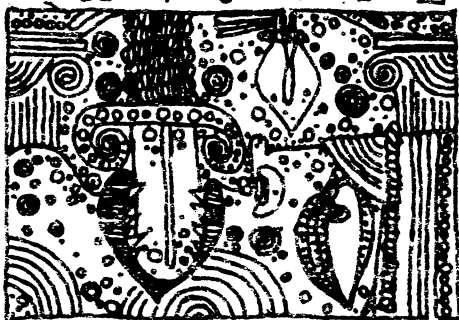

SATURÆ

КНИГА
ПЯТАЯ

САТИРА ТРИНАДЦАТАЯ

Все, что дурной образец повторяет,
 не нравится людям,
 Сделавшим это: уж есть наказание в том, что виновник,
 Сам осуждая себя, оправдания не видит, хотя бы
 Претор пристрастно считал голоса из обманчивой урны,
 Как полагаешь, Кальвин, рассуждают

о новых злодействах,
 О преступленье, о том, что поправа честность?

Но ты ведь
 Вовсе не нищий бедняк, чтобы средних размеров потеря
 Бременем тяжким легла на тебя: мы видим нередко,
 Сколько уж ты потерял; это случай, повсюду известный,
 Ставший обычным, одна из многих превратностей судеб.
 Громкие жалобы бросим: не должно быть горе мужчины
 Более жгучим, чем мера его, и болезненней раны.
 Ты же выносишь едва и ничтожную самую долю
 Малых, легких невзгод, и кипит и клокочет утроба
 Вся твоя из-за того, что приятель доверенных денег
 Не отдает. Изумляться тебе ль, что несешь за плечами
 Шесть десятков годов, что рожден в консулат Фонтея?
 Разве тебе не принес ничего долголетний твой опыт?
 Мудрость, которая нам наставленье несет в философских

Книгах, победу дает над судьбой, но счастливыми также
Мы полагаем и тех, кто, наученный жизнью, умеет
Жизни невзгоды сносить и ярма не старается сбросить.
Где такой праздничный день, в какой

не поймали бы вора,
Не было бы вероломств, обманов, преступно добытой
Прибыли, — денег таких, что берутся мечом или ядом?
Много ли честных людей? Насчитаешь их меньше,
чем входов

В Фивы с семью воротами иль устьев обильного Нила.
Время такое теперь, что похуже железного века;
Даже природа сама не нашла для разбойного имя
И не сумела назвать по какому-нибудь из металлов.
Мы и к богам вопием, и к людям взываем так громко,
Будто клиентов толпа выступленье Фесидия хвалит
Ради подачки. Скажи, старичок

(ты уж соски достоин), —

Знаешь ты прелесть в деньгах чужих?

Не видишь ты разве,
Что за насмешки в толпе вызывает твоя простоватость,
Ежели всем ты велишь свое слово держать и поверить
В то, что на всех алтарях обогранных и в храмах
есть боги?

Некогда жили у нас первые люди, доколе
Серп земледельца не взял, убегая, Сатурн, диадему
Снявший свою, и была еще девочкой малой Юнона,
Власти еще не имел в пещере Идейской Юпитер,
Пиршеств еще никаких не справляли живущие выше
Облак и кубка еще не давал илионский им мальчик
Иль Геркулеса жена; Вулкан не хватался за нектар,
После липарских мехов не вытерши черные руки;
Каждый из древних богов у себя обедал, и столько
Не было их, как теперь; с божествами немногими небо
Легче давило тогда на усталые плечи Атланта;
Жребий еще никому на глубинное скорбное царство
Не выпадал, где Плутон с сицилийской женой своей
мрачный;

Не было Фурий, камней, колеса, ни коршуном черным
Казни: веселье теней не смущали цари преисподней.
Чести отсутствие странным казалось для этого века:

Было великим грехом, искупления смертью достойным,
Ежели пред стариком не встал бы юнец или мальчик
Пред бородатым любым, хотя бы и знал он, что дома
Больше плодов у него, желудевые кучи обширней:
Чтили тогда старшинство

на четыре каких-нибудь года, —
Даже незрелый пушок с сединой равняли почтенной.
60 Нынче же, если твой друг признается

в доверенных деньгах,
Если вернет целиком в кошельке твоём старом
монеты, —

Честность его — чудеса, что достойны этрусского свитка
И очистительной жертвы овцой, венчанной цветами.
Как только я узнаю превосходного, честного мужа, —
Чудо такое равняю младенцу двутелому, рыбам
Дивным, найденным под плугом, иль самке мула
жеребой;

Я беспокоюсь, как будто с дождем стали сыпаться камни,
Или, как длинная гроздь, рой пчел пустился на крышу
Храма, как будто река потекла удивительным током
70 К морю и водоворот молока образует собою.
Горе твоё, что тебя нечестиво нагрели на десять
Тысяч сестерций? А что, коль другой потерял

двести тысяч,
Тайно ссуженные им? А третий — и большую сумму,
Что поместится едва в сундуке, до отказу набитом?
Так ведь легко и удобно презреть свидетелей вышних,
Лишь бы о том не узнал ни один из смертных.

Посмотришь,
Как громогласно лжец отпирается, как он уверен:
Солнца лучами божится он твердо, тарпейским перуном,
80 Грозным Марса копьем, прорицателя киррского луком;
Он побожится стрелой и колчаном Охотницы-девы,
Даже трезубцем твоим, Нептун, Эгея родитель;
Лук Геркулеса он вспомнит,

прибавит и дротик Минервы, —
Словом, все то, что хранят небеса в оружейной палате.
Если же он и отец, то: «Съесть мне бедную, —
скажет, —

Голову сына, сварив ее в уксусе александрийском!»

Есть и такие, что все полагают случайностью судеб,
 Верят, что движется мир без всякого кормчего, смену
 Дней и годов оборот производит природа, — и, значит,
 Тот или этот алтарь потревожат без всякого страха.
 90 Все же боится иной возмездья вослед преступленью,
 Верит в богов он, но слова не держит, а так рассуждает:
 «Пусть с моим телом поступит Исида как ей угодно,
 Очи мои поразит своим систром разгневанным, только б
 Мне, хоть слепому, те деньги спасти, от которых отперся.
 Стоят чахотки они, и разбитых колен, и вонючих
 Ран: ведь и Ладас-бедняк был готов на подагру богатства
 Ради, а он чемерицы не ел, Архиген был не нужен.
 Что для него эта слава ступней, проворно бегущих,
 100 Что ему скудная ветвь дает олимпийской маслины?
 Как ни велик будет гнев божества, он не скоро наступит:
 Если хлопочут они покарать поголовно виновных,
 Скоро ли им дойти до меня? Я, быть может, узнаю,
 Что божество умолимо: таких оно часто прощает.
 Многие делают то же, что я, но судьба их различна:
 Этот несет в наказание крест, а другой — диадему».
 Так от боязни жестокой вины он себя ободряет,
 Опережая тебя, к священным зовущего храмам;
 Мало того: он готов быть влекомым, гонимым к присяге.
 110 Ибо, когда в нехороших делах проявляется дерзость,
 Многие верят, что совесть чиста. Балаган он играет,
 Вроде тех беглых шутов, что на сцене веселой Катулла.
 Ты же, несчастный, вопишь, как и Стентор сам
 не сумел бы
 Иль как Гомеров Градив: «Ты слышишь ли это, Юпитер?
 Ты не подвигнешь уста, когда должен был бы исторгнуть
 Божий свой глас, будь мраморный ты, будь и медный?
 Зачем же
 Благочестиво тебе мы кладем, развернувши бумажник,
 Ладан на уголь, телят рассеченную печень и сальник
 Белой свиньи? Видно, нет никакого различия между
 120 Ликами высших богов и Вагеллия статуей глупой».
 Выслушай, что тебе может сказать в утешение
 тот, кто
 Киников не прочитал и не знает стоических правил,
 Розных обличем своим (ведь стоики тунику носят),

Кто Эпикура не чтит с его радостью малому саду:
 Пусть у известных врачей исцеляются тяжко больные,
 Ты же доверь свою жилу хотя б подмастерью Филиппа.
 Если ты скажешь, что нет на земле столь гнусного дела,
 Я промолчу, не мешая тебе бить в грудь кулаками
 И ударять себя по лицу хоть раскрытой ладонью:
 Кто потерпел беду, у того запираются двери,
 130 Деньги же с большим стенаньем семьи поминаются,
 с большим
 Дома смятением, чем мертвецы: у всех непритворна
 Будет при этом печаль, не довольствуясь
 краем раздранным
 Платья и мукой очей, орошенных
 насильственной влагой;
 Нет, настоящие слезы текут о потерянных деньгах.
 Если ж ты видишь, что рынки полны одинаковых жалоб,
 Если, прочтя много раз расписки, и те и другие
 Скажут, что сделан подлог и что счет никуда не годится,
 Хоть уличает и подпись людей, и печать сердолика —
 Гемма, какую хранят в шкатулке из кости слоновой, —
 140 Что же, простак ты, мнишь, исключенье ты должен
 составить,
 Будто бы сын белой курицы ты, редчайшая птица,
 Мы же простые птенцы, яиц порожденье несчастных?
 Случай твой самый простой, терпеть его надо
 без желчи;
 Есть и похуже дела: нанятого припомни убийцу,
 Вспомни поджоги, когда коварно подложена сера,
 Чтобы огонь охватил всего раньше двери входные;
 Вспомни и тех, кто ворует из храмов древних большие
 Чаши со ржавчиной чтимой —
 богам приношенья народа —
 Или венцы, принесенные в храм когда-то царями.
 150 Если где этого нет, святотатец найдется помельче:
 Он соскоблит позолоченный бок Геркулесу, Нептунов
 Лик поскребет, золотые пластинки утащит с Кастора;
 Разве смутится привыкший Юпитера целого плавить?
 Вспомни и тех ты, кто делает яд и кто ядом торгует,
 Тех, кого надо бы в шкуре быка, зашив с обезьяной, —
 В жалкой судьбе неповинной совсем, —
 утопить в океане.

Это лишь часть преступлений, о коих Галлик, столицы
Страж, узнает от рассвета до самого солнца захода.

160 Если ты хочешь познать человеческий нрав, тебе хватит
Дома хотя б одного: через несколько дней
возвратившись,

Ты не посмеешь уже после этого зваться несчастным.
Разве кого удивят среди Альпов зобы, а в Мерое
Груды у женщин полней, чем самый толстый младенец?
Кто поразится глазам голубым у германцев, прическам
Их белокурым, из влажных кудрей торчащих рогами?
Это обычно у них и общее всем от природы.

Против фракийских птиц, налетающих звонкою тучей,
Воин-пигмей со своим выбегает ничтожным оружием;
170 Вот уж, неравный врагу, он подхвачен кривыми когтями
И унесен журавлем свирепым на воздух. Когда бы
Видел ты это на нашей земле, ты бы трясся от смеха:
Там же, где целый отряд не выше единого фута,
Хоть и всегда эти битвы бывают, — никто не смеется.

«Разве же нет наказания нарушенной клятве,
обману

Низкому?» — Ну, хорошо: вот преступника

тотчас же тащат

Цепью тяжелою, нашим судом на казнь обрекают, —
Что еще гневу желать? Ведь потеря останется та же:
Деньги врученные целы не будут, а крови немножко
Из безголового тела — какое же в том утешенье?

180 «Но ведь отмищенье бывает приятнее благодати жизни».
— Так рассуждают невежды, у коих, ты видишь, пылает
Сердце без всяких причин иль по поводам

самым пустячным:

Как бы там ни был ничтожен предлог,

его хватит для Гнева.

Этого, правда, не скажет Хрисипп иль Фалес,

незлобивый

Духом, ни старый Сократ со сладкого медом Гиметта,
Что не хотел обвинителю дать хоть бы долю цыкуты,
Принятой им в заключение суровом:

счастливая мудрость

Всякий вскрывает порок и все постепенно ошибки,

- 190 Прежде всего научая нас жизни правильной; месть же
Есть наслажденье души незначительной,
слабой и низкой:
Явствует это хотя б из того, что никто не бывает
Так отомщению рад, как женщины. Что ж, ускользнули
Разве от кары все те, чье сознание гнусного дела
Их постоянно гнетет и бьет их неслышным ударом,
Раз их душа, как палач, бичеванием скрытым терзает?
Денно и ночью носить свидетеля тайного в сердце —
Тяжкая пытка, жесточе гораздо и тех, что Цедиций
Изобретает свирепый, судья Радаманф в преисподней.
200 Пифия некогда так на вопрос отвечала спартанцу:
«Нет, безнаказанным то не останется, что ты задумал, —
Денег, врученных тебе, не вернуть
и поддерживать клятвой
Этот обман». Ибо спрашивал он про мнение бога, —
Благостно ли Аполлон посмотрит на этот поступок?
Значит, за страх, не за совесть, он деньги вернул —
и подвергся
Каре, святилища храма достойной и истины слова
Божьего, ибо погиб со всею семьей и потомством,
Даже со всей отдаленной родней. Вот каким наказаньям
Может подпасть даже самая мысль
о греховном поступке.
210 Кто замышляет в тиши злодеянье какое, — виновен
Как бы в поступке. А если попытка исполнена будет?
Он в беспокойстве всегда, за обедом он даже тревожен;
Как у болящего, глотка его пересохла, а пища
Пухнет, застрявши в зубах, и несчастный вино отрыгает;
Старое даже вино, альбанское, стало противно;
Лучшим его угостишь — на лице соберутся морщины
Сплошь, как будто его угощают терпким фалерном.
Если забота ему позволит хоть ночью забыться
И, на кровати вертась, наконец успокоится тело,
220 Тотчас увидит во сне алтари оскорбленного бога,
Храм — и тебя, что обманут, и мозг до холодного пота
Сжат у него; твой чудесный,
людей превышающий призрак
Страхом смущает его и в вине заставляет сознаться.
Это бывает с людьми, что дрожат и бледнеют при всякой

Молнии, живы едва при первых же грома раскатах,
Будто огонь не случаен, не бешенством ветров

он вызван,

Но низвергается в гнев на землю как вышняя кара;
Если гроза ничего не смела, — еще в большей тревоге
Трусят они, что придет после этого вёдра другая.

230

Кроме того, если бок заболел и уснуть лихорадка
Им не дает, представляется им, что ниспослана болесть
Злым божеством, даже не верят они,

будто камни и стрелы

Это богов. Не смеют они принести по обету

В храм хоть овцу, посулить своим ларам

и гребень петуший:

Есть ли больному надежда какая, когда он преступник?

И не достойней ли жертве любой в живых оставаться?

Как неустойчивы все и тревожны бывают злодеи!

Твердости им достает, когда приступают к злодейству:

Что нечестиво, что честно, они сознавать начинают,

240

Лишь преступленье свершив. Но природа их неуклонно
К нравам проклятым ведет. Ибо кто же предел

преступленьям

Может своим положить? И когда возвращается краска,

Раз уничтожившись, вновь на лицо загрубевшее? Кто же

Где-либо видел людей, что довольны одним лишь

постыдным

Делом? И тот, кто тебя обманул, в западню попадет

Тоже, и в мрачной тюрьме попадет на крючок его тело,

Иль на Эгейского моря утес, иль на скалы, где много

Сосланных важных, — и ты эту горькую кару оценишь

Именно злого и сам наконец признаешь, довольный,

Что ни один из богов не глух и не слеп, как Тиресий.

САТИРА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Много на свете вещей, Фусцин, что достойны
дурной лишь

Славы, что стойким пятном и на добрые нравы ложится:
Сами родители учат детей и пример подают им.
Если азартная кость мила старику, то наследник
Молокосос уж играет за ним хоть с игрушечной чашкой.
Также родным никому не подаст надежд наилучших
Юноша, уж трюфеля научившийся чистить, приправу
Сделать к грибам, поглощать погруженных

в такую подливку

10 Птичек, что фиги едят, — по примеру отца-ветрогона:
Учит гуляка седой. Едва мальчуган до восьмого
Года дорос, и не все у него еще зубы сменились, —
Он, хоть бы ты ему дал бородатых наставников сотни
С разных сторон, пожелает всегда

с сервировкой блестящей

Сесть за обед, не отстать бы от самой изысканной кухни.
Рутила вот воспитанье, внушает ли он

снисхожденье

Кроткое к мелкой вине, считая, что души прислуги
Вместе с телами того ж вещества и из той же стихии,
Как и у нас, или учит жестокости, радуясь резким

Взмахам бичей, наслаждаясь их свистом,
 как пеньем Сирены?
 20 Как Антифат, Полифем, он хозяин дрожащего дома;
 Счастлив он, только когда раскаленным железом
 наемный
 Кат кого-то клеймит за пропажу каких-то полотен.
 Что молодежи внушит этот Рутил, лязгом довольный
 Цепи, любитель большой и тюрьмы,
 и колодников жженных?
 Ты ожидаешь, простака, что не будет развратницей Ларги
 Дочь; а ведь ей не сумеь всех любовников матери
 вспомнить
 Сразу и так перечислить подряд, чтоб разиков тридцать
 Духа не перевести! Ведь наперсницей матери стала
 30 Девушка рано: теперь под диктовку ее она пишет
 Крошки-записки, и тот же холуй их к любовнику носит.
 Воля природы всегда такова: и скорее и легче
 Нас совращает пример пророков домашних, и прямо
 В душу нам входят они под влиянием старших. Бывает,
 Юноши не обратят на примеры внимания: значит,
 Сердце лепил им титан благосклонный искусно
 из лучшей
 Глины. Но чаще ведут молодежь примеры отцов их
 Вредные, старых пороков стезя увлекает надолго.
 От недостойных вещей воздержись!
 Основаньем послужит
 40 Хоть бы и то, чтобы наши сыны преступлениям нашим
 Не подражали: мы все восприимчивы
 к гадким примерам,
 Стыдным, дурным. Катилину найдешь ты
 во всяком народе,
 В каждой стране и под небом любим, —
 но нигде не увидишь
 Брута, нигде не найдешь его старого дяди Катона...
 Гнусное слухом и видом пускай не коснется порога
 Дома, где дети живут! Подальше, подальше оттуда
 Десок продажных гони, паразитов с полуночной песней!
 Мальчику нужно вниманье великое: если задумал
 Что-либо стыдное ты, — не забудь про возраст
 мальчишки;

50 Пусть твой младенец сын помешает тебе в преступленье.
Если впоследствии он совершит что, достойное гнева
Цензора, явит себя твоим сыном, не только похожим
Телом, лицом, но и нравом своим, по отцовскому следу
Станет грешить еще хуже тебя, — ты, конечно, без меры
Будешь его и бранить и честить с пронзительным криком
И наконец пригрозишь наследство отнять в завещанье;
Но уже нет у тебя головы и свободы, родитель
Старый, когда ты грешишь, и давно уж

безмозглый твой череп
Требует банок себе для изрядного кровопусканья.

Гостя ты ждешь — никому из рабов-то

не дашь ты покоя:

60 «Веником пол подмети, начисти до блеска колонны,
Выгони всех пауков с их сухой паутиной отсюда!
Ты перетри серебро, а ты — резную посуду!»
Так и беснуется голос хозяина грозного с розгой.
Значит, ты жалкий, дрожишь,

что загажен собачьим пометом
Атриум твой и для глаз пришедшего друга противен
Портик, замазанный грязью; однако лишь меркой опилок
Эту домовую грязь может вычистить служка единый;
Но не заботишься ты, чтоб твой сын видел дом

постоянно

Благопристойным, всегда незапятнанным

и безупречным?

70 Доброе дело — народу, отечеству дать гражданина,
Если его создаешь ты полезным для родины, годным
Для земледельца работ, для военных и мирных занятий.
Больше всего будет значить, каким ты наставишь наукам,
Нравам его. Так и аист птенцов своих змеями кормит,
Ящериц им достает из пустынного места; птенцы же,
Лишь оперившись, начнут находить

этих самых животных.

80 Коршун, оставивши падаль, собак, лошадей и распятых,
К детям спешит и приносит в гнездо этой падали части;
Эту же пищу пожрет и взрослый коршун, добычник
Самостоятельный, вьющий гнездо свое сам на деревьях.
Но за козой и за зайцем охотятся Зевсовы слуги
И благородные птицы по горным лесам, лишь оттуда

В гнезда добычу несут; и потомство,
едва лишь, подросши,
Вылетит вон из гнезда, уж, гонимое голодом, к той же
Дичи спешит, что, покинув яйцо, заклевало впервые.
Некий строитель Кретоний

в излучине бухты Кайеты
То в Пренестийских горах, то на Тибура холме высоком
Строил красивые виллы с высоко приподнятой кровлей,
Греческий мрамор, добытый вдали,

применяя к постройкам,
90 Превосходившим и храм Фортуны, и храм Геркулеса,
Так же, как евнух Посид превзошел Капитолии наши.
В этаких виллах живя, уменьшил состоянье Кретоний,
Деньги потратил свои; но не малая доля осталась
Прежних богатств; его сын целик и разбазарил,
безумец,

Все, ибо новые виллы из лучшего мрамора строил.

Выпал по жребью иным отец —

почитатель субботы:
Лишь к облакам их молитвы идут и к небесному своду;
Так же запретна свинина для них, как и мясо людское,
Ради завета отцов; они крайнюю плоть обрезают
100 С детства, они презирать приучились обычаи римлян,
Учат, и чтут, и хранят лишь свое иудейское право, —
Что бы им там ни дано в Моисеевом тайном писанье, —
Право указывать путь лишь поклоннику той же святыни
Иль отводить к роднику лишь обрезанных,

но не неверных.
Здесь виноват их отец, для которого каждый субботний
День — без забот, огражденный от всяких житейских
занятий.

Впрочем, с родителей все сами юноши

перенимают,
Против же собственной воли одна им внушается
скупость;

Этот порок обольщает их доблести видимой тенью,
110 Так как по внешности строг и лицом,
и обличьем суровым:
Без колебания хвалят скупого, как дельного, будто
Он человек бережливый, хранитель имущества

верный, —

Пуще, чем если бы то же добро

стерег змей гесперидский

Или понтийский. А кроме того, о скупом у народа

Мнение ходит, что он — превосходный мастер наживы:

Ведь у таких кузнецов заметно растут состояния,

Всяческим родом растут все больше, при вечной работе

Их наковальни, при горне, пылающем непрерывно.

120 Стало быть, верят отцы, что скупые счастливы душою;

Кто без ума от богатств, кто уверен, что нету примеров

Бедных, довольных судьбой, увещает и юношей также

Этой дорогой идти и держаться отцовского толка.

Есть элементы пороков: отец прививает их детям

И заставляет учиться их быть скупыми на мелочь;

Скоро научит он их ненасытной жажде наживы.

Сам голодая, скупой, и рабов животы истязает

Мерой неверной еды: никогда не допустит утраты

Заплесневелых кусков покрытого зеленью хлеба,

130 Ибо привык сберегать все объедки вчерашние, даже

В жаркий сентябрь, до другого обеда бобы сохраняя

Летние, рыбы дешевой остаток, сделав отметку

С краешку, или сома полусъеденного и гнилого;

Пересчитав стебельки, он запрет и порей

накрошенный, —

Словом, и нищий с моста отказался б принять угощенье.

Много ли толку в богатстве,

что скоплено этакой мукой,

Раз несомненное есть безумство и бред очевидный

В нищенской доле влачить свою жизнь

ради смерти в богатстве?

А между тем как мошна раздулась до самого края, —

Жадность к монете растет соответственно

росту богатства:

140 Тот, кто без денег, и жаждет их меньше.

Поэтому строишь

Новую виллу себе, коль деревни одной тебе мало,

Хочется шире границ, представляется большей и лучшей

Нива соседа, ее ты торгуешь, и рощу, и склоны

Гор, где сплошь серебрится оливковых заросль деревьев.

Если ж хозяин земель не сдается на плату любую,

Ночью ты выпустишь скот — коров и волов

с утомленной

Шеей, голодных — к соседу на поле зеленых колосьев

И не загонишь домой, пока не поглотятся всходы

150

Брюхом их лютым, как будто бы все это сжато серпами.

Трудно бы было сказать, сколь многим от этого —

слезы,

Сделала сколько полей продажными несправедливостью.

Слава какая трубит про тебя, что за гнусные толки!

«Что за беда! — говоришь, — волчьих ягод ценней

шелуха мне,

Чем похвала по всему околотку соседей за то, что

Жну я ничтожную горсть своей полбы

на крошечном поле».

Ну, уж конечно, болезней и дряхлости

ты не увидишь,

Горя избежнешь, забот — и в конце

долголетнюю жизнью

Рок благосклонный тебя наградит, особенно если

160

Ты завладеешь один такими поместьями, сколько

В царство Татия было запахано римским народом.

Да и потом старикам, поседевшим

в пунийских сражениях,

Дикого Пирра-царя и оружие молоссов знававшим,

Даже и тем, из-за множества ран, лишь по два давали

Югера; эта награда за кровь пролитую, за муки

Не представлялась им ниже заслуг

или платой ничтожной

Родины неблагодарной: такого клочка им хватало: —

Сыт был отец и вся куча народа в избе, где супруга

Родов ждала и играли ребята — хозяина трое,

Рабский один; а старшим их братьям,

вернувшимся с пашни

170

Иль от копания ям, готовился ужин особый:

С кашей дымились горшки уемистые и большие.

Нынче же столько земли не хватило б для нашего сада!

Здесь — преступлений причины;

ни стольких отрав не варили,

И никакой из пороков людских не явился оружием

Чаще, чем лютая жадность умножить свое состоянье

Выше всех мер. Ибо тот, кто стремится к богатству,
Стать богачом поскорей; разве есть уваженье к законам,
Или хоть страх, или стыд у скупого,
спешащего к деньгам?

«Будьте довольны избушкой своей

И СВОИМИ ХОЛМАМИ,

180 Дети мои, — так марс и герник говорили когда-то
Или вестинец-старик, — добудем мы плугом довольно
Хлеба к столу: так угодно богам нашим сельским,
которых

Милостью, помощью всем нам дарованы были колосья
И внушено отвращенье к дубовому желудю людям.
Что же запретное тот может сделать, кому не обидно
Ноги обуть в сапоги для ходьбы по морозу и шкуру
Вывернуть против ветров? А заморский неведомый

туртур

Всякий, какой ни на есть, приведет ко греху

и злодейству».

190 Так наставления младшим давали древние; ныне ж
Осень едва миновала, как юношу спящего ночью
Будит крикливый отец: «Возьми, попиши-ка таблички;
Мальчик, не спи: ну-ка, тяжбой займись,

ПОУЧАЙСЯ ЗАКОНАМ

Предков иль лестью добудь себе должность центуриона:
Пусть себе Лелий глядит на косматые головы, ноздри
Все в волосах, пусть будет доволен крутыми плечами.
Мавров землянки ломай, сокрушай укрепления

бригантов —

И лишь десяткам к шести ты получишь орла дорогого.

Если ж тебе не по нраву нести постоянно работу
В лагере, если живот тебе слабит от трубного звука,
Звуча рогов, то торговлей займись:

200 Звука рогов, то торговлей займись:

запасай, что возможно

Перепродать вполтину дороже, но только не брезгуй
 Всяким товаром, хотя б и пришлось его прятать

за Тибром,

И не считай, что какая-нибудь есть разница между
Кожей сырой и духами: хорош ведь прибыли запах
Будет от вещи любой. Не своди с своих уст поговорку,

Чье сочиненье достойно богов и Юпитера музы:
«Где получил — ведь не спросит никто,
но имей непременно».

Няньки-старухи твердят это мальчикам для повторенья,
Учатся девочки так говорить, алфавита не зная».

210

Мог бы сказать я любому отцу, что советы такие
Юноше хочет вдолбить: «Пустельга, кто тебя заставляет
Так торопиться? Ручаюсь, учителя будет почище
Твой ученик. Не тревожься: тебя превзойдет он, конечно,
Как Теламона Аякс превзошел, Ахиллес же — Пелея.
Нежных нужно щадить: ведь еще не заполнило мозга
Зрелое гнусное зло; но лишь только сын твой расчесет
Бороду, тронет ее острием наточенной бритвы, —
Он лжесвидетелем будет, продаст за ничтожную сумму
Ложную клятву, держась за алтарь и за ногу Цереры.
Если невестка вошла в твой дом

220

с смертоносным приданым,
Мертвой ее почитай: во сне ее пальцы удавят
Мужнины. Кратким путем он добудет себе, что считаешь
Нужным приобретать ты на суше или на море:
Нет никакого труда совершить большое злодеяние.
Скажешь потом: «Никогда не давал я таких поручений
И не советовал я». Но ты ведь — источник злонравья,
Повод к нему; ибо всякий, внушающий любостяжанье
И воспитавший дурным наставленьем

корыстных потомков,

230

Тот, кто детей научил обманом удвоить наследство, —
Лошади волю дает и совсем распускает поводья;
Хочешь коней осадить, — уж они удержаться не в силах,
Мчатся, тебе неподвластны, намеченный путь оставляя.
Кто согласится настолько грешить,

насколько позволишь?

Сами к себе сыновья снисходительней будут гораздо.
Раз ты внушаешь юнцу, что глуп — кто друзей одаряет,
Кто к бедняку снизойдет, приносит близким услугу, —
Этим ты учишь его грабежу, обману, стяжанью
Даже преступным путем богатств, которые любишь
Столько же ты, как любили отечество Деции, или,
Ежели греки не врут, Менекей возлюбил свои Фивы,
В чьих бороздах из змеиных зубов легионы роятся

240

Прямо в оружие и враз затевают ужасные битвы,
Словно бы там заодно и трубач поднялся с войсками.
Сам ты увидишь огонь, которого искры ты выбил,
Ярко пылающим, все пожирающим, что попадется:
Нету пощады, несчастный, тебе, и в клетке питомец —
Лев разорвет жоака дрожащего с громким рычаньем.
Твой гороскоп звездочетам известен,

но медленной пралки

Парок не хочет он ждать: ты умрешь,

когда нить твоей жизни

250 Не порвана; и сейчас уж ему ты мешаешь, задержка
Всех вожделений; уж мучит его твоя старость оленья.
Живо зови Архигена, купи себе то, что состряпал
Царь Митридат; если хочешь срывать еще новые фиги,
Новых повыврастить роз, — запасись непременно

лекарством:

Должен его принимать пред едою и царь и родитель.

Славное зрелище я покажу тебе:

с ним не сравнятся

Ни театральный спектакль, ни преторов пышных

подмостки, —

Только взгляни, чего стоит опасность смертельная —

в доме

Деньги растить, где большая казна есть в медной

шкатулке.

260 Суммы кладут на хранение пред бдящим Кастора оком,
После того как мстительный Марс и шлема лишился,
Да и добра не сумел сохранить; значит, можешь оставить
Сцены на зрелищах ты в честь Цереры, Кибелы

и Флоры:

Много значительней их — человеческих дел

представленье.

Разве нас так забавляют тела акробатов петавра
Как забавляешь ты сам, на корикской корме пребывая,
Где и жилище твое, ты — игралище Кора и Австра,
Неисправимый, презренный купец пахучей поклажи,
270 Ты, что доволен доставкой изюмных вин маслянистых
С берега древнего Крита и с родины Зевсовой в город?
Тот, по канату ступая хоть шаткой ногой, доставляет
Этой ценой пропитанье себе, прогоняет канатом

Холод и голод, — а ты безрассудствуешь ради талантов
Тысяч и множества вилил. Посмотри лишь

на гавань и море,

Полное досок и мачт: ведь на море больше народу,
Чем на земле. И флот поплывет, куда б ни манила
Прибыли жажда его: пробежит он по водам карпатским
И гетулийским, потом, далеко позади оставляя
280 Кальпу, услышит в пучине Геракла шипение солнца.
Многого стоит труда, чтобы ты возвратился оттуда
С туго набитым мешком, похваляясь раздутой мошною,
Тем, что тритонов видал и других океанских чудовищ.
Разным безумьем умы одержимы: того ужасает
Лик Евменид, их огонь — даже в сестринных

чистых объятьях;

Этот уверен, быка поразив, что ревет Агамемнон
Или Улисс. Пусть он даже щадит и плащ и рубашку,
Все же опека нужна нагружающему корабельный
Трюм до отказа товаром, от волн отделяясь бортами, —
290 Если причиною зол и опасностей этих служат
Только куски серебра для надписей и для фигурок.
Тучи находят, гроза началась. «Отдавайте причалы! —
Слышен хозяина крик, закупившего хлеба и перца. —
Эта небесная темь, эта туча, что кутает небо,
Нам не грозит: это летний лишь гром». А быть может,

несчастный

Этой же ночью утонет, как мачты ломаются, сгинет
В волнах, упрямо держа и левой рукой, и зубами
Пояс. Но тот, вожделений кого не насытило злато,
300 Скрытое в желтых песках у Тага на дне и Пактола,
Будет доволен лохмотьем —

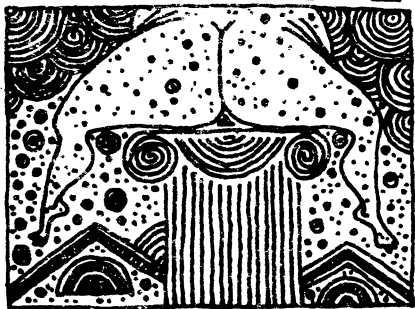
прикрыть продрогшие чресла,
Скудной едой, как погибнет корабль и он, потерпевший,
Асса станет просить и кормиться картиной крушенья.

То, что добыто с мученьем таким,

охраняется с большим

Страхом, заботой: стеречь тяжело состояние большое.
Слишком богатый Лицин заставляет, расставивши ведра,
Сотню рабов караулить свой дом по ночам, ибо в страхе
Он за янтарь, за колонны фригийские, статуи в доме
И за слоновую кость, черепаху огромную. Бочка

310 Киника голого на погорит; а сломается — завтра
Новый готов будет дом, да и старый свинцом залатают.
Сразу постиг Александр, увидавши в сосуде из глины
Жителя славного, то, насколько счастливее тот, кто
Вовсе желаний лишен, чем тот, кто требует мира
И на опасность готов соответственно завоеваньям.
Нет у богов у тебя, коль есть разум: мы сами, Фортуна,
Чтим тебя божеством. «Но все-таки меры какой же
Для состоянья довольно?» Коль спросят меня, я отвечу:
Столько имей, сколько просят и жажда, и голод, и холод,
320 Сколько тебе, Эпикур, в твоём садике было довольно,
Сколько ещё до тебя получали Сократа пенаты.
Мудрость не скажет того, что противно бывает природе.
Если смущает тебя столь суровый пример, ты прибавишь
То, что обычно у нас: копи ты себе состоянье
В меру закона Отона о всадниках перворазрядных.
Если на это ты рот покривишь и поморщишься, —
что же,
Всадника ценз ты удвой, сделай трижды четыреста тысяч.
Если ж я пазуху все не набил тебе, все ещё просит, —
Значит, тебе никогда ни Креза сокровищ не хватит,
Ни достоянья персидских царей, ни богатства Нарцисса,
330 Коему Клавдий уж так потакал и так подчинялся
Всем приказаньям его, что убил и жену Мессалину.

САТИРА ПЯТНАДЦАТАЯ

Друг мой Вифинский Волузий! Известно ведь,
что за чудовищ

В глупом Египте чтут: обожают одни крокодилов;
Трепет других вызывает тот ибис, что змее поедает;
Образ сияет золотой почитаемого павиана
Там, где стовратных развалины Фив и где раздаются
Из раздвоенной фигуры Мемнона волшебные звуки;
Здесь поклоняются кошкам, там — рыбе речной;

города есть

С культом собаки; никто не почитит лишь богиню Диану.
Лук и порей там нельзя осквернять, укусивши зубами.
Что за святые народы, в садах у которых рождаются
Этакие божества! Не берут там в пищу животных
С шерстью: зарезать козленка грехом почитают в Египте.
Вот человечину можно там есть. Когда о подобном
Деле Улисс рассказал опешившему Алкиною
После обеда, он, может быть, вызвал и гнев и насмешку,
Как пустомеля и враль. — «И никто его в море

не сбросит,

Хоть и достоин он сам настоящей свирепой Харибды,
Он, сочинитель и всех лестригонов, и диких циклопов!
Право, и скал Кианей столкновенья, по мне, вероятней,

20 Сцилла и даже мяхи, надутые бурями, или
 Что Эльпенор и гребцы захрюкали, свиньями ставши
 От незаметных ударов прута волшебной Цирцеи.
 Верно, считал он феаков народом пустоголовым!» —
 Так кто-нибудь справедливо сказал бы,
 оставшийся трезвым,
 Или же тот, кто немного еще потянул из коркирской
 Урны: свидетелей нет, — разглагольствовал он
 в одиночку,
 Мы же о диве таком поведать хотим, что недавно,
 В консульство Юнка, у стен раскаленного Копта
 случилось,
 30 О преступление толпы, пострашнее старинных трагедий:
 Пересмотри хоть все сирмы от Пирры, —
 у трагиков вове-
 Не совершает народ никакой преступлений. Послушай,
 Чем показало себя одичание нашего века.
 Между соседней Тентирой и Омбом доселе пылает
 Пламя старинной вражды: их древняя распря
 бессмертна,
 Неизлечимою раной горя, и крайнюю ярость
 С той и с другой стороны проявляет толпа, потому что
 Местности обе божеств ненавидят соседних, считая
 Правильной веру в своих лишь богов. Но случилось,
 что праздник
 В Омбе справлялся, вожди их врагов порешили
 придаться
 40 К случаю, чтобы другим испортить веселый и светлый
 Праздничный день и пиры, когда возле храмов
 роскошно
 У перекрестков накрыты столы, когда бодрствует ложе
 Денно и ночью, и так, что иной раз даже седьмые
 Сутки его застают приготовленным. Правда, Египет
 Груб, но по роскоши, сколько я сам замечал, не уступит
 Эта толпа дикарей пресловутому граду Канопу.
 Кроме того, ведь легко одолеть захмелевших соседей:
 Их языки заплелись, все шатаются, пляшут мужчины,
 Черный играет флейтист, благовонный разносится запах,
 50 Всюду цветы, и народ себе лбы украшает венками.
 Злоба голодная тут разгорается, страсти бушуют:

Ругань сперва начинает звучать, как сигнал для сраженья,
С криком взаимным потом сшибаются, вместо оружия
Руки пускаются в ход: у немногих не свернуты скулы,
Чуть ли не все повредили носы среди этакой свалки.
Скоро уж видны везде и повсюду разбитые лица,
Черт не узнать, из разорванных щек торчат уже кости
Голые, и кулаки измазаны кровью глазною.

60 Сами ж они почитают игрой это дело и детской
Схваткой: у них под ногами совсем не валяется трупов.
Правда, к чему столько тысяч дерутся толпой — и убитых
Нет между ними? Но вот свирепее натиск, и стали
Шарить рукой по земле, поднимать

и швыряться камнями —

Самым обычным оружием при бунтах, — хотя не такими
Тяжкими, легче, чем Турн поднимал да Аякс Теламонид
Или каким Диомед бедро раздробил у Энея:

70 Камни у них таковы, чтобы выдержать правой рукою,
Что уступает деснице героев, — рукой современной.
Наш-то ведь род измельчал еще и при жизни Гомера.
Ныне земля производит все

мелких да злобных людишек:

Глянет на них кто-нибудь из богов —

и смешно и досадно.

От отступленья вернемся к рассказу. После того как
Лагерь один, получив подкрепление, решается взяться
И за оружие, — бой начинают, стреляя из луков;
При наступлении тех, что в Тентире живут, по соседству
С пальмовой тенью, бежать пустились поспешно

омбиты.

80 Падает кто-то из них, убегающий в крайнем испуге,
Пал кувырком — и в плену! Тут его разрубают на части:
Много кусков, чтоб его одного хватило на многих, —
И победители съели его, обглодали все кости,
Даже в кипящем котле не сварив, не втыкая на вертел:
Слишком им кажется долгим огня дожидаться, немедля
Труп пожирают сырой, находя наслаждение в этом.
Радостно даже, что эта толпа огня не сквернила,
Что Прометей подарил земле, похитивши с высей
Неба. Стихию поздравить могу, и, наверно, стихия
Рада. Но кто уже смог человеческого мяса отведать,

90 Тот никогда не едал никакого охотней, чем это,
Ибо при зверстве таком не допрашивай, не сомневайся,
Первая глотка познала ли вкус, и последний познал ли,
Тот, что руками водил по земле — попробовать крови,
После того как все тело уже уничтожено было.

Баски (молва такова), было время,

жизнь поддержали

Пищей такой; но они не пример: у них была крайность
В годы войны, к ним Судьба была зла,

доведя до последней

100 Страшной нужды при долгой осаде. Ведь самый образчик
Этой ужасной еды, о которой сейчас говорится,
Жалости просто достоин, и те, о которых сказал я,
Всяких наевшихся трав и всяких животных, к чему лишь
Ни понуждали мученья пустого желудка, — когда уж
Сами враги сожалели их, бледных, худых,

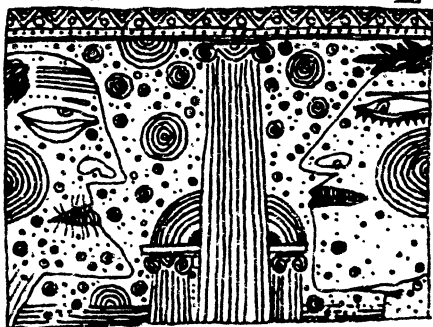
истощенных, —

Жрали от голода члены чужие, готовые даже
Грызть и свои. Да и кто из людей, из богов отказался б
Их животы извинить, претерпевшие жуткие муки?
Им бы могли простить даже тени тех, кого трупы
Ели несчастные баски. Нас лучше наставят Зенона
Правила: вовсе не все, полагают они, можно делать
Ради спасения жизни. Но стойки разве кантабры,
110 Да особенно еще в старину, при древнем Метелле?
Греков Афины и наши доступны теперь всем народам,
Галлия стала речистой и учит юристов британских,
Даже на Фуле идут разговоры о ритора найме.
Все ж благородны и баски, и полное есть оправданье
Равному в доблести им, по несчастному больше, Сагунту.
Ну, а Египет жесточе еще алтарей Меотиды,
Если ты даже считаешь правдивым преданье поэтов:
Та уроженка Тавриды, что святопреступную жертву
Изобрела, закаляла людей, — но большего страха,
120 Чем умереть под ножом, ее жертва не знала. Какой же
Случай египтян подвиг? Что за голод, какое оружие,
Стенам угроза, понудили их на такое злодейство
Гнусное? Что же тогда за ненависть к Нилу была бы,
Коль не разлился бы он при засухе в землях Мемфиса?
Бешенством так никогда не свирепствуют

страшные кимвры,

- Ни дикари савроматы, ни страшный народ агатирсы;
Так не ярятся бритоны, как эта трусливая сволочь,
Что парусов лоскутки распускает на глиняных лодках
И на весло налегает короткое в пестрой посуде.
130 Этим народам, в сознание которых и голод и злоба
Сходны вполне и равны, не найти наказания злодейству,
Нету достойных их кар. Природа сама утверждает,
Будто дарует она человеку мягчайшее сердце:
Слезы дала она нам, — а бывает ли лучшее чувство?
Значит, она нам велит оплакивать друга, который
В трауре дело ведет малолетнего, что обвиняет
Лживого опекуна: его длинные кудри скрывают
Наполовину лицо, увлажненное горькой слезою.
Мы по закону природы вздохнем, повстречав погребенье
Девушки взрослой иль гробик младенца, который
не вырос
140 Для похоронных костров. Кто действительно честен
и стоит
Тайного факела, как полагается мисту Цереры,
Чуждой не мнит никакую беду: в этом наше отличие
От бессловесных скотов. Потому только мы, —
что имеем
Жребий высокий ума и богов голоса различаем,
Мы, что способны к искусствам,
могущие им обучаться, —
Чувство впитали в себя, с небесной сошедшее тверди,
Но недоступное тем, кто смотрит не в небо, а в землю.
При сотворении мира творец уделил им дыханье
Жизни — и только, а нам сверх того дал душу,
с той целью,
150 Дабы взаимно влекло нас просить и оказывать помощь;
Розно живущих — в народ единить; покинувши рощи
Древних людей, оставляя леса — обиталище предков, —
Строить дома, сочетая жилище свое воедино
С крышей другой: чтоб доверье взаимное нам позволяло
Возле порога соседей заснуть; для защиты оружием
Граждан упавших иль тех, что от ран зашатались
тяжелых,
Общей трубою сигнал подавать: защищаться совместно

- 160 В башнях и общим ключом запирают городские ворота.
Но даже змеи живут согласнее нас; и с окраской
Схожей другого щадит всякий зверь: разве льва убивает
Лев? Или разве когда кабана находили лесного,
Чтоб издыхал от удара клыков кабана посильнее?
Яростный Индии тигр уживается в длительном мире
С тигром; у диких медведей — и то существует согласие,
Людям же мало и тех смертоносных мечей, что куются
На наковальне проклятой, — а первый кузнец-то,
привыкший
В горне калить сошники да лопаты, уставший отковки
Сох да мотыг, — ведь совсем не умел он
170 меча приготовить.
Что за народ современный: ему недостаточно в злобе
Только убить человека, но груди, но руки, но лица
В пищу себе он берет! Ну, что бы подумал об этом
Или куда б убежал, если б только узрел этот ужас,
Ты, Пифагор, воздержаньем известный
от всяких животных,
Как от людей, и не всякий стручок допускаящий
в желудок?

САТИРА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Кто преимущества все перечислит, все выгоды,
 Галлий,
 Службы военной? Раз в лагерь приходят для жизни
 счастливой,
 Пусть под звездой благосклонной меня принимают
 ворота
 Рекрутом робким: час добрый удачи ведь стоит
 не меньше,
 Чем если б к Марсу пришли мы с письмом
 от богини Венеры
 Или родимой Юноны, песчаный Самос полюбившей.

10

Прежде всего назовем вообще удобства, из коих
 Немаловажно и то, что тебя не посмеет ударить
 Штатский: напротив, удар получив, он сам его скроет.
 Выбитый зуб показать не осмелится претору либо
 Черную шишку, синяк, на лице его битом распухший,
 Или подшибленный глаз, что, по мнению врача,
 безнадежен.

Кто наказания ищет за это, получит бардейца
 В судьи себе, и в сапог военный обутые икры
 Будут видны на скамьях судейских; обычай Камилла
 Надо блюсти, и солдат не должен судиться вне вала

Иль далеко от знамен. Справедливейшим будет, конечно,
Центурионов разбор солдатского дела: наказан
Будет обидчик, коль есть законный для жалобы повод.
Недружелюбны, однако, манипулы все, и когорта
Вся, как один человек, показанье дает, что возмездье
Горше гораздо самой обиды. И будет пригоден
Только Вагеллий один с его ослиным упрямством,
Голени две лишь имея, споткнуться о столько военных
Пар сапогов, столько тысяч гвоздей.

Да и кто же решится
В лагерь пойти, кто настолько Пилад,
чтоб забраться за насыпь
Вала? Пусть слезы сейчас же подсохнут;
зачем беспокойство
Ваших друзей? Все равно им придется
просить извиненья.
Скажет судья: «Дай свидетеля», — пусть кто-нибудь,
кто побой

Видел, посмеет сказать: «Я видал» — и его я признаю
Бороду предков достойным носить и длинные кудри.
Мог бы скорей привести ты свидетеля ложного против
Штатского, чем отыскать такого, кто правду сказал бы
Против военных людей или что-нибудь против их чести.
Дальше отметим другие достоинства, прибыль другую
Службы военной: бесчестный сосед у меня отнимает
Дол или поле в поместье отцов и камень священный
Из середины межи вырывает — тот камень, что кашей
Я ежегодно чту и большим пирогом в приношенье;
Или должник не желает вернуть мне занятых денег,
Будто бы подпись руки недействительна, мол,

на расписке;
Ждать придется годами, когда-то начнут разбираться
В тяжбах народа всего, да и там ты натерпишься много
Тягот и много отсрочек, — знай, ставят скамейки
для судей:

Вот уж речистый Цедиций готовится скинуть лаццерну.
Вот оправляется Фуск, мы готовы, — и снова уходим,
Ноги свои волоча по площади рынка песчаной.
Тем же, кто ходит с оружием и перевязь носит на плечах,
Время ведения дел предоставят, когда им угодно,

В тяжбе задержки им нет, и дела их решаются скоро.
Кроме того, у одних лишь военных имеется право
Дать завещанье при жизни отца: ибо все, что добыто
Воинской службы трудом, не включается

в список имений,

Принадлежащих всецело отцу. Потому-то Корана,
Спутника знамси, деньги копящего воинской службой,
Ловит уже одряхлевший отец: ведь его выдвигает
Правый почет, получает дары он за труд благородный.
Для самого императора важно, конечно, чтоб всякий
Храбрый вояка был счастлив вполне,

чтоб радостны были

Все и довольны как сбруей коней, так и цепью почетной.

КОММЕНТАРИИ

САТИРА ПЕРВАЯ

2. *Корд* — неизвестный нам поэт, написавший поэму «*Тезеида*» о подвигах Тезея, мифического царя Афин, друга Геракла и героя многих приключений.

4. *Тогаты* — комедии на римские сюжеты, в которых актеры были одеты в римскую тогу. «*Телеф*» — поэма (может быть трагедия), названная именем Телефа, сына Геракла; автор ее неизвестен.

5. «*Орест*» — неизвестная нам поэма, повествующая об Оресте, сыне Агамемнона и Клитемнестры, который, решив отомстить за смерть отца, убивает мать и ее любовника Эгисфа. Миф об Оресте лег в основу ряда греческих трагедий.

6. *Занял изнанку страниц...* — Обычно на обратной стороне свитка не писали. Ювенал высмеивает здесь повальное увлечение римских писателей выступать с публичным чтением своих произведений.

7–11. *Марсова роща* — священная роща бога войны Марса; *пещера Вулкана* — на склоне горы Этны, где бог ковал молнии Юпитеру и оружие героям; *утес Эо-*

ла — на Липарских островах близ Сицилии, где, по представлению древних, правил повелитель ветров Эол. Все это — избитые штампы мифологической поэзии, вызывающие у сатирика отвращение. *Эак* — один из трех судей в Царстве мертвых (вместе с Миносом и Радамантом). *Руно золотое...* — Речь идет о походе агронавтов под предводительством Ясона в Колхиду за золотым руном волшебного барана. *Моних* — кентавр, обладавший необычайной силой, сражался с лапифами — мифическим племенем, жившим в Фессалии.

12. *Фронтон* — личность историческая, возможно, консул при императоре Траяне, покровитель писателей и артистов; в его доме в саду под платанами или в портиках поэты выступали с чтением своих стихов.

15–16 ...и мы ведь // *Сулле давали совет...* — Намек на сазории, школьные риторические упражнения на темы из отечественной истории или мифологии. Ювенал говорит о том, что мальчиком он посещал школу и составлял фиктивные речи (*декламации*), в которых увещевал диктатора Суллу (81–79 гг. до н. э.) отойти от политической деятельности и удалиться на покой.

20. ...*великий питомец Аврунки...* — Гай Луцилий, римский поэт-сатирик, родился около 180 г. до н. э. в Суэссе Авруннской, на севере Кампании. Все римские сатирики (Гораций, Персий) считали его родоначальником жанра гекзаметрической сатиры.

23. *Мевия... вепря разит...* — Неизвестная нам Мевия, по всей видимости, знатная римская матрона, которая увлекалась цирковыми играми, страсть к которым захватила многих женщин из высшего римского общества. Мевия появляется, как амазонка, с обнаженной грудью.

24. ...*кто...брil мою бороду...* — Бывший цирюльник, разбогатевший торговлей или доносами; лучше не известен.

26–27. ...*раб из Канона, // Этот Криспин...* — Криспин — выходец из египетского города Канона, жители которого были известны своей изнеженностью и развращенностью (ср. ниже, 6, 84 и 15, 46). Криспин выставляет напоказ кольцо, которое он носит в летнее

время и потому более легкое, чем те, которые он надевает зимой.

32. *Матон* — видимо, доносчик. Ювенал говорит здесь о людях, гнусное занятие которых давало тирану возможность освобождаться от представителей наиболее знатных семей, которые он обрек на уничтожение. Имущество осужденных отходило в государственную казну, лично императору и доносчику. *Лектика* — носилки, средство передвижения богатых людей по городу.

33. ...*доносчик на друга*... — Возможно, Марк Аврелий Регул, самый опасный доносчик при Нероне и Домициане. Целые аристократические семьи стали жертвами его наветов (см. Тацит, «История», 4, 42).

35–36. Бебий *Масса* и Меттий *Кар* — известные доносчики времен Домициана. Бебий Масса был прокуратором Африки и наместником в Испании. По словам историка Тацита, «он был опасен для каждого порядочного человека» («История», 4, 42). Меттий Кар погубил своими доносами многих людей; жертвой его доноса чуть было не стал писатель Плиний Младший (Письма, 7, 27, 14). *Латин* — мимический актер; *Тимела* — танцовщица, возможно, его жена. Власть доносчиков была настолько велика, что им приходилось опасаться друг друга. Доносчик Латин подсылает свою жену к Регулу, могущества которого он страшится.

39–40. ...*путем услуженья богатой старушке*... — Охотники за чужим наследством нередко обихаживали богатых развратных старух в надежде, что те включают их в свое завещание; среди них неизвестные нам искатели наследств *Прокулей* и *Гилл*. *Унция* — здесь: в техническом значении — двенадцатая часть наследства. Поэт хочет сказать, что Гилл оказался более проворным, чем его коллега Прокулей, и сумел так услужить богатой старухе, что урвал львиную долю наследства.

44. ...*перед жертвенником лугудунским*. — Согласно Светонию, император Калигула устроил в Луг(у)дуне (совр. Лионе) состязания в греческом и латинском красноречии. Всех побежденных он заставлял стирать свои писания языком. В случае отказа их били розгами или

бросали в Рону, протекавшую неподалеку от алтаря, откуда ораторы произносили свои речи («Калигула», 20).

45. ...*раздраженьем пылает...печень...* — Печень считалась местом, где зарождались недовольство и гнев (ср. 6, 648, а также Гораций, «Сатиры», 1, 9, 66).

46–47. ...*грабитель // Мальчика, им развращенного...* — Бесчестный опекун, разоривший до нищеты сироту, вынужденного теперь торговать собой.

49. *Марий* Приск — проконсул Африки, обвиненный в вымогательствах в 99–100 г. и принужденный к штрафу в 700 тысяч сестерциев и высылке из Рима. Однако сумма, награбленная Марием, намного превышала наложенный на него штраф, и ссылка не была для него тяжелым наказанием.

51. *Венузинская лампада* — символ трудолюбия. Известно, что многие поэты и ораторы писали свои произведения по ночам при свете лампы. Отсюда и поговорка «*olet lucernam*» (букв. «пахнет лампой») — о посредственной работе, на которую затрачено много труда. Венузия — город в Апулии (южная Италия), место рождения поэта Горация, автора двух книг гекзаметрических сатир.

53–54. *Путь Диомеда* и пр. — Перечисление избитых мифологических сюжетов, которые Ювенал считает бессодержательными и неактуальными для его времени. *Диомед* — один из героев Троянской войны, о подвигах которого рассказывает Гомер, главным образом в шестой книге «Илиады». После падения Трои по пути в Аргос буря занесла его в Италию, где он основал несколько городов. *Геракл* — самый популярный из греческих героев, совершивший множество подвигов. *Мычанье внутри Лабиринта* — речь идет о Минотавре, чудовище с туловищем человека и головой быка, жившем в построенном для него лабиринте. *Дедал и Икар* — отец и сын. Дедал — легендарный строитель, построивший на Крите лабиринт, куда был помещен Минотавр. Заключенный царем Миносом в лабиринт, Дедал бежал из него вместе с сыном, сделав крылья из перьев, скрепленных воском. В пути Икар приблизился к солнцу, воск растаял, и юноша упал в море.

55. *Сводник добро у развратника взял...* — По римским законам женщина, хотя и замужняя, но не имеющая детей, не обладала правом наследования, поэтому у Ювенала муж смотрит сквозь пальцы на связь жены с любовником, надеясь, что тот отпишет ему в наследство свое имущество, которое затем он готов передать жене.

58. *Когорта* — римская войсковая единица численностью в 500 человек, десятая часть легиона; здесь подразумевается, по всей видимости, преторианская когорта императорских телохранителей.

60–61. *Фламинская* (Фламиниева) *дорога* проходила от Рима через Умбрию на север Италии до Аримина. Ювенал клеймит распространившуюся в Риме страсть к лошадям и скачкам, на которые проматывались целые состояния. *Автомедон* — возница троянского героя Ахилла. Возможно, здесь скрыт намек на императора Нерона, который мнил себя великим возницей и часто выступал на ристаниях, управляя колесницей.

62. *Лацерна* — верхняя одежда мужчин. Подобно Мевии (ст. 23), девица хочет выглядеть по-мужски.

66. *Меценат* — друг Августа, покровитель многих поэтов; любил удобства и роскошь; его изнеженность вошла в поговорку. В сатире Ювенала он появляется на улицах Рима не в обычной лектике, а на носилках в виде кресла.

67. *Влажная печать* — печать вырезалась, как правило, на драгоценном камне, оправленном в кольцо. Перед тем как поставить печать, ее смачивали слюной.

69–70. *Каленское вино* — одно из лучших вин, изготавливаемых в Кампании.

71. *Лукуста* — знаменитая смесительница ядов времен Клавдия и Нерона (см. Тацит, «Анналы», 13, 15).

74. *Гиары* — небольшой скалистый остров в Эгейском море, служивший местом ссылки.

78. ... *в детской одежде развратник?* — Мальчики до 16 лет носили претексту, тогу с пурпурной каймой, которую по достижении совершеннолетия меняли на одноцветную тогу римского гражданина.

80. *Клувиен* — неизвестный нам виршеплет, современник Ювенала.

81–84. *Девкалион*, сын Прометея, и его жена *Пирра* — единственные из людей, спасшиеся после всемирного потопа. По указанию оракула они возродили человеческий род из камней, которые они бросали через плечо.

89. ...*нынче к доске не подходят...* — Игрой в кости увлекались многие императоры. Страстным игроком был Август, как видно из эпитафий, сочиненной на него во время войны с Секстом Помпеем: «Разбитый в море дважды, потеряв суда, // Он мечет кости, чтоб хоть в этом выиграть» (Светоний, «Божественный Август», 70–71). Император Клавдий даже написал книгу об игре в кости.

96. ...*ставят подачку...* — Речь идет о спортуле, корзинке с холодными кушаньями. В древности существовал обычай общей трапезы патрона и клиентов, затем съестные припасы стали выдаваться клиентам на руки; со временем угощение было заменено небольшой суммой денег. Неясно, какую спортулу имеет здесь в виду Ювенал. В обязанности клиентов входило приветствовать своего патрона по утрам и сопровождать его в общественных местах. Об общем упадке нравов говорит тот факт, что среди клиентов, упомянутых сатириком, мы видим преторов, трибунов, вольноотпущенников, разного рода карьеристов, торгашей.

100. *Потомки троян* — представители знатных римских семей, которые вели свой род от спутников троянского героя Энея.

104. ...*в ушах...женские дырки...* — как было принято на Востоке, откуда был родом вольноотпущенник. *Евфрат* — река в Месопотамии.

105. *Четыреста тысяч сестерциев* — это доход, дававший право войти в состав всаднического сословия и пользоваться соответствующими привилегиями.

106. *Пурпур широкий* — пурпурная полоса на сенаторской тоге.

107–108. *Корвин* — вероятно, Марк Валерий Корвин, потомок знатного рода, который предпочел компромиссу нищенское существование в Лавренте, неподалеку от Остии. *Паллант* — вольноотпущенник Антонии, ма-

тери Клавдия, ведавший императорскими финансами и обладавший огромным богатством в 300 миллионов сестерциев; умерщвлен Нероном в 62 г. *Лицин* — вольноотпущенник Цезаря, при Августе был наместником Галлии, прославился своим сказочным богатством.

111. ...с ногой набеленной... — Рабы, назначенные на продажу, выставлялись на рынке с набеленными ногами.

115–116. *Верность, Мир, Доблесть* и т. д. — божества, которым в Риме были воздвигнуты храмы. На крыше храма *Согласия* свил себе гнездо аист («*щелкает нам из гнезда*»).

120. *Сотня квадрантов* — 25 ассов (квадрант — четверть асса), очень скромная денежная сумма, которая могла выдаваться вместо спортулы (см. коммент. к ст. 96).

125. *Галла* — в эпоху империи очень распространенное женское имя.

128. *Аполлон-юрисконсульт* — статуя Аполлона на форуме Августа, где проводились судебные заседания.

130. *Арабский князь* (арабарх) — должность в римском Египте. Перевод неточен: египтянин и арабский князь — одно и то же лицо. Не исключено, что Ювенал имеет здесь в виду вышеупомянутого Криспина (см. коммент. к ст. 27).

143. ... в баню идешь, объевшись павлином... — Обжора против обыкновения отправляется в баню после обеда. Употреблять в пищу павлина римляне начали еще во времена Цицерона.

146. ...тело несут среди мрачных друзей... — Мысль ясна: богач умер скоропостижно, не оставив завещания, обманув таким образом ожидания друзей и охотников за наследствами, у которых нет причин радоваться его смерти.

154. *Муций* — по всей видимости, верховный жрец Публий Муций Сцевола, в 133 г. до н. э. занимавший должность консула; на него нападал в своих сатирах Луцилий.

155–157. Софоний *Тигеллин* — любимец Нерона, начальник преторианцев в 62–69 гг. После пожара Рима

в 64 г. он несомненно участвовал в расправе с христианами, о которой рассказывает Тацит: «их облачали в шкуры диких зверей, дабы они были растерзаны на смерть собаками, распинали на крестах, или обреченных на смерть в огне поджигали с наступлением темноты ради ночного освещения («Анналы», 15, 44). Стихи Ювенала явно перекликаются с этими строками Тацита.

158. *Аконит* — быстродействующий яд растительного происхождения.

162–164. *Эней* — сын Анхиза и богини Венеры, после гибели Трои прибыл в Италию, где его потомки основали Рим. Рутул, т. е. Турн, царь рутулов, населявших Лаций, соперник Энея. *Ахилл* — герой Троянской войны, воевавший на стороне греков. *Гил* — любимец Геракла, взявшего его с собой в поход аргонавтов. Во время стоянки корабля Гил отправился за водой; нимфы источника, влюбившись в прекрасного юношу, увлекли его на дно.

171. ...кого пепел зарыт... — Римляне хоронили умерших вдоль дорог; о *Фламинской* дороге см. коммент. к ст. 60, *Латинская* вела от Рима на юго-восток.

САТИРА ВТОРАЯ

2. *Савроматы* (сарматы) — общее название населения восточно-европейской низменности (от Балтийского моря до Волги).

3. *Куриш* — Род Куриев был одним из самых древних и знатных в Риме. Особенно прославился Маний Курий Дентат, победитель самнитов и Пирра (III в. до н. э.). Простота и строгость его нравов вошла у римлян в поговорку. *Вакханты* — участники вакханалий, празднеств в честь бога вина Вакха, носивших оргиастический характер. В 186 г. до н. э. на вакханалии сенатским указом были наложены строгие ограничения.

5–7. *Хрисипп* — греческий философ-стоик III в. до н. э. *Аристотель* — величайший греческий философ и ученый-энциклопедист, основатель перипатетической школы. *Питтак* Митиленский (VII–VI вв. до н. э.) —

один из «Семи мудрецов», издал первые письменные законы. *Клеанф* (IV–III вв. до н. э.) — греческий философ-стоик, ученик Зенона и учитель Хрисиппа.

10. *Сократ* — величайший греческий философ и воспитатель, учитель Платона.

15. *Волосы бреют...* — Короткие волосы служили у древних признаком аскетизма и суровой жизни. *Архигалл Перибалий* — верховный жрец богини Кибелы, Матери Богов, жрецы которой («галлы») осклапывали себя. Имя жреца, скорее всего, вымышленное.

19. *Словеса Геракла* — Геракл считался у стоиков образцом нравственных качеств.

21–22. *Секст, Варилл* — неизвестные нам развратники.

24. Тиберий и Гай *Грахи* — народные трибуны, выступившие с радикальными реформами в интересах народа, что привело к началу гражданских войн в Риме.

26–28. *Веррес* — наместник Сицилии, уличенный в лихоимстве; против него выступил с обвинительными речами Цицерон. *Милон* — римский политический деятель, враждебный Цезарю. *Клодий* — народный трибун, замешанный в нашумевшем скандале, связанном с женой Цезаря Помпеей; в 52 г. до н. э. убит в дорожной схватке сторонниками Милона. *Катилина* — обедневший римский патриций, составивший антисенатский заговор в 63 г. до н. э.; после его раскрытия бежал из Рима и пал в бою с правительственными войсками. Корнелий *Цетег* — активный участник заговора Катилины. *Сулла* — полководец и государственный деятель, впервые объявивший в Риме *проскрипции* — акцию, состоящую в публикации списков лиц, объявленных вне закона и подлежащих уничтожению. В 43 г. до н. э. *триумвиры* (Октавиан, Антоний и Лепид) повторили проскрипции, жертвой которых пал Цицерон.

29–33. *Соблазнитель*. — Имеется в виду Домициан, обольстивший дочь своего брата Тита Юлию, которая умерла вследствие применения ею сильных abortивных средств. *Законы суровые*. — Законы против развратников, обнародованные в 18 г. до н. э. императором Августом и возобновленные как раз Домицианом. Отношения

между *Венерой и Марсом* — знаменитый пример прелюбодеяния из греческой мифологии («Одиссея», 7, 266 след.; Овидий, «Метаморфозы», 6, 17 след.).

35. *Скавр* — фамильное имя в родах Эмилиев и Аврелиев. Представители этой семьи прославились как люди честные и порядочные. Необычайной строгостью и твердостью отличался Марк Эмилий Скавр, в 115 г. до н. э. консул, затем цензор. Валерий Максим называет его «светочем и украшением отечества» (5, 8, 4, ср. Цицерон, «За Мурену», 36).

36. *Ларония* — богатая бездетная вдова, прославившаяся своими свободными нравами; о ней упоминает и Марциал (2, 32, 6). Ювенал изображает ее женщиной бойкой и откровенной, гораздо лучшей, чем развратные и лицемерные мужчины.

40. *Третий Катон*. — Первый — Марк Порций Катон, прозванный Старшим, прославился своей чрезвычайной суровостью на посту цензора в 184 г. до н. э. Второй — его правнук, Марк Порций Катон Утический, приверженец стоической философии, несгибаемый боец за республику, добровольно покончивший с собой в 46 г. до н. э. «Третьим Катоном» Ларония иронически называет двуличного поборника нравов: хотя он и оброс бородой, как Катон Утический, его выдает запах духов.

44. *Скантинийев закон*. — Этот закон был направлен против мужеложества.

49. *Мевия, Клувия, Флора, Катутла* — имена, которыми в Риме пользовались развратные женщины.

55. *Пенелопа* — жена Одиссея, образец супружеской верности. *Арахна* — искусная ткачиха, дерзнувшая вызвать на состязание Афину и за это превращенная богиней в паука (см. Овидий, «Метаморфозы», 6, 5–145).

57. ...*как у любовницы грязной...* — Трудный для толкования стих. Возможно, Ювенал имел в виду мифологическую Антиопу, родившую Зевсу близнецов Зета и Амфиона. Покинутую богом Антиопу сделал своей наложницей Лик, отдав ее в услужение своей жестокой жене Дирке.

58. *Гистр* — неизвестный развратник, вступивший в связь с вольноотпущенником и сделавший его единственным наследником своего состояния (ср. 12, 111).

67–70. *Кретик* — адвокат, выступавший на процессах о супружеской неверности.

70. ...*И посудимая тоги такой не наденет.* — Матроны носили столу и тунику. Куртизанкам было запрещено их надевать; они пользовались особой одеждой блудниц.

87. *Добрая Богиня* — италийское божество плодородия, покровительница женщин. Ей было посвящено два празднества в году, одно из которых справлялось 1 мая в храме на Авентине. Присутствие мужчин строгойше воспрещалось. В жертву ей приносилась свинья как символ плодородия. В императорскую эпоху праздники в честь богини нередко превращались в гнусные сборища. Ювенал прямо говорит о том, что в его время таинства посещали одни лишь мужчины с единственной целью предаваться разврату (ср. 6, 314–346).

91–92. *Батты* — жрецы оргиастического культа фракийской богини плодородия Котито.

95. *Приап* — сосуд в форме фаллоса, названный по имени бога сладострастия Приапа.

98. ... *клянутся Юноной.* — Юнона — покровительница брака и матрон, ее именем обычно клялись домашние рабыни.

99–100. *Отон* — римский император в 69 г., известный своей женственностью и изнеженностью. «Он ухаживал за собою почти как женщина, волосы на теле выщипывал, жидкую прическу прикрывал накладными волосами, прилаженными и пригнанными так, что никто о том не догадывался, а лицо свое каждый день, с самого первого пушка, брил и растирал моченым хлебом, чтобы не росла борода» (Светоний, «Отон», 12). В стихах 99–100 Ювенал пародирует два полустигии вергилийской «Энеиды» (3, 268 и 12, 94). Смысл заключается том, что Отон ценил зеркало так же, как Турн (см. коммент. к 1, 162) копье, которое он отнял у *аврунка Актра*.

104–106. *Гальба* — римский император (в течение семи месяцев); после того как он был убит в 69 г., власть перешла к Отону, который через три месяца был разбит Вителлием при *Бебриаке* (точнее, Бедриаке) и покончил с собой.

108–109. *Семирамида* — легендарная царица *Ассирии*, известная своей распущенностью и любовью к роскоши. *Клеопатра* — царица Египта, любовница Юлия Цезаря, затем Марка Антония. В 31 г. до н. э. Клеопатра и Антоний были разбиты Октавианом в морском сражении при *Акци*.

111. *Кибела* — см. коммент. к ст. 15.

117–118. *Грах* — личность неизвестная; он выходит замуж за трубача. Пример подобных браков подал Нерон, сначала женившись на мальчике Споре, а затем выйдя замуж за вольноотпущенника Дорифора (см. Светоний, «Нерон», 28–29).

121. *Цензор* — блюститель нравственности граждан; *гарустик* — жрец, предсказывающий будущее, однако вряд ли ему удастся истолковать этот необычный брак.

125. ...*носил на священном ремне...* — Следовательно, распутный Грах был одним из салиев, т. е. принадлежал к патрицианской коллегии жрецов Марса, которые ежегодно в первый день марта обходили город, приплясывая и ударяя копьями в священные щиты.

128. *Градив* («шествующий впереди» воин) — древний эпитет Марса, часто встречающийся в эпической поэзии.

131. *Отец* Марса — Юпитер.

132. *Марсово поле* — низменность в излучине Тибра, где проходили народные собрания, спортивные состязания и военные смотры.

133. *Долина Квирина* — район между Квириналом и Виминалом, названный по имени древнейшего бога Италии.

141. *Бабка-лидийка* — опытная знахарка; к ней обращались за помощью бесплодные женщины.

142. *Луперки* — жрецы Фавна, бога плодородия, покровителя стад и пастухов; в его праздник 15 февраля луперки обегали кругом Палатинский холм, нанося

встречным удары ремнями из козьих шкур; считалось, что такой удар исцеляет женщин от бесплодия.

145–146. *Капитолины* — потомки Манлия Капитолийского, который в 390 г. до н. э. спас Рим от галлов; *Марцеллы* отличились во 2-й Пунической войне; *Павел Эмилий* — победитель македонского царя Персея; Гай Лутаций *Катул* — консул 242 г. до н. э., победой при Эгатских островах завершивший 1-ю Пуническую войну; *Фабии* — патрицианский род, прославившийся в истории Рима.

148. ...кто устраивал сам... — организатор игр император Нерон.

149. *Маны* — обожествленные души умерших.

150. *Харон* — мифический перевозчик душ умерших через Ахерон или Стикс («пучина стигийская») в подземное царство.

153–155. Римляне героических времен: *Курий Дентат* (см. коммент. к ст. 3), *Сципионы* — Старший, победитель Ганнибала, и Младший, разрушитель Карфагена; *Фабриций*, прославившийся справедливостью и бескорыстием в войне против Пирра; *Камилл*, победивший галлов и удостоенный почетного титула «второго основателя Рима»; *Фабии*, в количестве трехсот человек погибшие в битве у реки Кремеры, и *павшие в Каннах юноши* — сорок тысяч римлян, отдавших жизнь в знаменитом сражении с Ганнибалом в 216 г. до н. э.

160. *Юверна* — Ирландия, *Оркады* — острова к северу от Шотландии, завоеванные в 84 г. до н. э. Агриколой.

164. *Залак* — должно быть, один из армянских заложников.

165. *Эфеб* (греч.) — в Афинах и других греческих городах юноши старше 18 лет.

170. *Артаксата* — столица Большой Армении.

САТИРА ТРЕТЬЯ

3. *Кумы* — приморский город в Кампании; когда-то богатый и многолюдный, он пришел в запустение в им-

ператорскую эпоху; неподалеку от него находилась пещера, где пророчествовала *Сивилла*, легендарная женщина-прорицательница.

4–5. *Байи* — кампанский город с теплыми сернистыми источниками; курортное место. *Прохита* — редко посещаемый островок у побережья Кампании; *Субура* — самая оживленная часть Рима, с множеством лавок и притонов.

9. ...*читают стихи даже в августе знойном...* — Страсть к публичным чтениям побуждала многих поэтов выступать с декламацией своих стихов даже в самое жаркое и нездоровое время, когда все, кто только мог, старались уехать из города (см. коммент. к ст. 1, 6).

11. *Капена* — ворота в южной части Рима, через которые шла Аппиева дорога; над ними проходил древний водопровод, отсюда — эпитет «*отсыревший*».

12. *Нума* — второй царь Рима, которому давала советы в государственных делах его легендарная супруга нимфа Эгерия, которой были посвящены роща и источник у Капенских ворот.

14. ...*корзина да сено...* — В них иудеи помещали пищу, чтобы сохранять ее горячей в течение всей субботы, так как в этот день по религиозным установлениям запрещено было пользоваться огнем.

15. ...*уплачивать подати народу...* — Иудеи, изгнанные Домицианом из Рима, поселились за чертой города, взяв в аренду рощу у Капенских ворот, где они промышляли попрошайничеством у проезжавших по Аппиевой дороге.

16. *Камены* — древнеиталийские божества, нимфы источников, обладавшие даром прорицания, из них Эгерия была самой известной.

17–18. ...*к пещерам // Ложным...* — В роще бил древний священный источник, обезображенный новейшими сооружениями.

21. *Умбриций* — друг поэта.

25. *Дедал* — см. коммент. к ст. 1, 53–54. Согласно некоторым легендам, Дедал, улетев с Крита, приземлился в *Кумах* («Энеида», 6, 14 след.).

27. *Лакеса* — вторая из трех сестер Парок, богинь судьбы, отмерявшая нить человеческой жизни.

29. *Арторий*, *Катул* — неразборчивые в средствах дельцы, готовые ради денег взяться за любое дело.

33. ...*рабов ведут под копьё*... — Знаком публичных торгов было воткнутое в землю копьё.

53. *Веррес* — см. коммент. к ст. 2, 26–28.

54. *Таг* — река в Испании.

60. *Квириты* — древнее название римских граждан.

61. *Ахейцы* — т. е. уроженцы Греции (Ахайи), а не Малой Азии и других регионов восточного Средиземноморья.

63–64. *Самбука* — струнный инструмент треугольной формы, разновидность арфы; *тимпан* — бубен; на нем играли обычно женщины во время вакханалий.

69–70. *Сикион* — город в Пелопоннесе; *амидонец* — житель Амидона, города в Македонии; *Андрос и Самос* — острова Эгейского моря, *Траллы и Алабанда* — города Малой Азии.

71. *Эсквилин* — один из семи холмов Рима; *Виминал* — соседний с ним холм; здесь: вместо города Рима.

74. *Исей* — современник Ювенала, оратор из Ассирии, имевший в Риме широкую известность.

79. *Тот, кто на крыльях летал* — Дедал.

83. *Тот, кто в Рим завезен со сливами вместе и смоквой?* — Сливы и смоквы пользовались в Риме огромным спросом. Их завозили в большом количестве из Сирии.

85. *Авентин* — один из холмов Рима. *Сабинский* — здесь: в смысле древнеримский. Сабинские обычаи считались образцом древней простоты и чистоты нравов.

89. *Антей* — великан, которого задушил *Геркулес* раньше, чем тот успел коснуться матери-земли, дававшей ему новые силы.

93–94. *Фаида и Дорида* — характерные персонажи греческой комедии. Женские роли исполнялись мужчинами.

98–99. *Стратокл, Антиох, Гем, Деметрий* — актеры эпохи Домициана (см. Квинтилиан, «Образование оратора», 11, 3, 178).

116–119. *Стоиком слывиший старик...* — Публий Эгнаций Целер, давший в 66 г. ложные показания против своего друга Барей Сорана. Эгнаций, пишет Тацит, «носил личину последователя стоической школы; искушенный в притворстве, он внешностью и речами изображал добродетель, но в духе был хитер, коварен, жаден и похотлив» («Анналы», 16, 32). ...*уроженец того побережья...* — т. е. города Тарса в Киликии, где упало перо из крыла Пегаса, волшебного коня, родившегося из туловища *Горгоны* Медузы, убитой Персеем.

120. *Протоген, Дифил, Гермарх* — имена греков-интриганов, сумевших втереться в доверие влиятельных римлян и оттеснивших всех клиентов.

130. *Модия, Альбина* — богатые старухи-вдовы, не имеющие прямых наследников.

132–136. *Кальвина, Каттиена* — две дорогие куртизанки, доступные далеко не каждому, как и *Хиона*, о которой человек с небольшим доходом может лишь мечтать.

137–139. ...*идейской богини // Гостеприимец...* — Публий Корнелий Сципион Назика; в 204 г. до н. э. ему, как лучшему человеку в Риме, римский сенат доверил хранить в своем доме черный камень, символ Кибелы, Матери Богов, привезенный в Рим из Пессинунта (Малая Азия). (Тит Ливий, 29, 14, 5–8). *Спас из пламени храма Минерву* — Луций Цецилий Метелл, консул 251 г. до н. э., спас из горящего храма Весты статую Минервы.

144–145. ...*алтарем...Самофракийским...* — На острове Самофракии в Эгейском море находилось святилище кабиров, хтонических богов малоазийского происхождения.

153–159. ...*Кресла очисти для всадников...* — По закону *Росция Отона*, принятому в 67 г. до н. э., в театре всадникам отводились 14 рядов, следовавших за рядами сенаторов. Имущественный *ценз* всадников — 400 тысяч сестерциев.

162. *Эдилы* — римские должностные лица, в обязанности которых входило наблюдение за порядком и благоустройством города, а также проведение общественных игр.

169. *Марсы и сабеллы* — племена, населявшие горные области центральной Италии.

174–175. *Эксодий* — заключительный дивертисмент после спектакля.

177. *Орхестра* (в Риме) — первые ряды перед сценой, где сидели сенаторы и почтенные гости.

185. Авл Фабриций *Вейетон* — известный доносчик и обвинитель при Нероне, Домициане и Нерве. Ювенал изображает его, как и *Косса* (пред. стих), полным спеси.

190–192. *Пренесте, Вольсини, Габии, Тибур* — маленькие тихие города, расположенные недалеко от Рима.

198. *Укалегон* — имя троянца, дом которого сгорел одним из первых при взятии Трои; здесь: в смысле «сосед» (пародия на «Энеиду», 2, 311).

203. *Прокула* — известная в Риме карлица, *Кодр* — какой-то горожанин с очень скромным достатком.

205. *Хирон* — мудрый, благожелательный к людям кентавр, наставник многих греческих героев.

212. *Астурик* — богач, ближе неизвестный.

213. *Претор* — должностное лицо, второе по рангу после консула, отвечающее за судопроизводство в Риме.

217. *Евфранор и Поликлет* — знаменитые греческие скульпторы.

224. *Сора, Фабратерия, Фрузион* — города в Лации, недалеко от Аквина, родного города Ювенала.

229. ...*пир... для сотни пифагорейцев*. — Пифагор и его последователи были вегетарианцами.

238. *Друз* — одно из имен императора Клавдия, отличавшегося крепким сном. *Морская корова* — тюлень, считавшийся самым сонливым животным.

240. *Либурна* — легкое и быстрое судно; лектика богача проносится над головами прохожих, как либурна по морю.

250. ...с своей собственной кухней — то есть спортулой (см. коммент. к ст. 1, 96).

251. Гней Домиций *Корбулон* — выдающийся римский полководец в правление императоров Клавдия и Нерона; отличался большим ростом и силой.

254–255. ...елку шатает // С ходом телеги... — В виде исключения в Риме при строительстве общественных зданий для подвоза материалов можно было пользоваться повозками в дневное время.

257. *Лигурийские камни* — то есть мрамор, который добывался на севере Италии, в Лигурии.

262–263. ...скребочком // ...звонит, собирает белье, наполняет флаконы. — То есть простой народ собирается в баню; флаконы заполняются маслом для умащения тела.

267. ...нет монетки во рту. — Монета, которую клали покойнику в рот для платы Харону за перевоз через *Стикс* в подземном царстве (см. коммент. к ст. 2, 150).

279. ...не спит, как *Пелид*... — сын Пелея, греческий герой Ахилл безутешно оплакивал смерть своего друга Патрокла («Илиада», 24, 9–11).

296. *Синагога*. — Около синагоги обычно толпились нищие.

306. *Понтийские болота, галлинарские леса* — убежища разбойников, откуда они совершали набеги на Рим.

319–321. *Аквин* — город, в котором родился Ювенал; в нем находились два храма — *Цереры*, богини земледелия и хлебных растений, и *Дианы*, богини охоты. Церера названа *Гельвинской*, то есть «золотистой», что хорошо подходит для богини злаков.

САТИРА ЧЕТВЕРТАЯ

1. *Криспин* — о нем см. коммент. к 1, 26–27.

10. ...с которым недавно лежала весталка... — Весталки, жрицы римской богини Весты, были обязаны блюсти строгий обряд целомудрия, при нарушении которого их заживо закапывали в землю. При Домициане была казнена весталка Корнелия (Светоний, «Домициан», 8, 4).

12. ...нравов судом... — См. коммент. к 2, 121.

15. *Барвена*, или краснобородка — рыба; среди гурманов особенно ценились ее крупные экземпляры.

23. Марк Гавий *Апиций* — известный римский чревоугодник времен императора Тиберия. Его имя сделалось нарицательным. Ему приписывается дошедший до нас трактат по поваренному искусству.

24–25. ...подпоясан // *Нильским родным тростником*... — В Египте, откуда родом Криспин, папирус служил для изготовления одежды.

27. *Апулийцы* — жители Апулии, области на юге-востоке Италии.

31. *Великая Палата* — правильное: Палатин; один из холмов Рима, где в императорскую эпоху селились богатые придворные.

34. *Каллиопа* — муза эпической поэзии.

35. *Пиэриш девы* (Пиэриды) — эпитет, применяемый римскими поэтами к музам. Название происходит от области Пиэрия в Македонии.

38. *Лысоголовый Нерон* — Домициан. Ювенал называет его Нероном за чудовищную жестокость.

40. *Анкона* — припортовой город на Адриатике, основанный дорийскими колонистами.

42. *Меотийский* — из Меотиды, то есть Азовского моря.

53. *Палфурий и Армиллат* — доносчики Домициана.

55. *Фиск* — в эпоху империи личные доходы и средства императора.

59. *Австр* — южный ветер; когда он дует, у рыбаков быстро портится улов.

60–61. *Альба* — Альба Лонга, маленький городок в Лации на берегу Альбанского озера; основан сыном троянского героя Энея и превращенный в руины еще до

республиканского периода. Там сохранялся храм *Весты* («*Меньшой*», в отличие от римской). В этом живописном месте находилась летняя резиденция Домициана.

63. ...*расступилась толпа*... — Имеется в виду толпа приближенных императора.

65. *Атрид* — Агамемнон, сын Атрея; здесь в пародийном ключе Атридом назван Домициан. *Пиценец* — рыбак из Пицены (к югу от Анконы).

75. *Либурн* — раб из северной Далмации; либурнские рабы славились огромным ростом.

76–77. *Пегас* — известный юрист, префект Рима при Веспасиане и Домициане. Он назван «*старостой*», как доверенный раб или вольноотпущенник, управляющий имением.

81. Квинт Вибий *Крисп* — видный оратор, трижды консул.

94–100. Маний *Ацилий* Глабрион — консул 91 г. Домициан заставил его выйти на арену цирка и сразиться с дикими зверями.

102–103. Луций Юний *Брут* — легендарный основатель Римской республики, изгнавший в 509 г. до н. э. из Рима царя Тарквиния Гордого, носившего бороду. *Бородатый Домициан* — в латинском тексте — «бородатый царь».

105. *Рубрий* Галл — полководец при императоре Отоне, соблазнивший племянницу Домициана Юлию.

107. *Монтан* — возможно, Юний Монтан, консул 81 г.

108. *Криспин* — египтянин, пропахший *бальзамом*, ароматическим веществом, используемым при погребении умерших.

109. *Помпей* — доносчик времен Домициана; ближе неизвестный.

112. Корнелий *Фуск* — префект преторианцев, погибший в 87 г. в войне с даками.

113. *Фабриций Вейетон* — см. коммент. к 3, 185. Луций Валерий *Катулл* Мессалин — консул 73 г., грозный доносчик в правление Домициана; в старости ослеп.

117. ...у телег арицийских... — На дороге через Арицию (на Альбанских холмах, недалеко от Рима) находился мост, где нищие просили милостыню у проезжих.

121. *Кишк* — гладиатор, привезенный из Киликии (Малая Азия).

122. *Пегма* — театральная подъемная машина.

123. *Беллона* — богиня войны.

127. *Арвираз* — вождь одного из племен, населявших Британию.

133. *Прометей* — титан, сотворивший людей из глины.

138. *Фалерн* — лучший сорт итальянского вина из северной Кампании.

141–142. *Цирцейский мыс* — скалистый мыс в Тирренском море; *утесы Лукрина* — Лукринское озеро (в Кампании); *глубины рутупийские* — Рутупии, портовый город в Британии.

147. *Хатты* и *сикамбры* — германские племена; в 83 г. Домициан одержал над хаттами победу.

153. *Сгинул он...* — Домициан был убит в результате дворцового заговора в 96 г. *Ламии* — Луций Элий Плавтий Ламия, одна из жертв домициановского произвола.

САТИРА ПЯТАЯ

3–4. *Сармент* и *Габба* — придворные шуты при дворе Августа. О Сарменте см.: Гораций, «Сатиры», 1, 5.

17. *Третье сиденье* на третьем (нижнем) ложе считалось наименее почетным.

23. *Повозка Волопаса* — одно из самых ярких созвездий северного полушария (Большая Медведица).

24–25. *Такого вина не стерпела б // Для промывания шерсть.* — Дешевое вино использовалось для очистки шерсти от жира. *Корибанты* — жрецы богини Кибелы; прославились своими разнузданными и жестокими оргиями.

28. *Сагунтинская бутыл* — глиняная бутылка для воды, из испанского города Сагунта.

30. *Время консулов долгобородых* — в старину все римляне носили бороду; обычай брить ее вошел около 300 г. до н. э., когда в Рим из Сицилии впервые прибыли цирюльники (см. коммент. к 4, 103–104).

31. *Союзные войны* — восстание италиков в 91–88 гг. до н. э. (Союзническая война).

33–34. *Альбанская, сетинская лоза* — холмы к югу от Рима славились своими виноградниками.

36. Тразея *Пет* и его зять *Гельвидий* Приск — вожди стоической оппозиции при Нероне. Ювенал называет их имена как мужественных борцов против тирании.

37. *Бруты* — Луций Юний Брут, легендарный освободитель Рима от тирании Тарквиния Гордого (см. коммент. к 4, 102–103). Марк Юний *Брут* и Гай *Кассий* Лонгин — вожди заговора против Цезаря в 44 г. до н. э.

38. *Виррон* — богатый хозяин дома. *Слеза Гелиады* — янтарь. Гелиады, дочери Солнца (Гелиоса), так горестно оплакивали гибель своего брата Фаэтона, что боги превратили их в тополя, а их слезы — в янтарь.

45. *Ярба* — ливийский царь, отвергнутый царицей Карфагена *Дидоной* ради троянского героя Энея.

46. *Сапожник из Беневента* — Ватиний, приближенный Нерона, известный доносчик и обвинитель. Его именем назывались сосуды с четырьмя носиками.

50. *Геты* — племя на берегах Дуная.

53. *Гетулы* — кочевой народ в северо-западной Африке.

57. Тулл Гостилий и Анк Марций — цари Рима.

59. *Ганимед* — сын царя Троса, за необыкновенную красоту похищенный Зевсом и взятый им на Олимп, где стал виночерпием богов.

77. ...*бежал к эсквилинским высотам...* — На Эсквилинском холме находились дома богатых римлян.

86. *Венафранское масло* — Венафр, древний город в Кампании, славившийся оливковыми рощами.

89–90. *Миципса* (царь Нумидии) и *Боккар* (царь Мавритании) — здесь: нарицательные имена для обозначения африканцев; от них спасаются бегством в банях из-за зловонного масла, которым они натирают свое тело.

93. *Тавроменийская скала* — город на восточном побережье Сицилии.

98. *Лена*, ловец наследств, дарит *Аврелии* лакомства, чтобы расположить ее к себе, а та перепродает их.

102. *Пролив Харибды* — Мессинский пролив.

106. *Субура* — см. коммент. к 3, 5.

109. *Сенека*, государственный деятель, философ и писатель; *Пизон*, глава заговора против Нерона; *Котта*, философ и политик, названы как образцы щедрых патронов.

115. *Мелеагр* — сын калидонского царя, убивший чудовищного вепря.

118. *Алледий* — богатый обжора; ближе неизвестный.

126. *Носишь три имени...* — Личное, родовое и семейное, как все свободные граждане (например, Марк Туллий Цицерон). *Как* — разбойник-великан, обитавший на Авентийском холме; убит Геркулесом за то, что похитил у него коров.

133. *...четыреста тысяч...* — См. коммент. к 3, 153–159.

141. *Микала* — рабыня-наложница; ее дети не могли претендовать на наследство и поэтому не вызывают беспокойства друзей богатого патрона.

143. *Панцирь зеленый* — одежда возницы цирковой партии «зеленых». Из этого стиха видно, что дети римлян играли в цирковые состязания (ср. 7, 114 и 11, 198).

147. *...какие ел Клавдий...* — Агриппина отравила своего мужа, императора Клавдия, блюдом из грибов (ср. 6, 620).

151–152. *Феаки* — мифический народ, обитавший на острове Схерия («Одиссея», 7), богатом фруктовыми садами; *сестры африканские* — Геспериды, хранительницы чудесных золотых яблок в саду богов на крайнем Западе. У римлян яблоками заканчивался обед.

154. *...обезьяны верхом на козлах...* — Дрессированные обезьянки-жонглеры.

165. *Знак из этрусского золота*. — Дети полноправных римских граждан носили в качестве амулета зо-

лотой шарик-буллу, у детей вольноотпущенников булла была кожаная.

171–172. ...голову с бритой // Маковкой... — У рабов брили голову, в комедии бритая голова — признак глупца.

САТИРА ШЕСТАЯ

1. *Сатурн* — древнейший римский бог урожая; считался справедливым и добрым повелителем золотого века, царившего в Италии. *Стыдливость* — римское божество; в Риме ей было посвящено два храма.

4. *Лары* — божества, охранявшие домашний очаг и семью.

7. *Цинтия* — имя возлюбленной поэта Проперция (1 в. до н. э.).

8. *Та, чьи...взоры смутил воробей...* — Лесбия, возлюбленная поэта Валерия Катулла (1 в. до н. э.), оплакавшего в стихах смерть ее ручного воробья.

12–13. ...из трещины дуба // Или из глины комка... — По представлению древних, первые люди были рождены из дуба или созданы Прометеем из глины (см. коммент. к 4, 133).

15. *Юпитер* — сын Сатурна, царствовавший в серебряном веке.

19. *Астрея* — дочь Юпитера, богиня справедливости, покинувшая землю с наступлением железного века, когда нравы людей окончательно испортились.

21. *Постум* — друг, к которому поэт обращается в этой сатире.

29. *Тисифона* — одна из змееволосых Фурий, наводящих безумие.

32. *Эмилиев мост* — первый каменный мост на Тибре, сооруженный при консуле Эмилии Скавре в 179 г. до н. э.

38. *Урсидий* — развратник, ближе неизвестный. *Закон Юлия* — изданный Августом в 18 г. до н. э. закон, предусматривающий наказание за прелюбодеяние и привилегии многодетным гражданам (см. коммент. к 2,

29–33).

39–40. ...забывает он горлиц // Спинки барвен... — То есть подарки, которые он, будучи неженатым, получал в изобилии от охотников за наследством.

44. ...в ларе...*Латина!* — Латин, мимический актер, разыгрывающий роль любовника, застигнутого врасплох и прячущегося в сундуке.

48–49. *Тарпейский храм* — храм Юпитера Капитолийского, неподалеку от которого возвышался храм Юноны, богини брака и супружеской любви.

50. ...*коснуться повязок Цереры*... — На празднике Цереры, богини плодородия и покровительницы браков, присутствовали только женщины. Коснуться повязок богини во время процессии разрешалось лишь безупречным женщинам.

52. *Венки и гирлянды* из цветов служили для украшения домов новобрачных.

53. *Гиберина* — возможно, невеста или жена Постума.

56–57. *Фиденy, Габии* — маленькие провинциальные городки близ Рима.

59. *Марс и Юпитер* — здесь: неутомимые любовники.

63. *Бафилл* — знаменитый пантомим I в. н. э., изображающий в танце любовь *Леды* и Юпитера, принявшего облик лебедя.

69. *Плебейские игры* справлялись в ноябре, *Мегалезские* (в честь Кибелы) — в апреле. С середины ноября по апрель театральный сезон прекращался.

70. *Маска, тирс* (палка, увитая плющом; жезл Вакха) и *передник* — одежда вакханта. *Акк* — имя актера, игравшего женские роли.

71–72. *Эксодий* — см. коммент. к 3, 174; *ателлана* — народная комедия масок; актер *Урбик* пародирует трагическую роль *Автонои*, участвовавшей в убийстве вакханками Пенфея (см. Еврипид, «Вакханки»). *Элия* — знатная матрона, влюбленная в мимического актера, но не имеющая денег, чтобы рассчитывать на его любовь.

74–75. *Хрисогон* — модный певец и музыкант; *Гиспулла* — ср. 12, 11. *Квинтилиан* — знаменитый оратор эпохи Домициана, возможно, учитель Ювенала.

80. *Лентула знатный сынок* — то есть древнего патрицианского рода Корнелиев. *Эвриал* — гладиатор в галльском вооружении с изображением рыбки на острие шлема (*мирмиллон*).

82–84. *Эппия* — возможно, жена сенатора Фабриция Вейетона, бежавшая в Египет с гладиатором Сергием. *Фарос* — остров в устье Нила. *Город Лага* — Александрия, где прежде правили потомки Лага Птолемеи. *Каноп* — см. коммент. к 1, 26.

87. *Парис* — актер, фаворит жены Домициана, казненный императором.

105–109. *Сергиол* (уменьшительное от Сергей) достиг сорокалетнего возраста, когда римские гладиаторы обычно брили бороду.

110. *Гиацинт* — прекрасный юноша, любимец Аполлона.

113. *Меч деревянный* — знак отличия освобожденного от службы гладиатора.

115. *Равные богам* — императрицы.

116. *Клавдий* — римский император с 41 по 54 г.

119. *Августа* — Валерия Мессалина, третья жена Клавдия.

124. *Британник* — сын Клавдии и Мессалины.

146. *Вольный* — то есть вольноотпущенник. Классическая процедура развода: супруг, недовольный женой, без всякого предупреждения посылает к ней одного из своих вольноотпущенников с письменным извещением следующего содержания: «Забирай с собой свое имущество». После чего жена должна оставить дом, а муж вернуть ее приданое.

150. *Канузийские овцы* — Канузий, город в Апулии; *фалернские лозы* — в Фалернской области (в Кампании) производилось одно из лучших вин Италии.

153. ...*когда купец Язон загорожен...* — В Риме находился портик, украшенный фресками о походе аргонавтов за золотым руном. В декабре во время праздника Сатурналий Язон на фреске становился похож на купца,

так как под портиком устраивались лавки, причем разложенные на прилавках товары и огромные вывески закрывали рисунки от взоров прохожих.

155. *Сосуды из мурры* — дорогие вазы из плавикового шпата, светящегося минерала разных расцветок.

157. *Береника* — сестра и любовница Агриппы II, последнего иудейского царя.

159–160. ...*обнажением ног соблюдают субботу*... — В Иудее религиозным законом запрещалось входить в обуви в Иерусалимский храм и употреблять в пищу свиное мясо.

163. ...*С ликами древних предков*... — Знатные римляне украшали атрии и портики в своих домах бюстами предков.

164. *Сабинки* (сабинянки) положили конец сражению между похитившими их римлянами и сородичами, так как, став уже женами римлян, они не желали допустить гибели мужей и братьев (Ливий, 1, 13).

167–171. *Венузинка* — жительница провинциального городка в Лукании, родины поэта Горация. *Корнелия* — мать братьев *Гракхов* (см. коммент. к 2, 24) была дочерью Сципиона Африканского, победителя нумидийского царя *Сифакса* и карфагенского полководца *Ганнибала* в 202 г. до н. э.

172–176. *Пеан* («целитель») — одно из прозвищ бога Аполлона, сына *Латонь*; *богиня* — его сестра Диана. *Амфион* — царь Фив, супруг Ниобы; гордая своими многочисленными детьми, она смеялась над богиней Латоной, родившей только двоих — Аполлона и Диану, которые в отмщение поразили стрелами всех ее детей.

177. ...*как у белой свиньи супоросой*. — Вергилий в восьмой книге «Энеиды» рассказывает о том, как Энею, высадившемуся в Италии, было послано знамение в виде белой свиньи с тридцатью поросятами; потом на этом месте была основана Альба Лонга.

184. Точнее: «Даже и малый порок нестерпим бывает для мужа».

187. *Сульмонянка* — уроженка города Сульмона в области сабинян.

199. *Гем и Карпофор* — актеры, обладавшие мелодичными голосами.

205. *Траян и Германик* — здесь: названия золотых монет с изображением императора Траяна; после победы над германцами и даками он получил почетные титулы — «Дакийский» и «Германский».

216. *Ланиста* — учитель и начальник гладиаторов.

228. ...*зеленые ветви*. — Дома новобрачных украшались ветками лавра, мирта и плюща.

236. *Архиген* — знаменитый врач времен Траяна.

243. *Манилия* — матрона, принадлежащая к знатному роду Манилиев.

245. Публий Ювентий *Цельз* — видный римский юрист (около 100 г. н. э.).

246. *Эндроида* — плащ из шерстяной ворсистой ткани; *церома* — мазь из воска; ею натирались борцы, чтобы сделать тело скользким.

247. *Кто на мишени следов не видал...* — Гладиаторы во время тренировок использовали столбы, врытые в землю, или чучела, изображающие противника.

250. *Праздник Флоры* — Флоралии; справлялись 28 апреля — 3 мая.

265–267. *Лепид* — прозвище в роде Эмилиев; наиболее известен Марк Эмилий Лепид, заключивший с Антонием и Октавианом второй триумвират (43 г. до н. э.); *слепой Метелл* — см. коммент. к 3, 137–139; *Фабий Гург* — консул 275 и 265 гг. до н. э., полководец, дважды удостоенный триумфа. *Азил* — простой гладиатор.

280. *Квинтилиан* — см. коммент. к ст. 74–75.

291. *Коллинская башня* — у Коллинских ворот в Риме, где в 211 г. до н. э. римляне остановили Ганнибала.

296. *Сибарис* (в Калабрии), *Родос* и *Милет* (в Эгейском море), *Тарент* (в Апулии) — греческие города и колонии, известные своей роскошью и распущенностью.

307–308. *Туллия* и две *Мавры* — развратные патрицианки; *алтарь Стыдливости* — см. коммент. к ст. 1.

314. ...*таинства Доброй Богини...* — См. коммент. к 2, 87.

315. *Менады* — вакханки, спутницы бога Вакха. Охваченных похотью женщин Ювенал называет *менадами Приапа*, бога грубого сладострастия.

320–322. *Савфее* бросает вызов профессиональным проституткам. *Медуллина* — еще одна знатная развратница.

326. *Лаомедонтов сын* (Приам) и *Нестор*, царь Пилоса — мифические старцы из гомеровской «Илиады».

337–339. *Клодий* (см. коммент. к 2, 26), переодевшись в женское платье проник на запретные для мужчин таинства Доброй Богини, чтобы встретиться там с женой Юлия Цезаря Помпеей. «*Антикатон*» — несохранившийся памфлет Цезаря против Катона Утического. Римляне писали книги на длинных полосах папируса, которые сворачивали в свиток на деревянном или костяном стержне.

344. *Ватикан* — холм на правом берегу Тибра; во времена царей там изготавливалась дешевая глиняная посуда.

351. ...*лежит на плечах... у сирийцев...* — То есть в лектике, которую несут рабы сирийцы.

352. *Огульния* — обедневшая матрона, которая, тем не менее, не изменяет своим привычкам.

361. ...*Жизнь муравья...* — Имеется в виду известная басня о трудолюбивом муравье.

373. *Гелиодор* — имя известного врача-хирурга, специалиста по кастрированию.

376. *Хранитель лоз* — Приап; его деревянные изображения стояли обычно в садах и виноградниках.

382. *Плектр* — тонкая пластинка для игры на лире.

383. *Гедимел* (греч. «сладкопоющий») — имя певца.

385. *Элии Ламии*, *Аппий Клавдий* — древние римские роды.

386. *Янус* — древнее италийское божество, *Веста* — богиня домашнего очага.

387. *Поллион* — известный музыкант (ср. 7, 176 и 11, 43).

388. *Капитолийские состязания* — мусические и атлетические состязания в честь Юпитера, учрежденные

Домицианом в 86 г. по образцу Олимпийских игр в Греции.

397. *Гарусник* — жрец, предсказывающий будущее по внутренностям жертвенных животных. От длительного стояния у алтаря «у гарусника ноги опухнут».

401. ...совсем не вспотевиши. — Поэт хочет сказать, что женщины уже не испытывают как в прежние времена трепетного волнения перед великими полководцами.

403. *Серы* — жители Северного Китая; *фракийцы* — племена, населявшие Балканский полуостров.

409. *Нифат* — река в Армении.

426. ...вместимостью в целую урну... — то есть около 13 литров.

427. *Секстарий* — около 0,5 л.

435–436. Публий *Вергилий Марон* (70–19 гг. до н. э.) — величайший римский поэт, автор «Энеиды».

443. ...поможет Луне при затменье... — В Риме существовало поверье, что звуки трубы помогают Луне преодолеть затмение (см. : Ливий, 26, 5, 9; Тацит, «Анналы», 1, 28, 1–2).

446–447. ...подпоясывать тунику ... резать *Сильвану свинью*... платить по *квадранту* за баню... — То есть вести себя по-мужски: обычно только мужчины подпоясывали тунику при работе, приносили жертву *Сильвану*, богу лесов и полей, и посещали общественные бани. *Квадрант* — четверть асса, мелкая римская монета. Женщинам доступ в общественные бани стоил несколько дороже, чем мужчинам.

449. *Энтимема* — сжатое, выразительное суждение.

452. Реммий *Палемон* — римский грамматик, учитель Квинтилиана, автор недошедшего до нас трактата «Искусство грамматики».

462. *Поппеина мазь* — Поппея Сабина, жена Нерона. В Риме широкой известностью пользовались ее ванны из молока ослиц, способствовавшие осветлению кожи, и косметические маски для лица.

470. *Полярные Гипербореи* — мифический народ, обитавший на крайнем севере.

486. *Фаларис* — сицилийский тиран (VI в. до н. э.), который, согласно преданию, сжигал своих врагов заживо в полом медном баке, стоявшем над костром.

489. *Исида* — египетская богиня материнства; ее храм в Риме часто посещался римскими матронами и служил местом свиданий.

490. *Псека* — имя рабыни.

503. *Андромаха* — жена троянского героя Гектора; о ее высоком росте упоминает также Овидий («Наука любви», 2, 645 и 3, 777).

505. *Котурны* — обувь с очень толстой подошвой, использовалась трагическими актерами для увеличения роста.

511. *Беллона* — см. коммент. к 4, 123.

513. *Полумужик* — жрец богини Кибелы, добровольно оскотивший себя (см. коммент. к 2, 15).

517. *Австр* — южный ветер; древние считали, что он приносит лихорадку.

522–531. ...*нырнет она в реку...* — Искупительный и одновременно умиловляющий обряд, связанный с культом Исиды. *Гордый царь* — Тарквиний Гордый, последний царь Рима, изгнанный в 509 г. до н. э. *Ио* — возлюбленная Зевса; превращенная в корову, бежала в Египет, где была отождествлена с Исидой. ...*до знойной Мерио...* — То есть до древней столицы Эфиопии.

533. ...*в плешиевой толпе, разодетой в льняные одежды...* — Жрецы Исиды носили одежду из льна и брили голову.

534. *Анубис-пес* — египетский бог смерти; изображался в виде человека с шакальей или собачьей головой.

538. *Серебряный змей* — атрибут Исиды и ее супруга *Осириса* (ст. 540), убитого братом Сетом.

540. ...*сено свое и корзину...* — См. коммент. к 3, 14.

548. *Коммагена* — северная часть Сирии.

553. *Халдеи* — вавилонские астрологи, очень популярные в Риме.

554. *Источник Аммона* — оракул высшего египетского божества, отождествленного в Риме с Юпитером.

555. *Дельфийский оракул* — самый знаменитый оракул Греции; находился в святилище Аполлона в Фокиде; уже во времена Цицерона утратил свой авторитет.

559. *Гражданин, внушивший ужас Отону*. — Гальба, к убийству которого подталкивал Отону астролог Птолемей (Тацит, «История», 1, 22). Светоний называет астролога Селевком («Отон», 4).

564. *Сериф* — один из Цикладских островков в Эгейском море, служивший местом ссылки.

566. *Танаквила* — жена римского царя Тарквиния Приска, женщина властная и честолюбивая.

573–574. *...календарь, что лоснится, как будто // Жирный янтарь...* — Календари делались из дерева или слоновой кости.

576. *Трасилл* — прорицатель, приближенный Тиберия.

577. *Первый камень* — первый верстовой столб.

581. *Петосирус* — египетский математик и астролог.

582–583. *Пространство между столбами*. — В цирке столбы обозначали место поворота колесниц на ристалищах.

587. *...молнии...хоронит*. — Место, пораженное молнией, считалось священным и обносилось оградой.

590. *...возле...колонн с дельфином...* — В цирке на поворотных столбах ставились семь деревянных изображений дельфинов, которые убирались одно за другим после каждого круга, сделанного колесницами.

602–605. *...о подкидышах...подделано имя...* — В «грязных прудах» на овощном рынке в Риме стояла так называемая «молочная колонна», у которой подкидывали младенцев; выданный знатной матроной за своего ребенка, такой подкидыш мог стать важным жрецом (*понтифексом, салием*) и получить знатное имя. О *Скаврах* см. коммент. к 2, 35.

610. *Фессалийский яд* — Фессалия, область в Греции, славилась колдуньями и возбуждающими чувственность приворотными зельями, нередко приводящими к безумию.

615–616. *Дядя Нерона* — Калигула; его безумие приписывалось действию любовного зелья, которым его опоила жена *Цезония*. *Мозг жеребенка* — имеется в виду «гиппоман», нарост на лбу новорожденного жеребенка, который использовался для приготовления приворотных снадобий.

620. *Гриб Агриппины* — см. коммент. к 5, 147.

625. ...*зелье терзает сенаторов кровь...* — Приворотное зелье Цезонии стало причиной многих кровавых злодеяний Калигулы.

636. *Софокл* — величайший трагический поэт Греции V в. до н. э.

637. *Рутульский* — см. коммент. к 1, 162–164.

638. *Понтия* — знатная римлянка, отравившая своих детей, чтобы захватить их наследство (ср. Марциал, 2, 34; 4, 43).

643. *Прокна* — мифологическая царица, убившая сына и накормившая его мясом мужа.

644. *Колхидянка лютая* — Медея; оставленная Ясоном, она в отместку убила их общих детей.

652. *«Алкеста»* — трагедия Еврипида, повествующая о том, как жена царя Адмета добровольно отдала жизнь ради спасения мужа.

655. *Данаиды* — дочери Дана, в брачную ночь убившие своих мужей. *Эрифилла* — супруга Амфиарая, пославшая его на верную смерть.

656–657. *Клитемнестра (Тиндарида)*, то есть дочь Тиндара) — жена Агамемнона, убившая его после возвращения из Троянского похода.

660. *Атрид* — Агамемнон, сын Атрея.

661. *Митридат* — царь Понта; опасаясь отравления, принимал противоядия; был разбит в сражениях с Суллой, Лукуллом и Помпеем Великим.

САТИРА СЕДЬМАЯ

1. *Цезарь* — император Адриан, правивший со 117 по 138 г., любитель литературы и искусства. Некоторые считают, что Ювенал имеет здесь в виду императора

Траяна (98–117 гг.).

2. *Камены* — см. коммент. к 3, 16.

4. *Габши* — см. коммент. к 3, 190–192.

6. *Клио* — Муза истории, здесь: Муза вообще, оставившая свое местопребывание *Аганиппу*, на горе Геликоне в Греции, и переселившаяся в залы аукционов.

8–9. *Пиэрия* — область в Северной Греции; считалась родиной Муз (см. коммент. к 4, 35). *Махера* — имя глашатая на публичных торгах.

12. *Пакс* — неизвестный поэт, автор «*Алцитои*», поэмы, повествующей, насколько можно судить по ее названию, о дочери царя Миния, превращенной Вакхом в летучую мышь. *Фавст* — ближе неизвестен; автор упомянутых Ювеналом поэм «*Фивы*» и «*Терей*», рассказывающей о фракийском царе Терее, превращенном богами в удода.

14–16. ...*вифинцы*... *Галлия нам поставляет*. — То есть понаехавшим в Рим азиатам (*вифинцам, каппадокийцам*) благодаря лжесвидетельству и мошенничеству удалось сделать карьеру и войти в сословие всадников. *Галлия* — в тексте: другая Галлия; область в Малой Азии, куда в III веке до н. э. переселились некоторые кельтские племена Галлии. *Голопятый народ* — возможно, по обуви с открытой пяткой.

22. *Телесин* — неудачливый поэт; ближе неизвестный.

23–24. ...*пергамент // Книги шафранной*... — Обратная сторона пергамента окрашивалась в желтый цвет.

25. *Огневой супруг Венеры* — бог огня Вулкан.

28. ...*плющ заслужить и тощее изображение*... — Плющом, символизирующим бессмертие, увенчивали бюсты («*изображения*») поэтов в библиотеках.

35. *Терпсихора* — Муза танца (здесь: Муза вообще).

47. *Орchestra* — здесь: кресла для почетных слушателей.

58–59. ...*Аонидин // Ключ вдохновенья*... — Источник Муз, обитавших в Аонии (в Беотии).

60. *Тирс* — см. коммент. к 3, 70.

62. *Клич заздравный творя, Гораций... был сытым!* — Ювенал хочет сказать, что со времен Мецената, когда Гораций писал свои вакхические оды 2, 15 и 19, условия для поэтов изменились в худшую сторону. Ликующий возглас на празднествах в честь Вакха — эвое!

64. *Владыки Кирры* (пристань Дельф в Фокиде) и *Нисы* (возможно, в Индии) — Аполлон и Вакх.

67–71. Намеки на вергилиевскую «Энеиду», I, 155–156 (Нептун на колеснице); 7, 323–360 (фурия-эриния Алекто возбуждает рутулов против Энея); 7, 513–517 (зов трубы к битве).

72–73. *Рубрен Лаппа* — неизвестный поэт, создавший трагедию «*Атрей*» о мифическом царе Микен.

74–75. *Нумитор* — богач, который не находит денег для бедного поэта, но может содержать любовницу *Квинтилле* и *ручного льва* (см. 8, 93).

79–81. *Лукан* — поэт эпохи Нерона, автор «*Фарсалии*»; был очень богат; *Серран* и *Салей Басс* — поэты эпохи Домициана; богатством не отличались.

82–83. Папиний *Стаций* (ум. в 96 г.) — эпический поэт, автор «*Фиваиды*», которая, несмотря на шумный успех, денег поэту не принесла.

87. «*Агава*» — либретто мима о матери, в вакхическом безумии разорвавшей на части своего сына Пенфея. *Парис* — см. коммент, к 6, 87.

89. ...на полгода кольцом золотым обручает поэтов. — Военные трибуны, назначенные на шесть месяцев, носили как знак отличия золотое кольцо.

91. *Камерины* — прозвище в знатном роде Сульпициев; *Барей* — в роде Сервилиев (ср. 3, 118).

92. «*Пелопея*» и «*Филомела*» — названия пантомим или трагедий; первая о дочери, изнасилованной отцом, вторая — о дочери, изнасилованной зятем. Согласно древнему «Жизнеописанию Ювенала», эти стихи стали причиной ссылки поэта.

94–95. *Прокулей* — зять Мецената, покровитель поэтов (см. Гораций, «Оды», 2, 2); *Фабий* Максим Павел и Аврелий *Котта* Мессалин — любители поэзии (см. Овидий, «Письма с Понта»). *Лентул* Спинтер — консул

57 г. до н. э., требовал возвращения Цицерона из ссылки.

97. ...*декабрь без вина оставаться*. — В декабре справлялись Сатурналии, во время которых римляне охотно предавались излишествам.

114. *Лацерта* — цирковой возница партии «красных». В римском цирке каждый возница выступал в одежде определенного цвета своей команды: белой, красной, зеленой и голубой.

115. ...*поблудневшим Аяксом*... — Аякс тщетно пытался отстоять свое право на оружие Ахилла в споре с хитрым и красноречивым Улиссом; вероятно, поэтому он «поблудневший».

118. *Пальму зеленую дали тебе*... — Награда выигравшему в суде дело — пальмовый венок и немного денег.

120. *Пеламида* (греч.) — рыба тунец (до годовалого возраста).

121. ...*вина, подвезенного Тибром*... — То есть привезенного из Тосканы; в сравнении с винами из Кампании, тосканские вина считались плохими.

122. ...*заработал червонец*... — то есть золотую монету; во времена Республики она была достоинством в сто сестерциев, во времена Ювенала — гораздо меньше.

123. *Прагматик* — судебный консультант.

124–128. *Эмилий* — богатый адвокат времен Домициана. Он не жалеет средств на то, чтобы создать себе репутацию выдающегося человека.

129–130. *Педон, Матон, Тонгилий* — малоизвестные адвокаты, современники Ювенала. О Матоне, доноскике Нерона, см. I, 32. *Притиранья из носорога* — из рога этого животного изготавливались ценные мази.

132–133. *Слуги мидийские* — то есть из Мидии (в Азии); *мурринские сосуды* — см. коммент. к 6, 155.

144. *Павел* — неизвестный адвокат; он прибегает к разным уловкам, чтобы взять напрокат дорогие кольца, и поэтому зарабатывает больше своих коллег *Басила* и *Галла*, хотя и красноречивых, но уступающих ему в хитрости.

149–150. *Галлия примет тебя...* // Или же *Африка...* — В этих двух провинциях уже несколько десятилетий процветали крупные риторические школы.

151. *Веттий* — современный Ювеналу учитель риторики. ...*уничтожил тиранов!* — Излюбленная тема школьных декламаций.

154. *Теми же щами...* — Лат. *crambe repetita* «повторенная, то есть подогретая капуста» — поговорочное выражение о чем-либо надоедливо повторяющемся.

159. ...*у аркадского парня...* — То есть неотесанного мужлана. В Аркадии разводили великолепных ослов.

161–164. «*Ганнибал*» — еще одна тема школьной декламации из истории 2-й Пунической войны (218–201 гг. до н. э.).

169–170. ...*уж довольно отрав...* // Или *котлов...* — другие темы декламаций, в частности, о мифологической Медее.

174. *Тессера* — жетон, который выдавался беднякам для получения хлеба при даровых раздачах.

176–177. *Хрисогон* и *Поллион* — модные музыканты (см. 6, 74 и 387). *Феодор* Гадарский — видный ритор, наставник императора Тиберия.

182. *Нумидийские колонны* — из ценного африканского мрамора.

187–193. Марк Фабий *Квинтилиан* — выдающийся оратор эпохи Домициана, первый учитель риторики, получавший в Риме государственное содержание. ...*сапоги с застежками лункой...* — обувь патрициев.

199. Публий *Вентидий* Басс — сторонник Гая Антония; в юности был погонщиком мулов, в 43 г. до н. э. стал консулом, в 38 г. до н. э. — триумфатором. Сервий *Туллий* — шестой царь Рима, был сыном рабыни.

204–205. *Лисимах*, *Секунд Карринатский* — риторы. О первом из них ничего не известно, о втором сообщает историк Дион Кассий (59, 20): изгнанный из Рима по приказанию Калигулы и доведенный до нищеты, он покончил с собой в Афинах, выпив цикуты, как философ Сократ, который был бедняком.

212. *Кентавр* — Хирон, учитель Ахилла.

213–215. *Руф* — ритор из галльского племени аллоброгов; *Келад* — ближе неизвестен; Реммий *Палемон* — см. коммент. к 6, 452.

226–227. Речь идет о бюстах Горация и Вергилия, которые от копоти многочисленных лампад стали черными.

228. ...у *трибунов дознанье*... — Возможно, речь идет о трибуне, исполнявшем при квесторе должность казначея; в его обязанности входило распределять даровые государственные раздачи и в случае сомнения проверять имущественное положение получателей.

233–237. Примеры бесполезной эрудиции: *Анхиз*, *Анхемал*, *Ацест* — персонажи «Энеиды» (I, 195; 10, 388–389); 5, 73.

САТИРА ВОСЬМАЯ

3–5. *Эмилианов род*. — К нему принадлежала знатнейшая римская фамилия Сципионов. *Куриш*. — См. коммент. к 2, 3. Валерии *Корвины*, Сульпиции *Гальбы* — прославившиеся в истории Рима фамилии. В домах знатных римлян стояли мраморные изваяния предков в виде бюстов или скульптурных групп («*предков портреты*»).

6. ...в *большущей таблице*... — Имеется в виду генеалогическая таблица в виде дерева.

9. *Лепиды* — фамильное имя в роде Эмилиев; наиболее известен Марк Эмилий Лепид, заключивший с Антонием и Октавианом 2-й триумвират (43 г. до н. э.).

13–14. *Фабиш* — здесь речь идет о консуле 121 г. до н. э., победителе галльского племени аллоброгов. Фабиям была оказана честь надзирать за жертвенником, посвященным Геркулесу («*большой алтарь*»).

15. *Евганский ягненок* — с альпийских пастбищ.

16. *Пемза катанская* — из лавы Этны, около сицилийского города Катины (ныне Катания).

21. *Косс* — Корнелий Лентул Косс Гетулик, консул I в. до н. э., воевавший с африканским племенем гетулов; Клавдий Нерон *Друз* — пасынок Августа, римский полководец, успешно воевавший с германцами в 12–

11 гг. до н. э. *Павел* — Марк Эмилий Павел, консул, убитый при Каннах в 216 г. до н. э., или его сын Луций Эмилий Павел Македоник, победитель царя Персея в 168 г. до н. э.

23. *Ликторы* — почетная стража высших должностных лиц в Риме; они несли на руках фасции — связанный ремнями пучок прутьев с воткнутым в него топориком.

29. ...обретя *Осириса*. — По одной из версий мифа об Осирисе, он был разрублен Сетом на 14 частей, которые были разбросаны по всему Египту. Исида собрала все части тела супруга и погребла в Абидосе. Во время мистерий, посвященных Осирису, воспроизводились поиски, оплакивание и погребение бога.

32. *Атлант* — титан, державший на своих плечах небесный свод.

33. *Европа* — дочь финикийского царя Агенора, похищенная Зевсом в облике быка.

38. *Камерин* — фамильное имя в роде Сульпициев. О Скрибониане Камерине, консуле 46 г., рассказывает Тацит («История», 2, 72). *Кретик* — прозвище Квинта Цецилия Метелла, который в 67 г. до н. э. завоевал Крит.

39–40. *Рубеллий Бланд* — дальний потомок (по женской линии) Августа и Цезаря; современник Ювенала.

42. *Юл* — сын Энея, легендарный родоначальник рода Юлиев, к которому принадлежал Юлий Цезарь.

46. *Кекропов внук*. — Согласно легенде, Кекроп был первым царем Атики.

51–52. *Орлы* — значки римских легионов; *батавы* — западногерманское племя, жившее в устье Рейна.

53. *Герма* — столб, посвященный Гермесу, богу путников и дорог.

56. *Тевкры* — троянцы. Тевкр считался первым царем Трои.

62. *Корифей, Гирпин* — клички скаковых лошадей (ср. Марциал, 3, 63, 12).

81. *Фаларис* — см. коммент. к 6, 486.

85. *Лукринские устрицы* — см. коммент. к 4, 141–142.

86. *Косм* — знаменитый римский парфюмер.

92. *Курия* — здание заседаний сената; в переносном смысле — сам сенат.

93–96. Коссуциан *Капитон* — при Нероне был осужден за вымогательство в бытность свою наместником Киликии. *Нумитор* — личность неизвестная. *Херипп* — провинциал, ограбленный сначала *Пансой*, затем *Наттой*; поэт советует ему обратиться за помощью к *прекону* — глашатаю на торгах, чтобы продать остатки своего имущества на аукционе.

102–104. *Мирон*, *Фидий*, *Поликлет* — величайшие скульпторы V в. до н. э., *Ментор* — чеканщик, а *Паррасий* — живописец IV в. до н. э.

105–106. Гай *Антоний* Гибрида — дядя триумвира; прославился грабительством во время своего проконсульства в Македонии в 62 г. до н. э.; *Гней Корнелий Долабелла* — пропретор в Киликии, осужденный за лихоимство в 78 г. до н. э.; *Веррес* — см. коммент. к 2, 26.

110. *Лары* — здесь: изображения богов, охранявших дом и семью.

113. ...*сверху глядишь на Коринф умащенный, на Родос...* — Жители Родоса и Коринфа имели славу людей утонченных и невоинственных.

117. ...*жнецов, что питают Рим...* — То есть жителей Египта и Африки, снабжавших Италию хлебом.

120. *Марий* Приск — см. коммент. к I, 49.

126. *Пророческий свиток Сивиллы*. — Согласно преданию, Кумская Сивилла продала римскому царю Тарквинию Приску три книги с предсказаниями, которые хранились в строжайшей тайне.

128. *Долговолос* — юный любовник наместника.

129. *Гарпия* — крылатое чудовище, птица с девичьей головой.

131. *Пик* — древнейший царь Лация; сын Сатурна.

137. *Ликторы* — см. коммент. к ст. 23.

145. ...*из шерсти сантонской!* — Сантоны — галльское племя; из-за сурового климата они носили одежду с капюшоном, под которым можно было полностью скрыть лицо.

146. ...*мимо праха отцов и костей их...* — Древние римляне хоронили умерших вдоль дорог.

147. Плавтий *Латеран* — консул 65 г., любовник Мессалины.

157. *Эпона* — богиня коневодства; ее изображения в виде молодой женщины верхом на коне или муле помещались в конюшнях.

160. *Идумейские ворота* — Идумея — область в южной части Палестины.

162. *Киана* — жена или рабыня владельца харчевни.

167–168. *Холщовые вывески с надписью* — над тавернами, открытыми прямо на улицу.

170–172. *Рен* — Рейн, *Истр* — Дунай, *Остия* — гавань Рима.

180. ...*в этрусский острог...к луканам* — то есть в места, где труд рабов был особенно тяжелым.

182. *Волез* — предок древнейшего римского рода Валериев.

185–186. *Дамасипп* — римский патриций, promovший свое состояние и теперь развлекающийся игрой на сцене, где он исполняет произведения mimoграфа *Катулла*.

187. *Лентулы* — представители знатной римской фамилии. «*Лавреол*» — мим, в котором изображалась, помимо прочего, казнь героя — разбойничьего главаря — на кресте.

191. *Фабиш* — см. коммент. к 2, 145–146. *Мамерк* — легендарный родоначальник Эмилиев, живший во времена Нумы Помпилия.

197. *Тимела* — см. коммент. к I, 35. *Коринф* — популярный актер, играющий роль комического глупца.

199. *Цезарь* — Нерон. *Игры* — гладиаторские бои в цирке.

200–209. *Гракх* (ср. 2, 117) выступает на арене цирка как гладиатор-ретиарий, вооруженный трезубцем и сеткой, против *секутора*, вооруженного щитом и мечом, и *мирмиллона* (ср. 6, 81).

212. *Сенека* — см. коммент. к 5, 109.

213. ...не хватит одной обезьяны... — Нерона следовало бы казнить, как казнили отцеубийц, то есть бросить в Тибр зашитого в мешок вместе с обезьяной, змеей, петухом и собакой.

215–219. *Сын Агамемнона* — Орест (см. коммент. к I, 5). *Супруга-спартанка* — Гермiona, жена Ореста, дочь спартанского царя Менелая. Нерона обвиняли в убийстве матери Агриппины, сводного брата Британника и двух жен Октавии и Поппеи.

220. «*Троада*» — поэма Нерона о гибели Трои.

223. *Юлий Виндекс* — наместник Галлии при Нероне, вождь восстания 68 г.; Сульпиций *Гальба* поднял восстание против Нерона в Испании; римский император в 68–69 гг. *Вергиний Руф* выступил против Виндекса и разбил его, после чего войско предложило ему императорскую власть.

226. *Венок из петрушки* (сельдерея) — как сообщают историки, Нерон привез из Греции большое количество венков, которыми он был награжден на состязаниях поэтов и певцов.

228–229. *Сирма* — длинное одеяние трагических актеров. *Гней Домиций Агенобарб* — отец Нерона, первый муж Агриппины; здесь речь идет о его статуе. *Фигест*, *Антигона*, *Меланиппа* — трагические роли, сыгранные Нероном в Греции.

230. ...*мрамор родного колосса*. — Огромное изваяние Нерона (см. Марциал. 2, 77).

231. *Катилина*, *Цетег* — см. коммент. к 2, 26–28.

233. *Сеноны* — галльское племя.

235. ...*зажженных, как факелы, туник*... — Казнь: людей, обвиненных в поджоге, сжигали заживо, предварительно облив их одежду смолой (ср. I, 156).

237–242. *Новый... человек*... (то есть не из сенаторского сословия) из *Арпина* (провинциального города вольсков в Лации) — Марк Туллий Цицерон, подавивший заговор Катилины. *Октавий* (Август) одержал победу над Антонием у *Левкады* (знаменитое сражение при Акции в 31 г. до н. э.) и еще раньше над Брутом при *Филиппах* (в полях Фессалии).

245–253. *Другой арпинец* — Гай Марий, плебейского происхождения, победитель германских племен тевтонов и *кимвров*, семь раз избирался консулом; *знатный товарищ героя* — Квинт Лутаций Катул, вместе с Марием удостоенный триумфа в 101 г. до н. э.

254. *Деци* — отец и сын, ради победы римского войска пожертвовавшие собой: первый — в войне с латинами в 340 г. до н. э. и второй — с самнитами в 295 г. до н. э.

259–260. *Самый последний из добрых царей...* — Сервий Туллий (см. коммент. к 7, 199); *трабея* — парадная одежда римских всадников, в древности была царским облачением. *Прутьев пучки* — см. коммент. к ст. 23; *диадема Квирина* — царская повязка обоженного Ромула.

261. *Консула сыновья* — сыновья первого римского консула Брута, составившие заговор с целью возвращения в Рим царей и приговоренные за это к смерти.

263–264. Гораций *Коклекс* во время войны с этрусским царем Порсенной в одиночку оборонял мост через Тибр. *Муций* Сцевола, схваченный после неудачного покушения на царя Порсенну, положил руку на огонь, чтобы доказать свое мужество. *Дева* — Клелия, которая, попав в число заложников Порсенны, совершила смелый побег, переплыв Тибр.

267. *Плачьте, матроны, об этом рабе!* — То есть о Бруте, который во время казни сыновей не смог скрыть отцовского чувства (см. Тит Ливий, 2, 5, 8).

269. *Терсит* — безобразный болтливый грек, принимавший участие в осаде Трои (см. «Иллада», 2, 211–277).

270. *Оружье работы Вулкана* — оружие для Ахилла выковал бог Вулкан (Гефест).

273. *...от подлого сброда.* — Согласно легенде первыми соратниками Ромула были пастухи, бродяги и преступники.

2. *Марсий* — сатир, вызвавший на состязание в игре на флейте бога Аполлона и побежденный им.

3–4. *Равола, Родопа* — развратник и развратница; ближе неизвестные.

6. *Креперий Поллион* — представитель знатной и богатой семьи; *тройные проценты* — в императорскую эпоху обычно платили один процент в месяц.

13. ...*на коже ни чуточки блеска...* — См. коммент. к 8, 16.

14. ...*жгучей смолою...* — из *бруттийских* (в южной Италии) лесов, служившей средством для выведения волос на теле.

22. *Авфидий* — известный прелюбодей эпохи Домициана (ср. Марциал, 5, 61).

23–24. Перечисляются места, часто посещаемые женщинами: *храм Мира*, построенный при Веспасиане, в нем находилась статуя *Ганимеда*, прекрасного юноши, похищенного Юпитером; храмы египетской богини *Исиды* и богини урожая *Цереры* и, наконец, расположенный на *Палатине* Храм Великой *Матери* богов Кибелы.

32. *Рок управляет людьми...* — Пародия на проповеди стоиков.

35. *Виррон* — см. 5, 38.

37. «*Ибо мишень...*» — Пародирование гомеровского стиха «Ибо железо само прилипает к деснице мужчины» («Одиссея», 16, 294 и 19, 13); в подлиннике большая часть стиха — по-гречески.

47. ...*Мальчиком...достойным небес и киафа.* — То есть Ганимедом, унесенным на небо, чтобы стать там виночерпием богов. *Киаф* — ковшик, которым наливали вино из чаши в бокалы.

53. *Первое марта* — в этот день справлялись Матроналии, праздник, во время которого замужним женщинам подносились подарки.

55–57. ...*что коршун устанет // Их облетать?* — поговорка (ср. Петроний, 37). *Трифолин...Кумский хре-*

бет...склоны...Гавра... — местности в Кампании, известные своими виноградниками.

62. ...*другу-скопиу, что кимвалом бряцает?* — То есть жрецу богини Кибелы.

65. *Как Полифемово око, что дало удрать Одиссею.* — Речь идет об одноглазом циклопе, ослепленном Одиссеем, попавшем к нему в пещеру (см. «Одиссея», 9).

87–89. ...*Право отцовства...дойду я до трех...* — По законам Августа только граждане, имевшие сыновей, имели право наследовать имущество по завещанию, а отцы трех детей пользовались еще дополнительными привилегиями.

95. ...*пемзой отглажен.* — См. ст. 13.

101. ...*в куриш Марса в Афинах* — в религиозном афинском суде-ареопаге.

102. *О Коридон, Коридон!* — пародия на «Буколики» Вергилия (2, 69). *Коридон* — имя пастуха, влюбленного в юношу Алексиса.

117. *Савфея* — пьяница (см. 6, 320).

130. *Эти холмы* — то есть города Рима.

133. ...*чешут по-бабьи башку* — обычный жест женщин с напوماженной головой.

134. *Эрука* — трава, оказывающая возбуждающее действие.

135–136. *Лакеса, Клото* — богини судьбы: Клото, прядущая нить человеческой жизни; Лакеса, ее отмеряющая, и Атропа, ее отсекающая.

142. Гай *Фабриций* Лускин, цензор 276 г. до н. э., вычеркнул из списка сенаторов Публия Корнелия Руфа за то, что тот пользовался серебряными сосудами, превышающими размеры, установленные законом. *Мезы* — жители области в северной Фракии.

149–150. Известный эпизод из гомеровской «Одиссеи» (12).

1. *Гады* — ныне город Кадикс на атлантическом побережье Испании.

10. *Кротонец Милон* — знаменитый атлет VI в. до н. э.; по преданию был растерзан волками, когда пытался руками расщепить огромное дерево.

16–17. Кассий *Лонгин* — известный юрист, консул 30 г. н. э., из-за своего огромного богатства пал жертвой нероновского произвола и был сослан в Сардинию. Философ *Сенека* обладал колоссальным богатством, обвиненный в заговоре против Нерона, был вынужден покончить с собой. Плавтий *Латеран* — владетель дворца на Целийском холме; был вовлечен в заговор Пизона и присужден к казни; его имуществом завладел Нерон.

28–35. ...*один-то мудрец все смеялся...а другой...большие все плакал...* — Легендарные образы «смеющегося» над людскими заблуждениями Демокрита (V–IV вв. до н. э.) и «плачущего» над ними Гераклита (VI–V вв. до н. э.) (см. Сенека, «О гневе», 2, 10, 5).

33–34. *Претекста* — окаймленная пурпуром тога, которую носили римские магистраты; *трабея* — парадное одеяние всадников; *трибунал* — возвышение, на котором восседали магистраты при исполнении служебных обязанностей; *ликторские связки* — см. коммент. к 8, 23.

36–46. Поэт описывает торжественное шествие при открытии цирковых игр, которое выглядит как триумф. *Претор в колеснице* представляет собой Юпитера Капитолийского; на нем такая же одежда, что и на статуе бога: пурпурная *туника* и шитая золотом *сарранская тога* (от древнего названия финикийского города Тира). *Огромный венок* из золотых дубовых листьев поддерживается специально назначенным для этого *государственным рабом*, который, чтобы триумфатор не зазнался, постоянно напоминает ему о том, что он всего лишь простой смертный.

50. *Баранья страна* — Абдера во Фракии, родной город Демокрита, считавшийся «родиной дураков». У римлян слово «абдерит» служило синонимом глупца.

53. ...показывал кукиш. — Точнее: средний палец при сложенных остальных — жест крайнего презрения.

55. ...воском колени у статуй богов залепля. — Имеются в виду просьбы или благодарения, написанные на восковых табличках, которые прикреплялись к статуям богов.

57. *Почестей список* — прибитая к подножью статуи бронзовая доска с указанием всех полученных должностей и почетных титулов.

59–60. *колесницы... коням...* — Речь идет о конных статуях.

62. Луций Элий *Сеян* — всемогущий временщик при императоре Тиберии; в 31 г. был обвинен в государственной измене, свергнут и казнен.

65. ...побеливши быка... — Если предназначенный для жертвоприношения бык не был целиком белым, темные места на его шерсти белили мелом.

71. ...большое письмо пришло из Капреи... — Письмо, написанное императором Тиберием, который в то время находился на острове Капрее в Неаполитанском заливе.

75. *Туск* — то есть этруск. Сеян родился в Этрурии.

82. ...печь велика. — Для переплавки статуй Сеяна и других обреченных. *Где жертвенник Марса...* — На Марсовом поле.

83. *Бруттидий* Нигер — эдил 22 г. (см. : Тацит, «Анналы», 3, 66), вероятно, друг Сеяна.

84–86. ...*Аякс побежденный*... — Император Тиберий, подобно Аяксу, побежденному Улиссом в споре за доспехи Ахилла и в гневе перебившему стадо баранов, способен наказать многих римлян, недостаточно защищавших его от происков Сеяна.

91. *Курульные кресла*. — Консулам, преторам и курульным эдилам была присвоена привилегия выполнять свои обязанности, сидя в особом складном кресле, украшенном слоновой костью.

94–95. *Ты хочешь...войск в столице...* — Сеян возглавлял преторианскую гвардию.

100. *Фидены, Габиш* — см. коммент. к 6, 56–57.

101. *В захолустье улубрском и кружки // Непомерные бить...* — В маленьких Улубрах (местечко в Лации) единственное занятие эдила — контроль за рыночными мерами.

108–109. *Помпей, Красс и приведший к плети квиритов* Цезарь были товарищами по 1-му триумvirату.

112. *...низвергают к Плутону...* — То есть в преисподнюю. *Плутон* — владыка подземного мира и царства мертвых.

115–116. *Квинкватриш* — ежегодный праздник в честь *Минервы*, богини мудрости, покровительницы учителей и учеников; *асс* — мелкая римская монета.

122. *«О счастливый Рим!»* — Нескладная строка из поэмы Цицерона о своем консульстве, ставшая посмешищем у античных писателей.

125–126. *...речей...против Филиппа...* — Имеются в виду речи Цицерона против Антония, названные по аналогии с речами Демосфена против Филиппа Македонского «Филиппиками»; самая знаменитая из них — вторая. *Конец был жестоким...* — Демосфен, вынужденный бежать из Афин, принял яд, чтобы не попасть в руки преследователей (322 г. до н. э.).

130. *Полуослепший отец*. — Отец Демосфена был не простым кузнецом, а богатым оружейным мастером, владельцем мастерской.

133–137. *Знаки военных побед...* — Дается описание трофея: вооружения, снятого с убитого врага и выставленного на всеобщее обозрение. *Трирема* — корабль с тремя рядами весел.

149. *Маврийский океан* — то есть Атлантический.

156. *Субура* — см. коммент. 3, 4–5.

158. *...воздем...окривевшим!* — Весной 217 г. до н. э. Ганнибал на единственном уцелевшем слоне пересек Апеннины, но когда ехал через болота, затопленные Арно, заболел и ослеп на один глаз.

162. *Тиран-виффинец*. — Царь Вифинии Прусий I, при дворе которого скрывался Ганнибал.

165–166. ...отмститель за Канны...перстень. — В 216 г. до н. э. Ганнибал одержал знаменитую победу над численно превосходящими силами римлян и в подтверждение послал в Карфаген огромное количество колец, снятых с убитых римлян. В 183 г. до н. э. он, чтобы не быть выданным Риму, принял яд, который носил в перстне.

167. ...чтобы...стать декламации темой! — Ср. 7, 161–164.

168. Юноша родом из Пеллы — Александр Великий был уроженцем македонского города Пеллы.

170. Гиары — см. коммент. к I, 74; Сериф — к 6, 564.

171. Кирпичные стены столицы — Вавилон, имевший стены из обожженного кирпича.

174. ...Афон переплыли... — Афон — высокий мыс в Македонии, через который в 480 г. до н. э. по приказу персидского царя Ксеркса был прорыт канал.

175–176. ...Геллеспонт...устлан судами... -- Знаменитый мост, сооруженный Ксерксом из кораблей, по которому персидское войско переправилось в Грецию.

177. ...их выпил мидиец... — То есть Ксеркс и его воины. Персидское войско было столь многочисленным, что для него в Греции не хватало питьевой воды (см. : Геродот, 7, 21).

178. ...Сострат с крылом отсыревшим. — Как объясняет древний комментатор, Сострат (неизвестный нам поэт), описывая поход Ксеркса, вспотел от возбуждения.

179. Саламин — остров у берегов Аттики, возле которого персидский флот был полностью разгромлен греческими кораблями.

180–184. ...плетьюми бичевавший...в кандалы заковавший... решился море клеймить... — Геродот рассказывает, что после того, как буря снесла первый мост, построенный персами через пролив, разгневанный Ксеркс «повелел бичевать Геллеспонт, наказав 300 ударами бича, и затем погрузить в открытое море пару оков... и послал также палачей заклеить Геллеспонт клеймом» (Геродот, 7, 35). Кор — северо-западный

ветер; *Эвр* — юго-восточный. *Эол* — повелитель ветров. *Энносигей* (греч. «колебатель земли») — постоянный эпитет Нептуна.

194. *Табрака* — приморский город в Нумидии.

202. *Косс* — охотник за наследством, ближе неизвестен.

211. *Селевк* — кифарист эпохи Домициана.

220–224. Перечисляются порочные представители современного Ювеналу римского общества: куртизанка *Оппия*, врач *Темизон*, опекун *Гирр*, адвокат *Басил* (ср. 7, 144), развратница *Мавра* (ср. 6, 307–308), учитель *Гамилл*.

246–247. *Пилоса царь* — Нестор, персонаж гомеровской «Илиады». По греческому счету средний человеческий век равен $33 \frac{1}{3}$ года, следовательно гомеровскому Нестору, прожившему три поколения, — 100 лет. Римляне, по указанию сивиллиных книг, свой век считали в 110 лет, поэтому у Овидия Нестор — трехсотлетний старик (см. «Метаморфозы», 12, 188). *Веющая птица* — ворона, живущая (по Гесиоду) девять человеческих веков.

249. ...годы считая свои уж на правой руке... — Единицы и десятки римляне отсчитывали на левой руке, сотни и тысячи — на правой.

253. *Антилох* — сын Нестора; еще не стригший своей бороды юноша был убит Мемноном (см. «Одиссея», 4, 187 сл.); здесь он представлен на погребальном костре.

256. *Пелей* — царь Фтии, отец Ахилла.

257. ...тот, чья судьба была плач об отплывшем с Итаки. — Лазэрт, отец Одиссея, отправившегося на Троянскую войну и вернувшегося домой только через двадцать лет.

258. *Приам* — царь Трои; *Ассарак* — прародитель троянцев.

260–262. *Гектор*, *Кассандра*, *Поликсена* — дети Приама.

263–264. ...строить // Не принимался еще Парис кораблей... — Сын Приама Парис похитил Елену, жену

спартанского царя Менелая, что вызвало Троянскую войну.

271. *Приама супруга* — Гекуба была превращена в собаку.

273–275. *Владыка Понта* — Митридат; *Крез* — царь Лидии; оба лишились престола. ...*справедливое слово Солона*... — Как рассказывает Геродот (I, 29 сл.), знаменитый афинский законодатель Солон на вопрос Креза «Кого можно считать счастливым? ответил: «Никого при жизни нельзя считать счастливым». Через много лет, приговоренный к сожжению на костре, Крез вспомнил эти слова афинского мудреца.

276–278. Семидесятилетний *Марий* (см. коммент. к 8, 249), спасаясь от преследований Суллы, бежал из Рима и укрывался в *Минтурнских* болотах (в Кампании), а затем в Африке, где, по некоторым рассказам, жил подаванием.

283–286. ...*лихорадку послала Кампания*... — Помпей заболел в Неаполе в 50 г. до н. э., а в 48 г. до н. э. после поражения при Фарсале бежал в Египет, где был предательски убит; его отрубленная голова была отослана Цезарю.

287–288. Корнелий *Лентул* и Корнелий *Цетег* — участники заговора *Катилины* (см. коммент. к 2, 26–28).

292. Богиня *Латона* — мать Аполлона и Дианы (Артемиды).

293–295. *Лукреция* — римская матрона; обесчещенная из-за красоты сыном Тарквиния Гордого, не вынеся позора, убила себя. *Виргиния* — красивая дочь Луция Виргиния; преследуемая децемвиром Аппием Клавдием, во избежание грозившего ей бесчестия была убита своим отцом. *Рутила* — неизвестная женщина.

299. ...*заветы...древних сабинов*... — Строгость сабинских нравов вошла в поговорку (ср. 3, 85 и 169).

313–314. ...*Марса, // В сети попавшего*. — Намек на то, как Гефест поймал в искусно сделанную сеть свою жену Афродиту и Ареса (Марса) во время их любовного свидания. (см. : «Одиссея», 8, 226 сл.).

317. ...*ерша...загоняют*. — Обычная расправа с застигнутыми прелюбодеями (ср. Катулл, 15).

318. *Эндимион* — красивый юноша, в которого влюбилась Диана; здесь: в нарицательном значении.

325–327. *Ипполит* — сын афинского царя Тесея; был оклеветан мачехой *Федрой*, воспылавшей к нему любовью и, проклятый отцом, погиб, упав с колесницы. *Беллерофонт* — сын коринфского царя Главка; оклеветанный супругой аргосского царя Прета *Сфенебеей* с трудом избежал гибели.

330–331. *Супруга Цезаря*. — Мессалина, жена императора Клавдия; в 47 г., воспользовавшись отсутствием мужа, отпраздновала свадьбу с Гаем Силием.

355. ...из белой свиньи... — Свинья приносилась в жертву Венере перед свадьбой; здесь упоминается о ней, так как речь идет об обетах, касающихся брака.

362. *Сарданапал* — последний ассирийский царь, известный своей роскошью и изнеженностью.

САТИРА ОДИННАДЦАТАЯ

1–2. *Аттик* — имя богатого римского патриция.

3. *Апиций* — см. коммент. к 4, 23.

8. *Ланиста* — см. коммент. к 6, 216.

22. *Вентидий* — возможно, Вентидий Басс, упомянутый в 7, 199.

24. *Атлас* — горный хребет на северо-западе Африки.

27. «*Познайте себя*» — надпись в храме Аполлона в Дельфах; приписывается Хилону, одному из «Семи мудрецов».

30. *Терсит* — см. коммент. к 8, 269. *Ахиллеса доспехи* — см. коммент. к 7, 115.

34. *Матон* — см. коммент. к I, 32 и 7, 129–130. *Курций* — ближе неизвестен.

43. *Поллион* — возможно, Креперий Поллион, упомянутый в 9, 6.

49. ...в Байи бегут и к устрицам ближе... — Неподалеку от Бай, курортного места в Кампании, находилось Лукринское озеро, где водились устрицы, ценимые римскими гурманами (см. коммент. к 4, 141–142).

51. *Эсквилин* — один из холмов Рима, там находились дома богачей; *Субура* — район, населяемый преимущественно простым людом.

61–63. *Эвандр* — герой италийских сказаний, основавший на берегу Тибра колонию аркадян и радушно встретивший там *Геркулеса*, а затем *Энея*. Геркулес был сожжен на костре и вознесен в качестве бога на Олимп; Эней, согласно легенде, был унесен водами реки Нумиции и взят на небо своей матерью Венерой.

65. *Тибуртинская страна* — Тибур — город в Лации на берегу реки Аниен.

73. *Сигния* — город в Лации; сирийские сорта груш разводились в Апулии.

78. *Курий* — см. коммент. к 2, 3.

90–91. *Фабиц*, *Скавры* — знатные римские фамилии; *Катон* — прославившийся своей суровостью цензор; *Фабриций* — победитель царя Пирра, известный своей неподкупностью.

92. ...*Цензора... боялся его же коллега...* — По всей видимости, намек на взаимные обвинения в нарушении своих обязанностей двух цензоров Марка Ливия Салинатора и Гая Клавдия Нерона, разбивших Гасдрубала при Метавре (207 г. до н. э.).

96–97. ...*головою осла...* — Животного, посвященного богине очага Весте и богу плодородия Приапу (см. : Овидий, «Фасты», 6, 319 сл.).

104–105. *Волчица* — согласно легенде, вскормившая близнецов Ромула и Рема (*двух Квиринов*); символ города Рима.

111–113. ...*голос... когда наступали // Галлы...* — Как рассказывает Тит Ливий, за несколько дней до прихода в Рим галлов, возглавляемых Бренной, Юпитер предупредил римлян о грозящей им опасности (5, 32).

119. *Эвр* — см. коммент. к 10, 180–184.

124–126. *Сиена* — город в Египте на берегу Нила, часто называемый Воротами Египта; *набатей* — племя в северной Африке.

131–141. *Триффер* — содержатель кулинарной школы в районе *Субуры*; искусству разрезания экзотических птиц и животных он учит на их деревянных моделях

(обед деревянный). *Скифские птицы* — фазаны из Колхиды.

158. ...с мазями банкой. — С притираниями после бани.

163. *На гадитанский манер* — на манер испанских сладострастных плясок // город Гады — см. коммент. к 10, I).

175. *Лаконские плиты*. — Зеленый мрамор, привозимый из Лаконии (в Пелопоннесе).

181. *Марон* — Публий Вергилий Марон (70–19 гг. до н. э.), автор «Энеиды».

193. *Празднество в честь Кибелы* — Мегалезии; справлялись с 4 по 10 апреля; началом цирковых состязаний служил взмах платком, знак, подаваемый консулом (или претором).

197. ...цирк вместил всю столицу... — Во времена Траяна Большой Цирк вмещал от трехсот до четырехсот тысяч зрителей.

198. ...узнаю о победе «зеленых». — См. коммент. к 7, 114.

200. ...в дни поражения... в Каннах. — В 216 г. до н. э. в войне с Ганнибалом.

САТИРА ДВЕНАДЦАТАЯ

2. *Дерн* — алтарь из дерна.

4. *Горгоносная Минерва*. — Постоянным атрибутом Минервы была накинута на грудь и плечи эгида с изображением змееголовой Горгоны.

5. *Тарпейский* (или Капитолийский) *Юпитер* — Тарпейская скала — часть Капитолийского холма, на котором находились храмы *Юноны* (ст. 3) и *Юпитера*.

13. *Клитумн* — река в Умбрии; считалось, что ее воды отбеливают овечью шерсть и бычью шкуру.

28. ...Исидой живут живописцы. — Исида считалась покровительницей мореплавателей, и моряки посвящали ей картины, на которых изображалось их спасение во время морской бури.

34–36. ...*бобру подражая*... — Широко распространенное в древности заблуждение, которое разделял даже Плиний Старший, писатель-энциклопедист I в. н. э. (см. : 8, 30, 47). *Бобровая струя* — употреблявшееся в медицине выделение желез бобра.

39. *Изнеженный Меценат* — см. коммент. к I, 66.

42. *Бетийский* — по названию реки Бетис на юге Испании.

44. *Дело Парфения рук* — в подлиннике: «сделанных для Парфения», спальника Домициана, одного из участников заговора против императора.

45. *Фол-кентавр* — дружелюбный кентавр, напивший Геракла вином из огромного кубка. *Супруга Фуска* — пьяница; ближе неизвестна.

65. ...*белую нитку*... — Белая нитка в руках Парок предвещала счастливую, а черная — несчастливую жизнь.

70–72. *Высокая местность* — Альбанская гора, где Юл, сын Энея, основал Альба Лонгу, перенеся сюда столицу из *Лавина*, города, названного именем Лавинии, второй жены Энея.

73. ...*от белоснежной свиньи...с тридцатью...сосцами*. — См. коммент. к 6, 177.

76. *Гавань* — в Остии, перед устьем Тибра; построена при Клавдии; на гигантском волноломе возвышалась огромная башня (*Тирренский маяк*).

81. *Байи* — см. коммент. к 11, 49. *Матросы с обритой макушкой*... — Разновидность жертвоприношения: спасшиеся после кораблекрушения моряки в благодарность божеству обрывали себе голову.

93. *Брось подозренья*... — В том, что поэт радуется спасению друга в надежде унаследовать его имущество: у Катулла трое детей.

100. ...*весь портик закроют*... — Имеется в виду портик дома, а не храма.

101. *Гекатомба* — жертва в сто быков.

106. *Цезарев скот* — слоны.

107–108. *Ганнибал тирский* — то есть карфагенский (Карфаген — колония финикийского города Тира);

Малосс — Пирр, царь Эпира (малоссы — племя, населявшее центральную часть Эпира).

111. *Новий* и *Пакувий-Гистр* — охотники за наследством, готовые для достижения желаемого на любые обещания.

119–120. *Ифигения* — дочь Агамемнона и Клитемнестры, принесенная отцом в жертву богине Артемиде, которая заменила девушку на жертвеннике ланью.

128. *Несторов век* — см. коммент. к 10, 246–247.

129. ...*богат, как Нерон с грабежей...* — См. коммент. к 10, 16–17.

САТИРА ТРИНАДЦАТАЯ

17. *Фонтей* Капитон — консул 67 г.; следовательно, сатира может быть датирована 127 г.

27. *Фивы* — крупнейший город Беотии; у Гомера — «семивратные» Фивы. У реки *Нила* было семь устьев.

32. *Фесидий* — вероятно, очень богатый адвокат.

39. ...*серб земледельца не взял... Сатурн...* — Согласно древним легендам, Сатурн, спасаясь от своего сына Юпитера, прибыл в Италию, где ввел земледелие и виноградарство. С его именем связано представление о золотом веке.

41. *Пещера Идейская* — на Крите; по некоторым мифам, место рождения Юпитера.

43–45. *Илионский мальчик* — Ганимед, *Геркулесова жена* — Геба; оба — виночерпии богов. *Вулкан... После липарских мехов...* — По представлениям древних, Вулкан, бог огня и кузнечного ремесла, обитал на Сицилии и Липарских островах (в Тирренском море).

48. *Атлант* — см. коммент. к 8, 32.

50. *Сицилийская жена* — дочь Цереры Прозерпина, похищенная Плутонем на лугах Сицилии.

51–52. *Камни* — наказание Сизифа: в преисподней он должен был постоянно вкатывать на гору тяжелый камень, который, достигнув вершины, срывался вниз. *Колесо* — Иксиона, который за свои преступления был прикован в подземном царстве к вечно вращающемуся

огненному колесу. *Корицун* — имеются в виду два коршуна, непрерывно клевавшие печень великана Тития, распростертого на земле в преисподней. *Цари преисподней* — Минос, Эак и Радамант, судьи мертвых в подземном царстве.

62. *Этрусские свитки* — гадательные книги гаруспиков; искусство предсказания пришло в Рим из Этрурии.

78–80. *Тарпейский перун* — молния Юпитера Капитолийского; *киррский прорицатель* — Аполлон (Кирра — гавань Дельф); *Охотница-дева* — Диана.

85. *Укус александрийский* — ценился у римлян за свою крепость.

93. *Систр* — музыкальный инструмент (скоба с металлическими пластинками), употреблявшийся при богослужении в честь Исиды.

96–97. *Ладас* — знаменитый греческий атлет, победитель в беге на Олимпийских играх. *Чемерица* употреблялась как средство от душевных болезней. *Архиген* — см. коммент. 6, 236.

111. *Катулл* — см. коммент. к 8, 186–187.

112. *Стентор* — греческий воин с громким голосом, как у пятидесяти человек («Илиада», 5, 785).

113. *Гомеров Градив* — Марс (Арес), раненный героем «Илиады» Диомедом (5, 859); см. также коммент. к 2, 128.

119. *Вагеллий* — адвокат и декламатор.

122. ...*Розных обличьем своим...* — Киники, в отличие от стоиков, туник не носили, а надевали плащ прямо на голое тело.

123. *Эпикур* (341–270 гг. до н. э.) — величайший афинский философ, основатель эпикурейской школы; призывал жить согласно природе и довольствоваться малым.

125. *Филипп* — плохой врач; ближе неизвестный.

141. ...*от белой курицы...* — Труднообъяснимое выражение; нигде больше не встречается. Возможно, Ювенал имеет в виду эпизод, рассказанный Светонием в биографии Гальбы (I).

151. ...*позолоченный бок*... — Статуи богов нередко покрывались позолотой, иногда в виде тонких золотых пластин.

155. ...*в шкуре быка, зашив с обезьяной*... — См. коммент. к 8, 213.

157. Гай Рутилий *Галлик* — префект Рима при Домициане.

162–163. ...*среди Альпов зобы*... — болезнь, распространенная в некоторых альпийских долинах. ...*в Мерое // Груды у женщин полней*... — Об этом говорит только один Ювенал, возможно, по личным впечатлениям (Мероя — см. коммент. к 6, 522).

167. *Фракийские птицы* — журавли.

184–185. *Хрисипп* — философ-стоик (III в. до н. э.); *Фалес* Милетский — один из «Семи мудрецов» (VII–VI вв. до н. э.); *Сократ* — греческий философ (V в. до н. э.), жил около *Гиметта*, знаменитого своим медом холма около Афин.

197–199. *Цедиций* — возможно, приближенный Нерона; *Радаманф* (Радамант) — см. коммент. к ст. 51–52. *Пифия* — жрица-прорицательница в храме Аполлона в Дельфах. *Спартанец* — Главк, сын Эпикида; был наказан богами за одно лишь желание утаить чужие деньги (см. : Геродот, 6. 86).

249. *Тиресий* — легендарный слепой прорицатель из Фив.

САТИРА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

5. ...*с игрушечной чашкой*. — То есть со стаканчиком для игры в кости.

9. ...*Птичек, что фиги едят*... — Виноградники, излюбленное лакомство богатых римлян (ср. Марциал, 13, 5).

20. *Антифат*, царь лестригонов, и циклоп *Полифем* — мифические людоеды («Одиссея», 9–10).

35. *Титан* — Прометей (см. коммент. к 4, 133).

42. *Катилина*. — См. коммент. к 2, 26–28.

44. *Брута...его...дяди Катона...* — Катон Утический был братом Сервилии, матери Брута, убийцы Цезаря.
58. *...Требует банок...* — Банки прикладывались к голове при лечении мозговых болезней.
81. *Зевсовы слуги* — орлы.
- 86–90. *Кайета* в Кампании; *Тибур* (с храмом Геркулеса) и *Пренесте* (с храмом Фортуны) в Лации.
91. *Посид* — вольноотпущенник Клавдия, построивший в Байях роскошные термы.
- 113–114. *...змея гесперидский // Или понтийский.* — Первый сторожил золотые яблоки, второй — золотое руно.
130. *...в жаркий сентябрь.* — Когда дует Австр (см. коммент. к 4, 59).
- 160–162. *Татий* — царь сабинян, сначала воевавший с Ромулом, а затем объединившийся с ним. *Пирр и молоссы* — см. коммент. к 12, 108.
164. *Югер* — 0,25 гектара.
- 180–182. *Марс, герник, вестинец* — древние италийские племена, ведущие простой и скромный образ жизни.
193. *Центурион* — низший офицерский чин в римской армии, выбиравшийся из опытных солдат или назначавшийся полководцем.
196. *Мавры* — жители Африки, *бриганты* — Британии.
197. *...получить орла дорогого...* — То есть высокое жалование центуриона примпилов, командира первой манипулы, которой было доверено легионное знамя — *орел* (см. коммент. к 8, 51–52).
202. *...прятать за Тибром...* — Рынки, где продавались изделия с неприятным запахом, например кожаные, находились за Тибром, в кварталах римской бедноты.
214. Как *Аякс* и *Ахилл*, два героя Троянской войны, превзошли в доблести и славе своих отцов.
219. *...держась за алтарь и ногу Цереры.* — При торжественной клятве одну руку клали на алтарь, другую — на ноги статуи божества. О *Церере* см. коммент. к 6, 50.

239–240. О *Дециях* см. коммент. к 8, 254; *Менекей* добровольно пожертвовал своей жизнью ради спасения *Фив* — города, основанного героем Кадмом, победившим Дракона и засеявшим его зубами землю, из которых выросли родоначальники знатнейших фиванских родов.

251. ...*старость оленя*. — Древние считали, что олень живет девять вороньих веков, а ворона — три человеческих (ср. 10, 246).

252–253. *Архиген* — см. коммент. к 6, 236; *Митридат* — к 6, 660.

257. ...*преторов пышных подмостки*... — Зрелища устраивались эдилами или преторами за свой счет.

260–261. ...*пред бдящим Кастора оком* — то есть в его храме на старом форуме; храм *Марса* Мстителя находился на соседнем форуме Августа; поэт ссылается на какое-то, неизвестное нам, святотатство («*Марс шлема лишился*»).

263. То есть на праздниках в честь *Цереры* (Цериалиях), *Кибелы* (Мегалезиях) и *Флоры* (Флоралиях, см. коммент. к 6, 195, 250) — все в апреле.

265. *Петавр* — снаряд для гимнастических трюков.

267. ...*на корикской корме*... — Корик — портовый город в Киликии (Малая Азия), славившийся шафраном.

268. *Кор* и *Австр* — северо-западный и южный ветры.

271. *Крит* — остров в Средиземном море, где некогда воспитывался Зевс.

278–280. *Воды карпатские* — около острова Карпатоса между Критом и Малой Азией; *гетулийские* — около Африки. *Кальпа* — Гибралтар, один из Геркулесовых столпов.

284. *Разным безумьем*... — Поэт приводит два случая безумия, известные по древним мифам: Орест, убивший свою мать и ее любовника и не находящий успокоения даже в объятиях сестры Электры; Аякс, потерпевший поражение в споре за оружие Ахилла и в слепой ярости перебивший стадо быков и баранов, приняв их за греческих вождей.

299. *Таг* и *Пактол* — две золотоносные реки: в Испании и Азии соответственно.

302. ...*Кормиться картиной крушенья*. — Потерпевшие бедствие моряки просили подаяния, неся небольшую картину с изображением постигшего их несчастья.

305. *Лицин* — богатый вольноотпущенник Цезаря; при Августе был наместником Галлии.

308. *Черепаха* — отделанное черепахой ложе, ср. II, 94.

309. *Киник* — философ Диоген Синопский (IV в. до н. э.); несмотря на свое знатное происхождение, вел нищенский образ жизни; по преданию, жил в бочке.

311. *Сразу постиг Александр...* — Намек на известную реплику: «Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном».

315–316. *Нету богов у тебя...* — Ср. 10, 365–366.

319–320. *Эпикур* и *Сократ* — два греческих философа, славившиеся своим простым образом жизни.

324. *Закон Отона*. — См. коммент. к 3, 153–159.

328. *Крез* — см. коммент. к 10, 273–275.

329–331. *Нарцисс* — вольноотпущенник и ближайший советник императора *Клавдия*, отдавший приказ умертвить жену императора *Мессалину*.

САТИРА ПЯТНАДЦАТАЯ

3. *Ибис* — священная птица богини Исиды.

6. *Мемнона волшебные звуки*. — В Фивах, древней столице Верхнего Египта, уже разрушенных в римскую эпоху, находилась колоссальная статуя Мемнона (сына Зари), которая при восходе солнца издавала звук, напоминавший человеческий голос.

14. ...*Улисс рассказал... Алкиною...* — Улисс на пиру у царя феаков Алкиноя рассказал об опасностях, которым он подвергался у циклопов и лестригонов («Одиссея», 9–10).

19. ...*скал Кианей столкновенья*... — Две сталкивающиеся Кианейские скалы (Симплегады), плавающие в Босфоре и расплющивающие корабли.

21–22. *Эльпенор и гребцы захрюкали*... — Эльпенор — спутник Одиссея, который, как и его товарищи, был превращен волшебницей Цирцеей в свинью.

25–26. ...*из коркирской // Урны*... — Коркира (ныне Корфу) — остров, который отождествлялся со страной феаков.

28. Луций Эмилий Юнк был консулом в 127 г.; *Копт* — город в Верхнем Египте.

30. *Сирмы* — см. коммент. к 8, 229; *от Пирры* — то есть от всемирного потопа (см. коммент. к I, 82–84).

33. *Тентира* и *Омб* — города на левом берегу Нила в Верхнем Египте.

46. *Каноп* — см. коммент. к I, 26.

65–66. Перечисляются эпические герои, швырявшие огромными камнями в противников: *Турн* — в Энея («Энеида», 12, 896), *Аякс* — в Гектора, *Диомед* — в Энея («Илиада», 7, 208; 5, 302).

93. *Баски* — народность в северо-восточной части Испании Тарраконской. В 72 г. до н. э. они были осаждены в своей столице Калагурре римским полководцем *Метеллом* (ст. 109).

106. *Зенон* — греческий философ, основатель стоической школы (IV–III вв. до н. э.); учил сохранять невозмутимость в несчастьях.

108. *Кантабры* — жители северного побережья Испании. Ювенал имеет здесь в виду вышеупомянутых басков (ст. 93).

110. *Греков Афины и наши* (то есть Рим) — греческая и римская культуры.

112. *Фула* — островная страна на крайнем севере Европы (западная часть Норвегии или один из Шотландских островов).

114. *Сагунт* — город в Испании, жители которого после длительной осады были захвачены и истреблены солдатами Ганнибала (219 г. до н. э.).

115. *Алтари Меотиды* — то есть Азовского моря.

117. *Та уроженка Тавриды* (то есть Крыма)... — Согласно мифу, в Тавриде было положено начало человеческим жертвоприношениям, которые совершались на алтаре Дианы.

122–123. Смысл, вероятно, следующий: «Если бы Нил решил наказать египтян за их грехи засухой, то могли бы они отомстить божеству более чудовищным образом, чем предавшись людоедству?».

124–125. *Кимвры* — германское племя; *савроматы* — см. коммент. к 2, 2; *агатиры* — сарматский народ.

141. *Мист Цереры* — участник Элевсинских мистерий в Греции.

173. *Пифагор* запрещал своим ученикам есть мясо и бобы (см. коммент. к 3, 229).

САТИРА ШЕСТНАДЦАТАЯ

6. *Самос* — один из центров культа Юноны.

13. *Бардеец* — грубый офицер (по названию илирийского племени).

15. *Фурий Камилл* — римский полководец IV в. до н. э.; был удостоен почетного титула «второго основателя Рима».

23. *Вагеллий* — см. коммент. к 13, 119.

26. *Пилад* — друг Ореста, готовый отдать за него жизнь; в переносном смысле — верный друг.

31. ...*бороду предков*... — См. коммент. к 4, 103.

37. *Камень священный*. — Пограничный камень с высеченным на нем изображением божества.

39. ...*ежегодно чту*... — 23 февраля в честь бога границ Термина справлялись Терминалии.

45–46. *Цедиций* и *Фуск* — адвокаты эпохи Домициана. *Лацерна* — см. коммент. к I, 62.

60. Остальная часть сатиры утрачена.

Научный редактор
В. С. Дуров

Художник
П. П. Лосев

Художественный
редактор
Ф. В. Емельянов

Корректоры
Т. Г. Спирина,
Л. А. Абышко

Ю В Е Н А Л САТИРЫ

Оригинал-макет
изготовлен
в экспериментальной
студии книжного искусства
издательства «Мифрил»
Компьютерная верстка
А. Г. Наследникова

ЧАИ "ОЛИМП"
менеджмент *А.А. Литвинов*
производство *А.А. Игнатенко*

ТОО "МАГИК-ПРЕСС",
г. Санкт-Петербург, 9-я линия В.О., д.12
ЛР №061271 от 8 июня 1992 г.

Подписано в печать 22.03.94. Формат 70х100/32.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9.03. Уч. изд. листов 10.0.
Тираж 10000. Заказ № 313.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на фабрике "Детская книга" № 2
Комитета Российской Федерации по печати.
193036, Санкт-Петербург, 2-я Советская, 7.

Издательство «Алетейя» (Санкт-Петербург) уведомляет своих читателей о продолжении издания серии «Античная библиотека». В 1994 году будут изданы следующие книги:

А. Из подсерии «Античная литература»:

- *Марциал* «Эпиграммы» (впервые на русском языке — полное издание Марциала, включая «запретные» эпиграммы в переводе М. Л. Гаспарова)
- *Лукиан* «Сочинения» в 2 тт.
- «Эллинические поэты»

Все книги богато иллюстрированы. Твердый переплет, золотое тиснение, единое серийное оформление.

В. Из подсерии «Античная история»:

- *Аммиан Марцеллин* «История»
- *Аппиан* «Гражданские войны. Митридатовы войны. Римская история»
- *Э. Гиббон* «История упадка и разрушения Римской Империи», тт. 1-3

С. Из подсерии «Античная философия»:

- *Диоген Лаэртский* «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов»
- *Аристотель* «Метафизика» (в пер. В. Карпова)

Д. Из подсерии «Исследования»:

- *Вяч. Иванов* «Дионис и прадионисийство»
- *Ф. Ф. Зелинский* «Из жизни идей» в 3 тт.

В декабре 1993 года в серии «Памятники религиозно-философской мысли Нового времени» была издана первая книга — *Л. П. Карсавин* «Философия истории». В 1994 году будут изданы также:

- *Л. П. Карсавин* «Избранные сочинения»
- *Л. П. Карсавин* «О началах»
- *Л. П. Карсавин* «Джордано Бруно. Святые Отцы и Учителя Церкви»
- «Текст и Письмо: антология французского постструктурализма»
- *Князь С. Н. Трубецкой* «Сочинения» в 2 тт.
- *Князь Е. Н. Трубецкой* «Сочинения» в 2 тт.
- *Ф. Степун* «Бывшее и несбывшееся» (совместно с издательством «Прогресс»)

и другие книги.

В 1994 ГОДУ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИФРИЛ»
И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ СТУДИЯ
КНИЖНОГО ИСКУССТВА «ЧИСТОЕ ПОЛЕ»
ПРИСТУПАЮТ К ИЗДАНИЮ
КЛАССИЧЕСКОЙ

«ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ
НОВОГО ВРЕМЕНИ»
КУНО ФИШЕРА

ЭТО ДЕВЯТЬ МОНОГРАФИЙ,
ПОСВЯЩЕННЫХ КРУПНЕЙШИМ
ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ
ЭТО ЕДИНСТВО ЗАМЫСЛА
И САМОДОСТАТОЧНОСТЬ КАЖДОЙ
ОТДЕЛЬНОЙ КНИГИ,
ЭТО ИСЧЕРПЫВАЮЩАЯ ПОЛНОТА
И БЛЕСТЯЩИЙ СТИЛЬ ИЗЛОЖЕНИЯ,
ЭТО ИМЕНА:

БЭКОН • ДЕКАРТ • СПИНОЗА
ЛЕЙБНИЦ • КАНТ • ФИХТЕ
ШЕЛЛИНГ • ГЕГЕЛЬ
ШОПЕНГАУЭР

В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ
ВЫХОДИТ В СВЕТ
ПЕРВАЯ КНИГА

ДЕКАРТ. ЕГО ЖИЗНЬ,
СОЧИНЕНИЯ И УЧЕНИЕ

ФОРМАТ 60 X 90 / 16
ОБЪЕМ 40 ПЕЧАТНЫХ ЛИСТОВ
ЖЕСТКИЙ ПЕРЕПЛЕТ (7А)

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «МИФРИЛ» —
ЭТО БЕЗУПРЕЧНО ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ТЕКСТЫ,
С ГРОГОСТЬ И ИЗЯЩЕСТВО ВЕРСТКИ,
ЛУЧШАЯ БУМАГА И ВЫСОКОКЛАССНАЯ ПОЛИГРАФИЯ
ТЕЛЕФОНЫ В СПБ.: 552-26-53, 550-86-70

